

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

9
1968

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

У каждого летчика-испытателя есть летная книжка, в которую записываются все самолеты, испытанные и „облетанные“ им. У Героя Советского Союза, генерал-майора П. М. Стефановского — одного из старейших испытателей советской авиации — таких книжек шесть. Последняя запись под номером „317“

1968

ГОД ИЗДАНИЯ
ОДИННАДЦАТЫЙ

П. СТЕФАНОВСКИЙ,
Герой Советского Союза

317 неизвестных

Записки летчика - испытателя

Когда ты читаешь о подвигах военных летчиков, когда узнаешь из газет об очередном рекордном полете или сам летишь в реактивном лайнере на границе стратосферы, ты не подозреваешь, что и твоя безопасность, и мировые рекорды, и бессмертные подвиги были обеспечены и подготовлены летчиками-испытателями.

Их труд подобен поиску разведчика, решившего вызвать на себя огонь противника. Нередко они, выискивая в новом самолете слабые места, идут на сознательную аварию. И нередко своей смертью они сохраняют жизнь сотням других.

Испытано в небе... Мало кто представляет, сколько мужества и героизма кроется за этими словами. Аппарат рассчитан, сконструирован, создан. Но это еще не самолет. Самолетом аппарат станет, когда впервые поднимется в небо. Кто-то должен быть первым. Первым становится испытатель.

ПЕРВЫЙ
ИНСТРУК-
ТОР

Наша страна строила большой Воздушный Флот, создавала многоцелевую военную авиацию. Особенно бурно развивалось многомоторное самолетостроение. В войсках в сжатые сроки образовывались специальные бомбардировочные части. Советские авиаконструкторы разрабатывали новые, более совершенные образцы бомбардировочных самолетов. Каждый из них, прежде чем поступить в серийное производство или пойти на слом, всесторонне, безжалостно экзаменовался в НИИ ВВС¹ Красной Армии. Поэтому все летчики института должны были уметь пилотировать и легкие и тяжелые машины.

С типичным представителем испытателей-универсалов я познакомился перед первым полетом на бомбардировщике «ТБ-1». Встретились мы на аэродроме. Коренастый, в добротном комбинезо-

¹ Научно-испытательный институт Военно-Воздушных Сил.

не на лисьем меху, он с добродушной улыбкой на крупном обветренном лице выслушал мой доклад о прибытии в его распоряжение и махнул рукой в сторону самолета. Залезай, дескать, чего там официализничать.

Это был Валерий Павлович Чкалов. Не тот, конечно, Чкалов, имя которого вскоре узнала вся страна, весь мир. В летных кругах о нем отзывались тогда как о крайне своеобразном, но отличном летчике, рубахе-парне, замечательном товарище. Я как-то сразу поверил ему, своему первому инструктору в тяжелой авиации. Такой отдаст все, что знает сам, не станет распекасть из-за мелочей, не выставит перед начальством, если где промашку дашь. Да и какие промашки можно допустить на этом аэроплане? Лег на маршрут, установил скорость и следи за курсом, подправляя на снос.

...Мы заняли свои места в кабине. Чкалов как бы между прочим спросил:

— Истребитель?

— Истребитель.

— Тогда поехали.

На взлете Валерий Павлович плавно прибавил оборотов обоим моторам, и тяжелая машина легко, без напряжения поднялась в воздух. За штурвалом Чкалов сидел спокойно, словно за чашкой чая. «Оно и понятно, — подумал я, — к чему волноваться: бомбардировщик устойчив в воздухе, не вильнет, не кувыркнется, как ястребок...»

Совершенно неожиданно самолет вошел в глубокий вираж. А до земли было метров триста, не больше. Безупречно выполнив несколько фигур, Чкалов резко поднял нос корабля, плавно убрав газ и перевел машину в крутое пикирование. Что он делает, черт! Земля стремительно приближается. С беспокойством и укором смотрю на своего инструктора: мы ведь не на истребителе! А он «пьет чай».

Вот уже до земли не более пятидесяти метров...

Деревенские домишки, разрастаясь, лезут в глаза. Еще секунда и...

Взревев моторами, самолет рванулся вверх, легко развернулся и перешел в горизонтальный полет.

В голове у меня сумбур. Бомбардировщик, а такой маневренный! С восхищением смотрю на Чкалова.

— Понял? — спрашивает он, широко улыбаясь.

В ответ согласно киваю головой.

— Давай сам.

Так сразу? А инструктор уже полностью освободил штурвал:

— Ну!

Высота — триста метров. Закладываю не менее глубокие виражи, потом поднимаю нос самолета, плавно сбрасываю газ и по-чкаловски энергично бросаю машину в пикирование. Кажется, не самолет несется вниз, а сама земля мчится ему навстречу. Не ощущаю ни громадных размеров, ни тяжести корабля. Высота уже сто пятьдесят, сто метров... Пора! Самолет пружинисто ломает кривую полета и взмывает вверх.

— Хорошо, — по-вожжски окая, одобрил Валерий Павлович. — Понял. Иди на посадку.

После второй посадки Чкалов освободил командирское кресло, и лицо его снова расплылось в улыбке.

— Лети сам, — сказал он. — Мне тут делать нечего.

Так я стал летать на тяжелых воздушных кораблях. Предвзято к ним как рукой сняло. Уверовал в громадные машины, полюбил их, хотя они и не всегда отвечали взаимностью.

Во многих воздушных передерягах пришлось побывать мне за долгую летную жизнь. Не раз земля неудержимо неслась навстречу моему покалеченному самолету. В такие моменты всегда вспоминались чкаловские «крестины». И сразу прибывало сил, мгновенно остывал возбужденный мозг, быстро возникало единственно верное решение.

Полет с В. П. Чкаловым открыл мне дорогу в большую авиацию, в бескрайнее небо, круто изменил мою летную судьбу. Я навсегда стал военным летчиком-испытателем.

Серый зимний день. Полетов нет: высота нижней кромки облаков всего около тысячи метров. Летчики занимаются каждый своим делом: один читает конспект, другой учебник, третий делает в блокноте какие-то расчеты. Все неразговорчивы, злы. Нелетные дни в последнее время стали слишком частыми. Я тоже этим недоволен: позарез нужен хотя бы один день, чтобы завершить программу испытаний.

Открылась дверь, и вошел посыльный. Меня вызывали в штаб. «Сейчас какое-нибудь общественное поручение подкинут», — подумал я.

В штабе мне приказали срочно готовить «ТБ-3» к полету. Вот те раз!

— Будем нашу технику показывать иностранной делегации, — сказал комбриг Залевский.

— Иностранной? — удивился я.

— Да, итальянской. И принесло же их именно сегодня, когда...

— Что, облака низковаты?

— Какие к черту облака! — неожиданно вспыхнул комбриг. — На истребитель некого посадить!

— А Чкалова?

— Уже сидит. На «губе» сидит твой Чкалов. — И Залевский снова зашагал по комнате.

— А Анисимов? — подсказываю опять.

— В командировке Анисимов.

Александр Фролович Анисимов — самый близкий друг Валерия Павловича — возглавлял истребительную группу НИИ ВВС. Этого плотного, выше среднего роста человека с добродушным лицом любили все. И хотя он был значительно выше нас по воинскому званию и занимаемой должности, мы запросто называли его Сашей. Летным искусством Анисимова восхищались даже Чкалов. Он был действительно непревзойденным мастером техники пилотирования. Летал легко, непринужденно, фигуры высшего пилотажа выполнял исключительно чисто. Чкалов старался подражать Анисимову, стремился освоить его приемы, но преуспеть в этом так и не смог. Не давалась ему анисимовская плавность полета. Характер был, видать, круче.

Не раз друзья допытывались у Александра Фроловича:

— Вот, скажем, иммельман¹, как ты начинаешь выполнять его на «И-5»?

— Да обыкновенно, — с улыбкой отвечал Саша. Он вытягивал горизонтально правую руку и, имитируя голосом рокот набирающего обороты

¹ Иммельман — фигура высшего пилотажа.

мотора, пояснил: — Разгоняем такую скорость, какую может дать самолет в горизонтальном полете. — Голос его крепчал, рокотание резко усиливалось, словно двигатель перешел на режим максимальной мощности. — Затем — дзынь! — Рука быстро и круто загибалась вверх, и ладонь заворачивалась в обратную сторону. — И иммельман готов.

Большого от него нельзя было добиться. Некоторые мало знавшие Сашу ребята утверждали даже, что он-де боится конкурентов и, стараясь скрыть свои секреты, протанковывается. Чепуху они, конечно, говорили. Просто Александр Фролович не умел передавать другим тонкости своего летного мастерства. А может быть, он и сам их не замечал.

Александр Анисимов был, как говорится, рожден для полетов. Валерий Чкалов — тоже. Но каждый из них обладал только ему присущим летным почерком, блестящими, неповторимыми способностями.

...Комбриг Залевский действительно оказался в тяжелом положении. Демонстрировать перед итальянской делегацией высший пилотаж на новом истребителе «И-7» было некому. Потому Батя и бушевал.

— В гражданское вырядились, — с возмущением говорил он об иностранцах. — А вышагивают так, словно каждый лом проглотил. Сразу видать — военные... Вот и воспитывай тут бдительность! — И совершенно неожиданно Батя вдруг крикнул мне: — Чего торчишь? Я, что ли, буду готовить твой самолет к вылету? Марш на стоянку!

Наш «ТБ-3» находился уже в полной готовности. На «приколе» его держала лишь облачность. Если бы она чуть поднялась, мы тут же взмыли бы в небо заканчивая прерванную программу высотных испытаний.

На экипировку экипаж затратил всего несколько минут. В летном обмундировании с парашютами за плечами не спеша идем к самолету. Рассказываю товарищам о том, что слышал от комбрига про итальянцев.

Смотрю, кто-то, сломя голову, прямо по снежной целине несется нам наперерез. Комбинезон распахнут, шлем — набекрень, парашют — в руках. Конечно же Чкалов! Догоняет. Улыбаясь, по-мальчишески радостно кричит:

— Амнистия вышла! Но Батя сказал, что в другой раз он в случае чего прибавит мне пар тройку суток.

Любит Чкалова Адам Иосифович Залевский, ценит. Потому и держит в ежовых рукавицах, не дает спуска.

Валерий зыркнул глазами вверх:

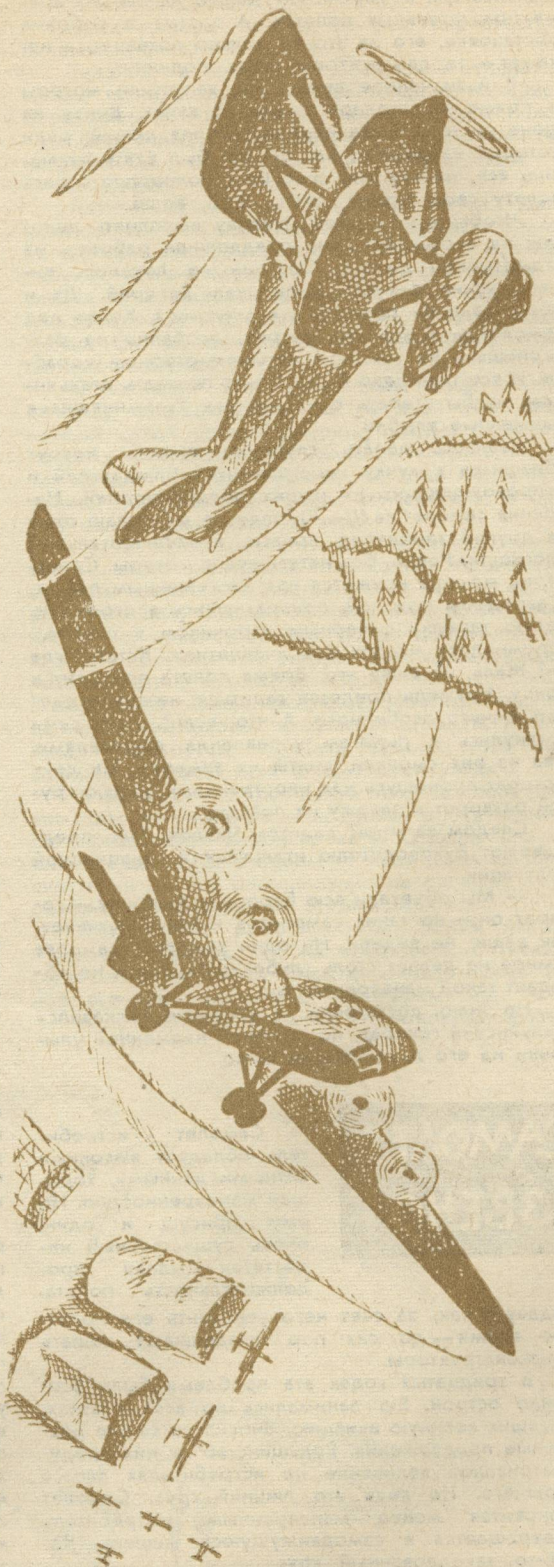
— С тысячу будет? — Это он о границе нижней кромки облаков.

— Не больше.

— Хорошо, — проокал Чкалов. — Ох и хорошо! Ну, чего тянетесь? Шире шаг, бомбовозы! Покажем иностранцам русский характер!

Валерий был весь — порыв, неудержимое стремление вперед и ввысь. Были бы крылья — тут же от нас ринулся бы в небо. Именно в этот момент я так выпукло и многогранно увидел его — волжского богатыря с широченной душой и молодецкой удалью, с неутолимой жаждой летать и неукротимым стремлением совершать что-то необыкновенное.

Чкалов понимал, что уж сегодня-то он сможет развернуться вовсю. Выполнение фигур выс-

шего пилотажа на минимальной высоте будет его главным козырем. Но только нынче, во время показательных полетов. А завтра, в рабочей обстановке, его за это не только похвалят, а накажут — те самые трое суток подкинут.

В назначенное время мы запустили моторы и прямо со стоянок пошли на взлет. Внизу на фоне чистого снега чернела группа людей, ради которых каждый из нас обязан был взять от машин все, на что они способны, полностью отдать полету свои знания, опыт, силы, волю.

Чтобы я не мешал Чкалову выполнять пилотажа на вертикалях, мне предложили работать на стометровой высоте. Поэтому не довелось видеть, какие фигуры выписывал Валерий. Да и обстановка не позволяла отвлекаться. Когда под самолетом всего сто метров, особенно не разворачиваться на тяжелом четырехмоторном корабле. И все-таки надо было что-то показать итальянцам, чтобы стереть с их лиц так запомнившиеся надменные улыбки.

Решаюсь делать глубокие виражи вокруг сбившихся в кучку иностранных наблюдателей и сопровождающих их наших представителей. Накренив самолет на 60—70 градусов, описываю одну за другой замкнутые кривые в горизонтальной плоскости. Ровно, без натуги гудят моторы. Сдастся, не машина кружится над заснеженным полем, а аэродром под ней, превратившись в огромную белую тарелку с черным узорчиком в центре... Вспомнилось чкаловское «чаепитие». Кстати, где он? Жаль, не вижу его. Время полета подходит к концу. Неужели придется садиться, не сумев сделать ничего особенного. А что, если?.. Руки сами потянулись к рычагам управления двигателями. Два из них смолкли, винты их замерли. На двух моторах проношусь над иностранцами, делаю крутой разворот и захожу на посадку.

Следом за мной садится Чкалов. Нас представляют руководителю итальянской авиационной делегации.

— Мы объехали всю Европу и Америку, — говорит он, — но таких самолетов и таких летчиков, как ваши, не видели. Ни один тяжелый самолет в мире не делает столь глубоких виражей, не обладает такой маневренностью.

Не знаю, достаточно ли искренне высказался итальянский генерал, но прежней надменной улыбочки на его лице уже не было.

САМОЛЕТ-ЗВЕНО

Самолет — истребитель обладает высокими летными данными, хорошей маневренностью. Но ему присущ и один, очень существенный недостаток — малая продолжительность полета.

Задачу — как, за счет чего увеличить его полетное время — до сих пор продолжают решать авиаконструкторы.

В тридцатых годах эта проблема была особенно острой. Ею занимались во всех странах, имевших военную авиацию. Вносились самые различные предложения. Большинство из них предусматривало увеличение на истребителях запаса горючего. Но ведь это лишний груз. Самолет становится менее маневренным. Истребитель превращается в самодвижущуюся мишень. Какой-то заколдованный круг.

Талантливый советский авиаконструктор Вла-

димир Сергеевич Вахмистров пошел по другому, совершенно неизведанному пути. Он предложил увеличить радиус полета истребителя за счет... горючего в баках бомбардировщика.

В. С. Вахмистров рассчитал, что два истребителя «И-4», укрепленные с помощью специального приспособления на плоскостях тяжелого бомбардировщика «ТБ-1», могут выполнять «совмещенный» с ним полет. Три соединенных на земле самолета, по мысли конструктора, должны взлетать и лететь при всех их четырех работающих двигателях. Летные качества соединенных самолетов не только не ухудшатся, а даже улучшатся. Во время совмещенного полета истребители питаются горючим из баков бомбардировщика. На заданном рубеже (или когда этого потребует обстановка) они отделяются от «ТБ-1» с полной заправкой горючего и продолжают полет самостоятельно, ведут бой, возвращаются на базу. В этом случае дальность полета истребителей увеличивается по меньшей мере в два раза.

Так возникла и тут же практически укрепилась идея самолета-звена. В зарубежной авиационной литературе в ту пору и намек не было на что-либо подобное.

Приступили к сооружению строенного самолета. Надо было видеть, с каким увлечением, с каким энтузиазмом трудились люди.

На каждой плоскости «ТБ-1» установили по три фермы из прочных металлических труб. Две, передние, покорооче — для крепления оси шасси «И-4», третья — длиннее: она предназначалась для удержания хвоста истребителя в горизонтальном положении. Передние крепления имели замки бомбодержателей, которые открывались из кабины бомбардировщика, задние — из кабин истребителей.

По специально сооруженным накатам истребители водрузили на плоскости бомбардировщика, закрепили их на замки в трех точках, образовавших равнобедренный треугольник. Для выполнения первого полета на самолете-звене был скомплектован первоклассный экипаж. Командир — Адам Иосифович Залевский, на месте пилота — конструктор инженер Вахмистров. Самолеты-истребители пилотировали Валерий Чкалов и Александр Анисимов.

Наступило 31 декабря 1931 года. Не только экипаж самолета-звена, весь летный и инженерный состав института не скрывал своего волнения. Сегодня решится — получит идея Вахмистрова путевку в небо или ей, как и многим другим экспериментам, уготована судьба стать лишь интересным случаем в истории авиации.

Перед самым вылетом — он производился с подмосковного аэродрома — неожиданно поступило распоряжение: инженера Вахмистрова поместить в кабине переднего стрелка, обязанности второго пилота будет выполнять командир эскадрильи Андрей Родионович Шарапов.

Соединенные самолеты взлетели хорошо и перешли в набор. На расчетной высоте в строго установленное время Залевский подал Шарапову сигнал — отцепить истребители. Следовало сначала открыть задние замки, чтобы освободить хвосты «И-4», затем — передние: дать им возможность обрести самостоятельную подъемную силу и отделиться от бомбардировщика. Рукоятки, с помощью которых открывались передние замки, располагались внизу, в проходе между первым и вторым летчиками. И Андрей поторо-

пился: на самолете Чкалова он раньше заднего замка открыл передние.

Чкалов тут же почувствовал: хотя шасси и освобождено, хвост по-прежнему «на привязи». Стремительно растет подъемная сила. Сейчас последует петля вокруг закрепленного хвоста и... Валерий Павлович мгновенно оценил создавшееся положение и немедленно среагировал. Он резко дал руля, открыл крепление заднего замка и, сильно вогнув колесами верхнюю обшивку бомбардировщика, унесся в свободный полет.

Истребитель Анисимова все еще находился на крыле бомбардировщика. Вопреки ранее высказанным опасениям «ТБ-1» сохранял вполне достаточную управляемость. Поэтому последняя задача испытаний оказалась выполненной в числе первых.

При отцеплении самолета Анисимова Шарапов действовал уже хладнокровно. Разъединение прошло благополучно.

Владимир Сергеевич Вахмистров после этого полета затаил некоторую неприязнь к Андрею Шарапову. Хотя сам убедился, что в конструкции нужно произвести ряд переделок. Прежде всего, механизм разъединения самолетов он перенес в кабины истребителей. Теперь их летчики, получив команду на отрыв, сами открывали хвостовые замки и с помощью руля глубины удерживали самолеты на двух передних точках. Для полного отрыва им надо было только взять на себя ручку управления. Передние крепления сразу размыкались, и истребители, оторвавшись от плоскости «ТБ-1», поднимались метров на десять вверх, несколько отставая от бомбардировщика.

В процессе этих доработок меня и назначили командиром «цирка» Вахмистрова — так наши летчики с чьей-то легкой руки стали величать самолет-звено. В этом названии было и восхищение созданной Владимиром Сергеевичем боевой воздушной «единицей в трех лицах», и некоторая толика юмора. Полет самолета-звена и впрямь напоминал что-то вроде циркового аттракциона. «ТБ-1» нисколько не утратил своих качеств из-за размещения на его плоскостях добавочного оборудования, выполнял в полете все эволюции, вплоть до глубоких виражей. Освободившись от

истребителей, он вел себя как обычный серийный бомбардировщик.

Не обошлось, правда, и без циркачества. Вспоминается такой случай.

Задание выполнялось обычное — отрабатывалась техника отрыва истребителей от бомбардировщика. «ТБ-1» пилотировал я. Вторым пилотом был Михаил Александрович Нюхтиков. На истребителях находились В. К. Коккинаки и И. Ф. Гроздь.

Летим. Пришли в заданный район. Даю команду своим «седокам» — отцепляйтесь! Самолет Гроздя забалансировал на передних креплениях. А почему Коккинаки дергается в кабине и, словно сумасшедший, шурует рулями? Увлёкся я разгадыванием его «манипуляций», а про Гроздю забыл. Он же по-прежнему балансирует, ждет сигнала на отрыв.

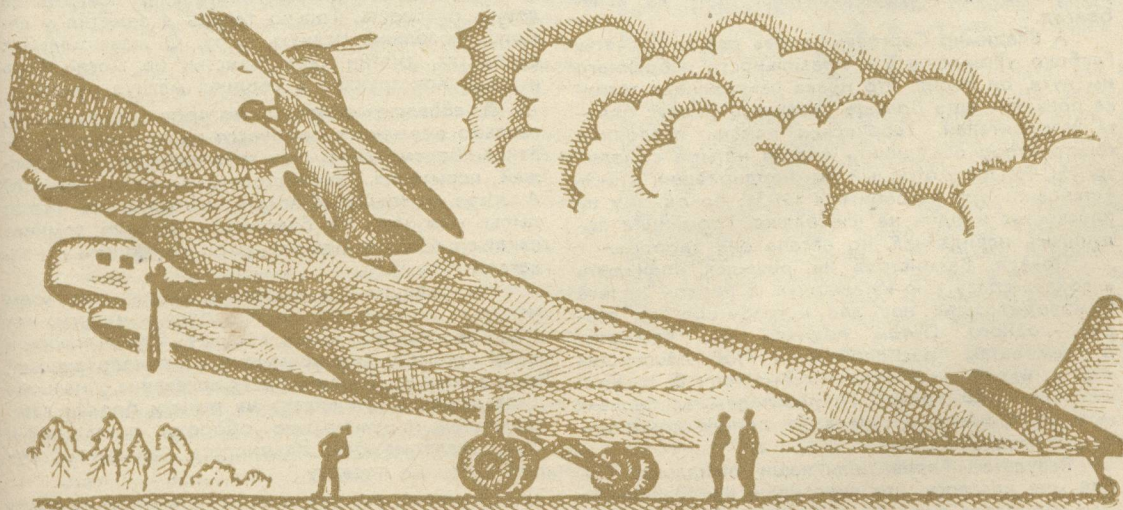
С Коккинаки вскоре все стало ясно: приняв команду отсоединиться, он со всей его медвежьей силой рванул рукоятку расцепления и... оборвал трос хвостового замка. А теперь вот летчик создает рулями перегрузки, чтобы оторвать замок, удерживающий хвост истребителя, и любой ценой отделиться от нас.

Но не тут-то было. Истребитель, как припаянный, сидит на нашей плоскости. Катастрофа кажется неизбежной. Бортмеханик (жаль, забыл его фамилию) рвется совершить подвиг: хочет влезть на крыло, попластунски добраться до хвоста истребителя и открыть замок. Запрещаю: поток воздуха мгновенно сорвет его с крыла. Второй пилот Миша Нюхтиков, мой однокашник по качинской школе, предлагает стрелять из нагана, чтобы пулей перебить замок. Тоже мне снайпер нашелся! Еще в Коккинаки угодит.

А звено летит. Гроздь, не получив последней команды и ничего не подозревая о случившемся, продолжает балансировать. Отпусти его — станет еще хуже: с одним истребителем на плоскости ни за что благополучно не сядешь. Да и поломкой, пожалуй, не отделаешься.

Лихорадочно работает мозг. Нервы напряжены до предела. Что же предпринять? Правда, горючего еще много. Надо держаться поспокойнее, все хорошенько обдумать. Время еще есть.

И тут пришла наконец спасительная мысль,

Правда, такого решения еще никто не принимал — не было подобного примера. Но и ситуации такой же никогда и ни у кого не создавалась.

— Будем садиться втроем, — сообщаю экипажу. — Все по местам.

Теперь и Изюзеф Феликсович Гроздь разобрался в случившемся. Даю ему понять — что бы ни случилось, держись до конца: садиться будем вместе. Он кивает в ответ: понял.

Снижаемся. Все идет хорошо. Тревожит одно: выдержит ли шасси «ТБ-1» посадку с таким весом?

Плавное касание. Самолет бежит по полосе. Шасси не подвели! Вдруг — удар, треск! Неужели машина ломается? Да нет! Вот она и скорость потеряла, остановилась. И тут возникло острое беспокойство за Изюзефа — не сорвался ли он с плоскости? Глянул в его сторону и обмер. Истребитель повис на задней треноге крепления и раскачивается. А в такт ему болтается на ремнях летчик. Одним словом — цирк Вахмистрова.

В первую очередь освободили Гроздя. Обняли, расцеловали. Как-никак он больше всех перенес страху. А могло быть и хуже. Дело в том, что на пробеге, когда руль глубины из-за потери скорости потерял эффективность, истребитель, хвост которого не был закреплен, начал сползать с плоскости бомбардировщика. Задняя ферма крепления, наклонившись под углом тридцать градусов, прорвала фюзеляж «И-4» и уперлась в спинку сиденья летчика. Нос истребителя неестественно задрался. Будь при посадке толчок посильнее, самолет Гроздя сорвался бы.

В ВОЗДУХЕ «ЭТАЖЕРКА»

Испытания самолета-звена продолжались. Они показали, что В. С. Вахмистров нашел верный способ увеличения полетного времени истребителей. Рассмотрев выработанные институтом рекомендации, командование ВВС и Народный Комиссариат Обороны (НКО) приняли решение

вооружить самолетами-звеньями одну из авиабригад.

А Владимир Сергеевич вновь сел за расчеты. Глубоко убежденный в правильности избранного им пути, он верил, что новая авиационная техника позволит еще больше увеличить радиус полета истребителей. Творческие поиски позволили конструктору объединить вместе четыре самолета. На четырехмоторный бомбардировщик «ТБ-3» установили три истребителя «И-5»: по одному на плоскостях и один на фюзеляже. Громадина получилась невиданная, но летала она здорово.

Правда, Вахмистров не решился поднимать в воздух сразу всю «этажерку». В первом полете бомбардировщик нес два истребителя, во втором — одного. Потом подняли всю четверку. В самолетах, расположенных на плоскостях «ТБ-3», находились летчики-испытатели В. К. Коккинаки и И. Ф. Гроздь. Истребителем, закрепленным на фюзеляже, управлял летчик-испытатель Томас Павлович Сузи.

6 Результаты превзошли наши ожидания. Первой мне казалось, что пилотирую не «Звено-2А» (так назывался вариант счетверенных самолетов),

а «ТБ-3» в его первоначальном виде. Бомбардировщик был послушен и мягок в управлении при выполнении всех элементов полета. Никаких неудобств не испытывали в воздухе и истребители. Они весьма свободно отрывались от своего носителя.

Это в воздухе. А вот на земле хлопот оказалось более чем достаточно. Особенно с «И-5», что размещался на фюзеляже. Очень тяжело и неудобно было поднимать его на бомбардировщик. На разработку и конструирование специальной механизации времени не хватало. Отсутствовали и технические возможности, истребитель застаскивали на спину бомбардировщика почти вручную, под дружное «раз-два — взяли...»

Вот почему при дальнейших испытаниях самолет Томаса в воздухе не стартовал. Он сидел, как цыпленок на клушке, обрел на «ТБ-3» постоянную «надаэродромную» стоянку.

С каждым новым полетом задачи испытаний усложнялись. Настала пора снять со «Звена-2А» летные характеристики, установить, может ли бомбардировщик-носитель в комбинации с тремя истребителями развивать максимальную скорость.

Погода стояла неважная. Высота нижней кромки облаков не превышала тысячи метров. Имея необходимый опыт, я принял решение пилотировать «Звено-2А» по приборам, пробить облачность и на высотах две, три, четыре тысячи метров последовательно выполнить горизонтальные площадки для замера максимальных скоростей.

Полет «звена» в сложных метеорологических условиях выполнялся впервые. Иногда побалтывало, но вот облака остались внизу. По моему сигналу все семь моторов заработали на полную мощность. Стрелка указателя скорости поползла вверх.

Вдруг раздался взрыв. Сердце замерло, по спине побежали мурашки. В воздухе ничто так не страшит летчика, как внезапный, незнакомый звук, а тем более взрыв. Мелькнула мысль — не мотор ли взорвался? Если не на моем самолете, то на каком-либо из истребителей. Глянул вправо, влево — все шесть пропеллеров крутятся. А седьмой? Седьмой наверно, его не видно. Может, горит уже?

Подождал Владимир Сергеевич, показал на левую плоскость. Только теперь я заметил у самого фюзеляжа рваную дыру. О максимальных скоростях, снятии характеристик не могло быть и речи. Конструктор в сердцах махнул рукой.

Я сбавляю обороты моторов, прикидываю, сколько времени потребуется на пробивание облаков. Бортмеханик сует мне записку: «Продолжай испытания. Вахмистров». С чего бы это? А дыра в крыле? Смотрю и глазам не верю: дыры уже нет, на блестящем дюрале темнеет какая-то заплата. Как скоро он умудрился ее залатать! И чем?

Но раздумывать некогда. Опять даю всем моторам полный газ. Не проходит и минуты, как получаю сильный тумак в спину. Оглядываюсь и вижу красное, перекошенное от нечеловеческой натуги лицо Владимира Сергеевича, налитые кровью глаза. Он кивает на рычаги подачи газа. Моментально уменьшаю обороты двигателей и снова оглядываюсь. Вахмистров показывает рукой — иди на посадку.

На земле все стало ясно. В момент резкого увеличения скорости у истребителя, закреплен-

ного на фюзеляже, сорвался кок — обтекатель втулки воздушного винта. Пролетев возле моей головы, он с огромной силой ударил в носок крыла и пробил обшивку. Вахмистров сразу понял, в чем дело. Не желая прерывать испытания, он своим телом закрыл пробойну. Но как только двигателям снова был дан полный газ, сильная воздушная струя вдавила стоявшего на четвереньках Владимира Сергеевича в середину крыла. Почувствовав нестерпимую боль в боках, он не нашел никакого другого средства общения со мной, кроме собственного увесистого кулака.

После нелегкой, но благополучной посадки среди летчиков, как всегда, начался «банк». Обсуждалась самая свежая, самая злободневная тема: как бы вели себя члены экипажа «Звена-2А», если бы их командира, товарища Стефановского, «чутко коком тюкнуло»? Летчики размышляли на плоскостях истребителей переглянувшись. Один из них сказал:

— Немедленно стартовал бы в воздухе. Не в корыстных целях, разумеется, а для того, чтобы облегчить конструкцию «Звена», повысить аэродинамические качества «ТБ-3».

— Вот зубоскалы, — задумчиво произнес другой летчик, тот, что сидел в верхнем истребителе. — Треп трепом, а урок извлечь нужно. Я бы, пожалуй, выключил двигатель своего самолета, вылез из него, пробрался по фюзеляжу в бомбардировщик и заменил бы командира.

Это было сказано Томасом Сузи. И я не сомневаюсь, что в предложенной остроконечной ситуации он поступил бы именно так.

«Звено-2А» вполне оправдало свое назначение. Однако Вахмистров продолжал дальнейшие поиски. Ему пришла мысль использовать истребитель, размещавшийся на фюзеляже «ТБ-3», в качестве пятого двигателя бомбардировщика. Это значительно увеличивало мощность винтомоторной группы носителя, а следовательно, ускорило доставку двух других машин к рубежу их старта. Но мешало одно: крылья и хвостовое оперение верхнего самолета создавали излишнее сопротивление. Тогда конструктор снял их.

Он даже хотел установить в кабине бомбардировщика управление сектором газа надфюзеляжного истребителя. Тогда бы отпала необходимость иметь на нем летчика.

Но от этой идеи пришлось временно отказаться. Сначала требовалось узнать, как будет вести себя в воздухе новая конструкция, определить ее практическую пригодность. Поэтому никаких переделок производить не стали, начали готовиться к полетам в прежнем варианте — с летчиком в верхнем истребителе. Только вот не нашлось охотника сесть в его кабину. Помню разговор с одним испытателем, опытным, бывалым человеком.

— Если трусишь, откровенно скажи, — говорю ему.

— Причем здесь трусость? — отвечает он. — Я летчик, а не водитель воздушной торпеды.

— Так ведь крепление надежное, никакой силой не сорвет.

— Ну, а коли сорвет, тогда что? Сортировали? Пустая затея, вот что я тебе скажу.

Выручил новичок, недавно зачисленный в истребительный отряд НИИ ВВС. Молодой неопытный сам пришел ко мне и представился:

— Летчик Супрун. — Немного смущаясь, продолжал. — Возьмите в ваш экипаж, товарищ командир. На верхний.

— На бескрылку-торпеду?

— Точно. Интересно же...

Ему, Степану Супруну, все было интересно. Когда я согласился его взять, он немедленно облазил самолеты, все не только осмотрел, но и опупал. Хваткий парень, подумалось мне. А Степан уже торопит:

— Чего тянем, лететь надо. Не скисла бы погода.

Скорее начать испытания стремились и конструктор, и все члены экипажа. Но наше горение оказалось дымом без огня. Случайный подбор мощности, редукции и винтов несколько не улучшил летные качества «Звена-5». Новая конструкция была начисто отвергнута.

В конце концов эта участь постигла весь комплекс вариантов самолета-звена с верхним размещением истребителей. Главная причина — в огромной затрате времени и сил, особенно людских, при накатке истребителей на плоскости бомбардировщика.

Между тем Степан Павлович Супрун обрел славу самого отчаянного парня среди наших молодых летчиков-испытателей.

ЦИРК ПРОДОЛ- ЖАЕТСЯ

Владимир Сергеевич Вахмистров не сдавался. Раз трудно и неудобно накатывать истребители на бомбардировщик, значит, надо их подвешивать под его крылья. Задача продления летного времени истребителей оставалась прежней, менялся лишь метод ее технического решения.

Наиболее подходящим для подвески оказался самолет конструкции Д. П. Григоровича — моноплан с низко расположенным крылом. Он носил секретное название «зет», поскольку был вооружен 75-миллиметровыми реактивными пушками.

Вахмистрову пришлось изрядно повозиться с подвеской «зетов» к бомбардировщику. Владимиру Сергеевичу пришлось смастерить оригинальную ферму со свободным ходом. Подвешенный под крыло истребитель касался колесами земли. На разбеге толчки, вызываемые неровностями, взлетно-посадочной полосы, амортизировались шасси «ТБ-3» и «зетов», а также гасились фермой крепления.

Едва разрешилась проблема взлета, как возникла новая. Амортизирующая ферма оказалась врагом в полете. Тяжелый бомбардировщик долго не пропилотируешь с двумя «хлюпающими» под плоскостями самолетами. Конструктор преодолел и это препятствие: устроил приспособление, обеспечивающее жесткое закрепление истребителей сразу после взлета. Почувствовав, что «звено» отделилось от земли, летчики «зетов» должны немедленно отдавать ручку от себя. Их самолеты мгновенно закреплялись на нижних передних и задних стопорах фермы.

От летчиков-истребителей требовалось определенное искусство, чтобы не упустить момента для такого движения. Это надо было делать сразу после отрыва, когда скорость еще не велика. Иначе при наборе высоты истребители будут прикапываться к носителю и лишены всякой возможности стартовать в воздухе.

Именно так получилось во время первого взлета нового «Звена-3». Когда колеса «ТБ-3» отделились от земли, более опытный летчик Гроздь отдал ручку от себя и застопорил свой самолет в нужном нижнем положении. Коротков же прозевал момент отрыва и неправильно поставил рули глубины. Собственная подъемная сила подбросила истребитель в крайнее верхнее положение и прижала его к носителю. Я это почувствовал по поведению «ТБ-3». И крепко обругал Короткова.

Возможность такой ошибки предусматривалась при подготовке к полетам. В этом случае мне надлежало набрать две тысячи метров высоты и поднять нос корабля почти до посадочного угла. Поскольку нагрузка на квадратный метр площади крыла у истребителя значительно больше, чем у бомбардировщика, то он должен и скорость потерять раньше, быстрее свалиться на нос.

Одно, правда, в расчет не принималось — возможность возникновения в такой момент тряски хвостового оперения от слишком сильных возмущений воздуха на больших углах атаки.

Необходимая высота достигнута. «ТБ-3» начинает медленно терять скорость: сто сорок, сто двадцать, наконец — сто километров в час. Самолет вздрогнул. Ощувив резкий толчок, я с облегчением вздохнул. «Зет» Короткова опустился в крайнее нижнее положение. Все в порядке! Плавно увеличиваю скорость бомбардировщика. Коротков сейчас проверит, надежно ли закрылись стопоры, и мы пойдем на рубеж воздушного старта. Начал было подсчитывать оставшееся расстояние, как какая-то неведомая сила швырнула самолет на левую плоскость. Послышался треск и скрежет. Машинально уменьшаю обороты всех двигателей. Машину еще сильнее потянуло вниз.

Оцепенение, вызванное неожиданностью случившегося, быстро проходит. Лихорадочно скачут тревожные мысли. Осматриваюсь. Так и есть: самолет Короткова прилип к плоскости бомбардировщика и разворотил ее.

Скорость снижения неумолимо нарастает. По переговорному устройству спрашиваю Короткова, не ранен ли? Он молчит.

Быстро соображаю, что же произошло. Коротков, видимо, преждевременно потянул ручку на себя, боясь снова опоздать, как на взлете. Неплотно закрывавшийся задний стопор выскочил. «Зет» сразу же перешел на большой угол атаки. Один крыльевой стопор не выдержал нагрузки и сломался. Возник перекося. Вырвало стопор другого крыла. Истребитель в положении небольшой горки с разворотом врезался в нашу плоскость. Нет у него винта — разлетелся вдребезги.

Сейчас промедление подобно самоубийству. Даже групповому убийству. Даю газ всем двигателям, плавно, почти до отказа выжимаю правую педаль, отжимаю от себя штурвал.

К «Звену» подстраивается сопровождавший нас связной самолет «Р-5». Летчик Михаил Александрович Нюхтиков и ведущий инженер Николай Владимирович Фролов руками показывают Короткову на землю. Но летчик не прыгает. Однако он жив. Догадываюсь об этом по разгневанной жестикуляции Нюхтикова. Не надеется, что ли, Коротков на шелковый купол парашюта? Или в нем заговорил ложный стыд — этот извечный и страшный враг летчиков? Вот сядем, я покажу тебе стыд, научу уму-разуму.

Сядем? А как садиться с этими бандурами под плоскостями? На такие посадки «звено» не рассчитано. И другого выхода нет. «Зет» Короткова теперь никакой силой не оторвешь от авиаматки.

Пилотировать становится все труднее. Тянет, неудержимо тянет машину к земле. Бессильны ревущие во всю мощь моторы. Горизонтальный полет невозможен. Да и не нужен. К чему? Значит, садиться.

Разворачиваюсь в сторону аэродрома и аккуратно снижаюсь. Вот и полосатый конус ветроуказателя. Правильно вышел, навстречу ветру. Все ближе земля. Дотяну ли? Газку, газку еще чуток. Только бы перетянуть вон через те чертовы сосны. Они промелькнули под самым самолетом. Едва не зацепился за их макушки. Впереди взлетно-посадочная полоса. Пора выравнивать. Штурвал помалу на себя — и никакого крена, под плоскостями — самолеты. Машина выравнилась. И тут же резко свалилась на правую плоскость. Еле опять выровнял. Шасси коснулись земли. Самолет побежал по полю. Сели!

Когда вылезли из кабины, радость нашу как ветром сдуло. Самолета Короткова под плоскостью не было. Увидели его невдалеке от начала взлетно-посадочной полосы. Бежим туда. «Зет» лежал на спине. Коротков был мертв. На выравнивании подъемная сила, прижимавшая истребитель к крылу авиаматки, иссякла, и он, перевернувшись, рухнул на землю. Мы скорбно обнажили головы — прощай, товарищ, мертвые сраму не имут...

Нелепую гибель Короткова очень остро переживал Изюзеф Феликсович Гроздь. Он наотрез отказался работать в группе Вахмистрова.

— Не для меня эта акробатика.

Ушел от нас Гроздь, прекрасный человек, отличный, опытный летчик-испытатель. А через некоторое время мы проводили в последний путь и его. Он погиб при испытании самолета «Р-5», имевшего стабилизатор в виде крыльев бабочки. В полете этот стабилизатор не выдержал перегрузки и отвалился.

Однако вернемся к тому, что описанному полету «Звена». Разбирая его, мы скрупулезно рассмотрели действия каждого члена экипажа. Оплотности покойного Короткова были очевидны. Ясны и их причины: нельзя сажать в «зеты» летчиков, не имеющих достаточного опыта. Техническая, а точнее, психологическая сложность постановки самолета на стопор в начале отрыва требовала высоких летных и моральных качеств. У Короткова их, по-видимому, не хватало.

После трагической неудачи родился новый, просто невероятный замысел. Владимир Сергеевич задумал осуществить подцепление истребителя к бомбардировщику непосредственно в воздухе, в полете. Так родилось новое «Звено».

Сконструированная для этой цели почти четырехметровая ферма в убранном положении располагалась между шасси вдоль фюзеляжа авиаматки. Будучи выпущенной для приема истребителя, она устанавливалась вертикально, опускаясь гораздо ниже и впереди колес. Ферма оканчивалась поперечной перекладиной. Истребитель сверху фюзеляжа, перед кабиной летчика, имел крюк с замком от бомбодержателя.

Процесс соединения самолетов происходил в такой последовательности. В воздухе, над аэродромом, истребитель очень точно подходил под бомбардировщик, пристраивался к выпущен-

ной ферме, зацеплялся своим крюком за поперечную перекладину-причал. Затем ферма с помощью специальных механических устройств подтягивалась к фюзеляжу «ТБ-3», крылья истребителя упирались в тележки колес самолета-носителя. Старт выполнялся в обратном порядке...

На этот раз В. С. Вахмистров не спешил, как прежде, приступать к летным испытаниям. Слишком дорого обошлись нам полеты с подвешенными «зетами». Прежде всего, конструктор выполнил ряд серьезных исследований в воздухе, чтобы установить степень подсоса истребителя к бомбардировщику при их схождении для совместного полета.

Желающих участвовать в таком смелом эксперименте оказалось немало. Но требовались лишь два летчика — командир авиаматки и пилот на истребителе. На первую роль выделили меня — через мои руки прошли все предшествующие варианты «цирка». На истребитель назначили летчика-испытателя Василия Андреевича Степанченка, знакомого мне еще по качинской школе. Я был курсантом, он — командиром звена. Степанченко отличался исключительной четкостью пилотирования, обладал железной выдержкой, а также способностью мгновенно и удивительно точно рассчитывать самые сложные элементы полета.

Несмотря на все эти данные летчика, Владимир Сергеевич решил предварительно отработать в воздухе безупречную слетанность бомбардировщика и истребителя. На ферму-причал «ТБ-3» укреплялись две трехметровые деревянные палки. Между ними натягивалось несколько разноцветных ленточек. Задача Василия Андреевича заключалась в том, чтобы, несмотря на подсос истребителя к бомбардировщику, сорвать эти ленточки крюком своего самолета. Вот ко-

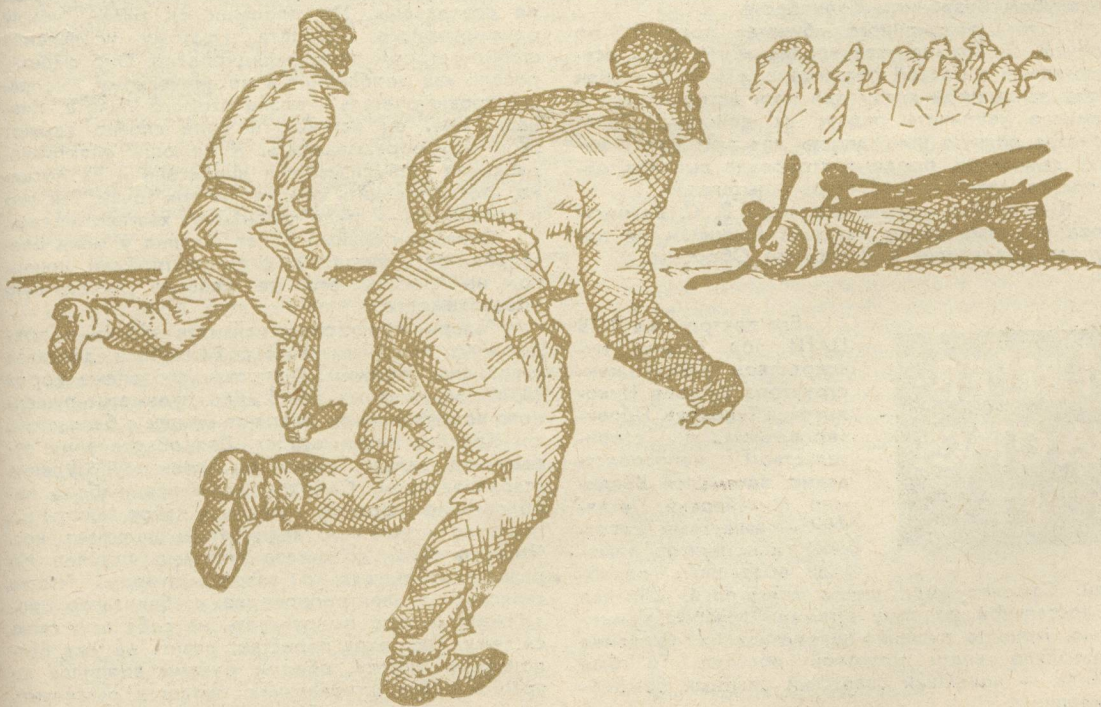
гда «цирк» Вахмистрова по-настоящему оправдал свое название. После нескольких полетов Василий Степанченко научился прямо-таки артистически срывать ленточки под бомбардировщиком. Наши остряки дали ему за это кличку «Вася-художник».

Крепко пришлось и мне попотеть при выполнении «воздушных аттракционов». Авиаматку требовалось вести по идеальной прямой. А это не просто. И все же главная заслуга в том, что спустя некоторое время мы так безупречно соединялись в воздухе, принадлежала Василию Андреевичу.

Венцом всех вариантов самолета-звена явился полет авиационного «букета».

В моем рабочем кабинете долго висела фотография этого единственного в своем роде сооружения. Снимок сделан в воздухе, во время полета. Несведущие люди смотрят на него и, словно сговорившись, восхищаются — мастерский фотомонтаж. Мне и самому порой кажется, что ничего этого не было: прошло много лет, другой стала авиация и затаея «букета» кажется уже лихим трюкачеством. Однако летная книжка, мой беспристрастный и теперь уже все чаще единственный свидетель прошлого, своей более чем лаконичной записью утверждает неопровержимо: «20/XI 1935 г. Первый полет «Звена-7» («ТБ-3»+2, «И-16»+2, «И-5»+«зет»).

Под фотографией указаны имена всех участников «букета». На истребителях «И-16», подвешенных под плоскостями бомбардировщика, летели инженер летчик Трофим Трофимович Алтынов и летчик-испытатель Константин Константинович Будаков; на «И-5», размещенных сверху, — инженер летчик Алексей Иванович Никашин и летчик-испытатель Степан Павлович Супрун. В воздухе под шасси авиаматки подце-

пился самолет летчика-испытателя Василия Андреевича Степанченка. Никого из них уже нет в живых...

Взлетали мы с узкой бетонированной полосы, расположенной близко к ангарам. На взлете требовалось выдерживать идеальную прямую. Восемь двигателей могли внести весьма нежелательную поправку в намерения экипажа. Для упрощения взлета приказываю Алтынову и Будаккову дать газ моторам своих истребителей одновременно со мной. Когда я возьму точное направление по оси взлетной полосы, то наклоню голову. Это — команда для Никашина и Супруна дать газ своим двигателям.

На обочине возле старта собралось множество зрителей. Плавно увеличиваю обороты моторов, начинаю разбег. Все быстрее мелькают по сторонам приаэродромные постройки. Вдруг самолет строптиво, словно разнуздавшийся конь, заворачивает вправо, прямо на ангары. Супрун виноват: погорячился и газанул. Сбрасываю обороты левых двигателей почти до минимума и вновь сюрприз: самолет начал забираться влево. Это уже Никашин. Увидел, что Супрун газует, и тоже подал вперед рукоятку сектора, напугался, что проворонил мой кивок головой. А может, я и в самом деле невзначай кивнул, когда самолет стало заносить к ангарам. Резко поднимаю обороты левой моторной группы. Чувствую, еще не поздно, взлетим. И взлетели. Правда, разбег получился несколько удлиненным.

Дальше все пошло точно по заданию. На высоте тысяча метров к бомбардировщику под самое шасси подошел «зет» Степанченка. Пришвартовали его. Авиационный «букет», или, как его нарекли наши доморощенные сатирики, воздушная куча-мала, сделал несколько величественных, широких кругов над аэродромом. Подаю сигнал — и все пять истребителей разом стартуют с аэродромной. Закружились, закувыркались в голубом бездонном поднебесье.

Полет авиационного «букета» показал, что идеи В. С. Вахмистрова вполне могут быть осуществлены в боевой обстановке. «ТБ-3» способен стать авиаматкой сразу для пяти истребителей и намного увеличить радиус их действия. Полет показал полную пригодность для этих целей наших самолетов, продемонстрировал высокое мастерство советских летчиков-испытателей.

К великому сожалению, идея В. С. Вахмистрова по совершенно неясным причинам не получила поддержки в Наркомате Обороны.

И ВЕРЕВКА СПАСАЕТ

Его построили в ОКБ ЦАГИ под общим руководством главного конструктора Андрея Николаевича Туполева. Проектированием и строительством непосредственно занимался Владимир Михайлович Петляков — известный советский конструктор тяжелых воздушных кораблей. Самолет имел шесть двигателей, обладал колоссальной по тому времени грузоподъемностью, мощное пушечно-пулеметное вооружение позволяло вести круговой обстрел. То был «ТБ-4» — новейший советский опытный бомбардировщик.

Самолет-гигант первым поднял в воздух шеф-пилот авиазавода Михаил Михайлович Громов — один из лучших, уже широко известных летчиков страны. В том же 1933 году Михаил Михайлович после коротких заводских испытаний передал первый экземпляр «ТБ-4» мне.

Летчики, а тем более испытатели, при виде самолета новой конструкции не подвержены излишней восторженности. Это хорошее профессиональное качество. Удивляться мы тоже не привыкли. Разве только когда неожиданно улыбнется счастье, и ты совершенно случайно избежишь в воздухе явной смертельной опасности.

«ТБ-4» заставил забыть и о характере, и о привычках. Он просто потрясал! Человек среднего роста свободно расхаживал не только в фюзеляже, но не пригибался и в центральной части крыла. Оборудование чудовищной машины напоминало небольшой промышленный комбинат. Имелась даже самая настоящая малогабаритная электростанция для автономного энергоснабжения всех самолетных агрегатов. Различное оборудование, вооружение и аппараты управления заполнили всю внутренность самолета диковинных размеров. М. М. Громов, передавая мне машину, охарактеризовал ее более чем кратко: — Хорошо летает. Сам увидишь.

Программа испытаний состояла из двух основных задач: выявить максимальные летные данные самолета без пушечно-пулеметного оснащения, а потом с полностью поставленным вооружением.

Тридцать пять тонн металла и горючего дали себя знать сразу. Машина разбегалась грузно. На взлете не хватало руля глубины. Конструкторы возможность такого случая предусмотрели. Кивая второму пилоту Мише Нюхтикову, он нажимает кнопку электрического устройства стабилизатора. Самолет послушно отрывается от полосы. На этом корабле со стабилизатором вручную вообще не совладаешь. По площади он равен крылу одномоторного самолета. Поэтому управление стабилизатором электрифицировано. Оно смонтировано как дополнение к механическому. Кнопка-электровключатель — возле второго пилота. Кивнешь ему, он нажмет, и рули словно теряют свою крупноразмерность. К помощи электроуправления стабилизатором прибегали и на посадке, чтобы посадить самолет на три точки. Так оно и полагалось — руля глубины не хватало и здесь.

Ознакомительный полет оставил у меня благоприятное впечатление о самолете. Если, конечно, не считать его не совсем достаточную управляемость.

Теперь предстояло испытать «ТБ-4» с предельным полетным весом. Бензобаки доотказа заполнены горючим. В отсеках фюзеляжа сорок 250-килограммовых бомб. Вес пулеметно-пушечного вооружения восполняют мешки с балластом.

Корабль начал разбег. Для обеспечения отрыва на взлете включаем электроуправление стабилизатором. Самолет оторвался, набрал необходимую скорость, перешел в набор высоты и... перестал слушаться, задирает и задирает нос. Что есть силы, до отказа отжимаю штурвал. Но разве справившись с электромотором! Что-то стряслось в электропроводке, стабилизатор продолжает быстро выкручивать на себя всю свою систему. Нюхтиков перестает давить на уже бесполезную кнопку, обеими руками вцепился во вращающийся штурвалчик, пытается остановить раскрутку. Не тут-то было. Стрелка указателя ско-

рости, дошедшая до цифры 160 — нормальной скорости набора, угрожающе ползет назад: 130... 120... Ведущий инженер самолета Рязанов бросается на помощь Нюхтикову. И вдвоем им не осилить чертов мотор.

Положение мог бы изменить лишь бортинженер корабля Лука Иванович Шевердинский. Он же находится внутри фюзеляжа, метрах в десяти позади нас, и решительно ни о чем не подозревает. Но как дать ему знать о несчастье? Стрелка уже на цифре 100. Вот-вот самолет клонет на нос и... Вдоль спины пробежал противный холодок. Осенило! Резким движением убрал и немедленно снова дал газ одному из шести моторов. Лука не мог не заметить такого. Он быстро посмотрел в нашу сторону, по поведению Нюхтикова и Рязанова понял о случившемся. В его руках блеснули спасительные кусачки.

Схватка со стабилизатором продолжалась всего несколько секунд. Но они показались вечностью. Профессия летчика-испытателя неотделима от риска. Нередко приходится идти на него преднамеренно. Прекрасно понимаешь, что один из полетов может стать для тебя последним. Развитие авиации — это упорная, жестокая борьба за скорость и высоту. Она не обходилась, да и теперь не обходится без жертв. Все это прекрасно знаешь. И все-таки, когда вот так неожиданно-негаданно, почти у земли появится перед глазами костлявая с косой, сразу замрет сердце. Чувство самосохранения, чувство острое, порой безотчетное, присуще каждому человеку. Летчик-испытатель тоже человек, он также подвержен страху. Но страх преодолим. Его можно победить. Волей, сознанием долга, ответственности за сохранение дорогостоящего самолета, за товарищей по экипажу, наконец, сознанием ответственности за свою собственную жизнь. Это приходит само, без раздумий и самодискуссий. В момент внезапного возникновения опасности охватывает испуг, а начинаешь искать выход, действовать — и снова становишься борцом; чувство страха отступает на второй план, весь поддаешься порыву снова овладеть машиной.

Перерезав проводок, Шевердинский остановил мотор стабилизатора. Пошли на посадку. На земле специалисты разобрались в причинах возникшей неисправности. Конструкторы усовершенствовали электроуправление, и вскоре мы продолжали прерванные испытания.

На этот раз предстояло проверить поведение самолета при посменном выключении сначала одного, затем двух из шести его моторов. Отключение одного на пилотировании машины почти не сказывалось. Когда же выключили сразу два, и притом на одной стороне крыла, на хвостовом оперении появились сильные колебания. Прозекспериментировали второй, третий, пятый раз — то же самое: колебания возникают совершенно недопустимые, явно угрожающие разрушением воздушному кораблю.

Рязанов, ведущий инженер машины, беспомощно развел руками:

— Тут уж я бессилен что-либо сделать.

— Так вызывайте Петлякова, — требуем мы. — Пусть сам разбирается.

Услышав, что на его самолете обнаружены недостатки, Владимир Михайлович тут же приехал на аэродром, пригласив двух инженеров — специалистов по прочности и вибрации.

— Никакого разрушения произойти не мо-

жет, — горячо утверждал он. — Конструкция машины исключительно надежна.

Инженеры, разложив на столе документы с расчетами, усердно водили карандашами по причудливой паутине самолетных чертежей. Оба в голос доказывали — колебания хвостового оперения невозможны, летчикам-де показалось, вибрации, мол, возникают при следующих условиях...

Горячились и мы. Не признавали никаких расчетов, никаких теорий. Охотно соглашались, что самолеты, созданные в конструкторском бюро А. Н. Туполева, всегда имеют приличный запас прочности. Но в этом случае на «ТБ-4» летать нельзя — трясет хвост, на себе испытали.

Спор можно было разрешить только в воздухе, непосредственно в полете. Обычно конструкторы не очень-то любят летать, но мы так прижали Владимира Михайловича, что он не смог отказаться.

На «ТБ-4» за хвостовым оперением находилась пушечная установка. Лучшего места для наблюдения вибрации и не придумаешь. Туда-то мы и усадили Петлякова с его инженерами. Вдоль фюзеляжа, от хвоста до пилотской кабины, протянули веревку, с помощью которой швартовался корабль на якорной стоянке. Один ее конец привязали к моей ноге, другой вручили Владимиру Михайловичу. Для того, чтобы вовремя скомандовал — прекратить режим полета, вызывающий тряску. Иной-то связи не имелось.

Взлетели. Набрали нужную высоту. До минимума убираю газ двум моторам на левой плоскости. Хвост начинает подрагивать, потом колебания резко нарастают. Чувствую, Петляков дернул за веревку — ага, убедился. Он дергает еще, уже сильнее. Но из-за помпажа нельзя немедленно перевести двигатели с малых на большие обороты. Владимир Михайлович, видимо, забыл об этом и рванул веревку так, что она лопнула. А может, все втроем дернули...

На земле конструктор и инженеры чувствовали себя неважно, много курили. Наконец Петляков тоном, не терпящим возражений, произнес:

— Больше ни одного полета на испытания! Немедленно перегоните корабль на завод. Для усиления хвоста.

Инженеры пожали плечами, забрали в штабе свои объемистые портфели с расчетами и вежливо распрощались...

На заводе усилили хвост, изменили регулировку руля глубины, дополнительно установили четыре стрелковые башни, за вторыми моторами, по две направленные вперед и по две — назад. На самолете разместили вооружение — пулеметы и пушки. Он снова поступил в наше распоряжение. Программу испытаний мы закончили успешно, но «ТБ»... успеха не имел, в серийное производство он не пошел, а послужил прототипом более мощного и совершенного восьмимоторного воздушного корабля «Максим Горький».

Группа конструкторов под руководством В. М. Петлякова по заданию правительства в сжатые сроки создала герметический истребитель «100» с двумя моторами М-105, снабжен-

ными турбокомпрессорами.

«Сотка», вооруженная четырьмя пушками и

пулеметами, имела надежную герметичку, отличный обзор, очень близкий к возможностям обзора современных реактивных самолетов. Хорошо были продуманы средства спасения экипажа. Летчики с пристегнутыми парашютами нажимали свой рычаг складывающегося сиденья и моментально проваливались в образовавшиеся под ними просторные люки.

Эти же люки служили и входами в пилотскую кабину.

Первый экземпляр самолета «100» рассчитывался на высший пилотаж, имел большой запас прочности. Обладая неплохими летными качествами, он все же не оправдал себя как высотный истребитель. Работники НИИ ВВС порекомендовали переделать его в пикирующий бомбардировщик.

Поступившая с завода «сотка» безраздельно перешла в мои руки. Времени на ее испытания отпустили в обрез. Ждать было некогда — на полях Европы бушевало пламя второй мировой войны. С самолета бомбардировочного варианта сняли герметичку, турбокомпрессоры. Штурмана поместили в одной кабине с летчиком, позади него. В хвосте устроили место для стрелка-радиста. Под крыльями соорудили решетчатые тормоза.

Машина пикировала очень хорошо. Помню, при одном испытании летчик, проводя исследования пикирования, бросил ее к земле под большим углом. Предварительно он нажал на рычаг выпуска воздушных тормозов. Из-за какой-то технической неисправности они не вышли. Пока он разбирался, что и как, самолет превысил все и всякие расчеты конструкторов, достигнув небывалой на пикировании скорости — около восьмисот километров в час.

Этот самолет впоследствии под именем «Пе-2» выпускался самой массовой в истории нашей авиации серией. Превращенный в пикирующий бомбардировщик, он стал грозой для фашистских захватчиков.

К сожалению, полное перевооружение бомбардировочной авиации на «Пе-2» произошло лишь во второй половине войны.

Но превращение «сотки» в «Пе-2» проходило далеко не гладко. Самолеты вообще не сразу поступают на вооружение. От первоначальных разработок конструктора порой остаются лишь общие контуры конструкции. Да и они сплошь и рядом претерпевают различные изменения.

Самолет как летательный аппарат рождается в конструкторских бюро, а как боевая единица он обретает крылья в воздухе при прохождении многочисленных и сложных испытаний.

Так было и с «соткой», с будущим «Пе-2». Стоял ясный, морозный день — 22 декабря 1939 года. Я впервые поднял в воздух двухмоторный опытный самолет, только что поступивший с завода. Делаю первый круг. Машина неожиданно «загуляла» — не держит в пути прямую линию. Осматриваюсь — винт правого мотора не вращается. Учítываю возникший разворачивающийся момент. Вихляет, как и раньше. Злорадство мне не знакомо, но тут обрадовался: оказался прав — у самолета мала вертикальная площадь развального хвостового оперения. Давно обращал на это внимание, но там, в верхах, отмахнулись: полетит, мол, и так, спешить надо. Гитлер все откровеннее поглядывает на восток.

Лечу на одном моторе. Шасси, как всегда в первом полете, выпущено. Машина идет со сни-

жением. Это еще больше усложняет пилотирование. Мало, ох, как мало высоты. Впереди строго по курсу — крыша ангара, за ней, на технической площадке, всякое аэродромное оборудование, огромные деревянные козлы, на которые поднимают самолеты при проверке шасси. Туда и не сет. Со скольжением на полном газу перетягиваю через крышу. Самолет, как на ухабе, проседает, несется прямо на козлы. Сейчас последует столкновение, уже не отвернешь. Машина с небольшим парашютированием касается колесами земли и тут же делает гигантский прыжок вверх, за ним второй, третий. И наконец останавливается. Деревянный двухметровый козел позади. Перескочили через него! Расскажи — никто не поверит, рыбаком назовут. Но факт есть факт. Самолет на этот раз отодрал замечательного козла — так называют в авиации подскоки, прыжки машины на посадке.

Впоследствии установили — шасси имело конструкцию, вызывавшую тенденцию самолета к прогрессирующим козлам на посадке. В серийном производстве это устранили, но «Пе-2» все-таки и в дальнейшем сохранил свое пристрастие к подскокам. Правда, в значительно меньшей степени.

В данном же полете причина прыжков заключалась не в одних конструктивных недостатках шасси. Повлиял, безусловно, и заход на посадку на одном работающем моторе. При недостаточной скорости сказалась на управлении и малая площадь вертикального оперения. Ведущий инженер машины Иван Васильевич Марков больше не спорил со мной и стал горячим сторонником увеличения размеров килея. Площадь хвостового оперения увеличили почти на треть. Самолет получил путевую устойчивость, стал управляться нормально, в том числе и в полете на одном моторе.

В зимнее время на фронте не настроишься аэродромов, способных принимать и выпускать самолеты с колесными шасси. К «сотке» приладились убирать шасси в полете лыжи. Взлетаем со штурманом Петром Ивановичем Никитиным испытывать их. Убрались блестяще. Делаю круг, разворачиваюсь в сторону торца полосы. Передвигаю рычаг гидросистемы на выпуск лыж. Не выпускаются. Легкое по задачам испытание иногда вдруг превращается в исключительно трудное. Ну, да на этот раз причин для беспокойства нет: рядом со штурманом расположено приспособление для аварийного выпуска шасси — с помощью ручной гидropомпы. Командую ему:

— Качай, Петр Иванович, на выпуск шасси.

Кстати, на машине впервые установили самолетное переговорное устройство — СПУ. У меня и у Никитина на голове новенькие радиофицированные шлемы с наушниками и ларингофонами — шлемофоны. Прелестная вещь. Переговариваемся, словно и не в воздухе, словно и не ревут наперебой моторы.

Петр Иванович качает-качает, а лыжи ни с места. Иду на второй круг. Он продолжает качать и вслух считает: сорок... сорок пять... пятьдесят...

— Ну? — спрашиваю.

— Сейчас, сейчас, — отвечает, — уже подаются.

Сейчас... Приходится идти на третий круг. А если шасси совсем не выпустятся? Садиться на брюхо? Жаль, покорежишь опытный образец. Сколько потом возни с ним будет.

— Ну как же? — снова обращаюсь к штурману.
— Порядочек, — слышу в ответ, — сейчас на замки встанут.

Посмотрел поверх моторов. Ну и горазд же сочинять мой тезка. Шасси не выйдут совсем: поднимается вверх выпускной цилиндр, сорвался с крепления.

Садимся на брюхо, в мягкий, пушистый, как перина, снег.

Кто-то из инженеров клянет меня на чем свет стоит: винты погнулись.

— Чего раскричался? — зло огрызаюсь. — Кляни не нас, а шассистов. Они бы еще дровни к аэроплану пристроили.

Винты сменили. Конструктор и инженеры поколдовали над строптивыми лыжами. Летим опять. Лыжи больше не артачатся.

Поступил второй экземпляр самолета «100» — дублер. Летчиком-испытателем на него назначили Алексея Михайловича Хрипкова, штурманом — Петра Ивановича Перевалова. Люди опытные, бывалые. Надеюсь на них, как на себя. Подробно проинструктировал, рассказал, что, на мой взгляд, может произойти в полете помимо трудностей, обусловленных заданием.

Поскольку летчик и штурман уже ознакомились с материальной частью, мы сразу после прохождения предполетных процедур направились к самолету.

Успешно выполнив первый полет, Хрипков и Перевалов приступили к самостоятельной тренировки. Я же пошел в парикмахерскую побриться.

Только парикмахер намылил мне щеки, как кто-то торопливо подошел к креслу и шепнул: — Хрипков упал.

Оглядываюсь. Это — летчик-испытатель Александр Кузьмич Долгов, взволнованный, раскрасневшийся.

Наспех стираю с лица мыльную пену. Выбегаю, садимся в автомашину и мчимся к месту происшествия.

— Упал на взлете. Недалеко от аэродрома, — торопливо поясняет Саша.

— Живы?

— Не знаю. Я сразу за тобой поехал.

Самолет нашли у железнодорожной насыпи. Он лежал вверх колесами. Летчиков уже успели отправить в больницу. Спешим туда. В палату не пускают — у дверей часовые с малиновыми околышками на фуражках. На вопросы не отвечают — не положено. Врач говорит — летчики в гипсе, у обоих повреждены позвоночники, но, должно, все обойдется.

Но почему под арестом, как преступники? Немецкая иду к начальнику. Вразумительного разъяснения не получаю.

Возвращаюсь в институт. Ребята уже разобрались во всем: в пилотской кабине на взлете возник пожар. Она мгновенно наполнилась дымом. Прыгать с парашютами нельзя — нет высоты. Хрипков идет на слепую посадку, прямо перед собой. Колеса машины касаются земли, на пробеге попадают в канаву. Самолет капотирует. Погибло несколько человек, случайно оказавшихся на месте посадки.

Потребовалось длительное время, чтобы доказать нелепость обвинения летчиков. Исходил десятки инстанций Наркомвнудела. Товарищей из-под ареста вызволил. Они поправились, долго еще летали и благополучно дожили до заслуженной пенсии.

БЕСХВОСТЫЕ ПАРАБОЛЫ

Среди авиационных конструкторов все прочнее укоренялось такое мнение: все, что не является несущей или тянущей поверхностью, — суть вредные придатки летательного аппарата. Идея постройки самолета «летающее крыло» находила все больше сторонников. Энтузиастов не оста-

навливал, что новая конструктивная схема принесет с собой ряд неисследованных аэродинамических вопросов, над разрешением которых, возможно, придется много и долго работать.

Первым в Советском Союзе летающее одномоторное крыло построил Борис Иванович Черановский, который еще с 1924 года занимался конструированием планеров параболической формы. Его самолет — «парабола Черановского», по отзывам летчиков, имел вполне удовлетворительные характеристики.

Константин Алексеевич Калинин — конструктор широко эксплуатировавшегося в гражданской авиации пассажирского самолета «К-5» — создал безхвостый средний бомбардировщик — «ВС-2». В декабре 1936 года машина поступила в НИИ ВВС. Испытывать ее поручили мне.

Самолет имел параболическое крыло. Посредине его располагался фюзеляж. Здесь размещались пилотская кабина и отсеки для бомб. На концах фюзеляжа находились турели с пулеметами для штурмана и заднего стрелка. Силовую установку составляли два тянущих мотора М-22. Элероны и рули глубины располагались в одну линию, по задней кромке крыла. Кили и рули поворота были смонтированы на консолях. Шасси убиралось в gondолы.

Я обстоятельно ознакомился с конструкцией самолета, освоился с рабочим местом, потом спросил у заводского летчика об особенностях его пилотирования.

— Все как на обычном самолете, — ответил он.

День испытаний выдался облачным, дул сильный порывистый ветер. Но поскольку машина уже не раз бывала в воздухе, решил вылетать. На взлете самолет действительно вел себя как обычно.

Набрал пятьдесят метров высоты. Порыв бокового ветра создал небольшой левый крен. Плавненько, как и следует в подобных случаях, поворачиваю штурвал вправо. Вопреки всяким законам, крен увеличивается. Не понимая, в чем дело, механически подаю рули в противоположную сторону. Самолет входит в левый вираж с креном градусов в сорок.

«Отказало управление, — мелькнула догадка, — нужно немедленно садиться». Одним наметанным взглядом окидываю местность по курсу. Впереди — усеянное пнями и кочками болото, за ним — густой лес. Из всех сил удерживаю рули. Самолет замыкает круг. Новый порыв ветра. Машина начинает разгуживать и продольно. Амплитуда нырков и подскоков ощутимая — от одного до пятидесяти метров. Рулей вовсе не слушается.

Положение складывается не из приятных. Трагикомедия какая-то, как у кинокомика Монти Бенкса в «Летающем счастье». С той лишь разницей, что актер не был летчиком и, попадая в

какую-нибудь сложную ситуацию, немедленно раскрывал инструкции. Но ведь я-то летчик, летчик-испытатель, облетал шестьдесят девять самолетов различных типов. За плечами у меня — две тысячи пятьсот часов налета, около семи тысяч посадок. Вот катавасия!

Нет, никакого страха я не испытываю. Только злюсь на себя и на самолет. Да и какой это к черту самолет? Крутит себе второй вираж, словно нет на нем ни рулей, ни летчика.

Хватит с меня. За два виража ветер снес машину в район взлета. Впереди вижу ровную площадку. Надо садиться, если даже случится авария. В конце третьего виража немного убавляю обороты одного из моторов. Крен уменьшается до двадцати градусов.

Когда самолет развернулся к ветру под углом градусов в сорок пять, я резко убрал газ и с силой выбрал штурвал. Высота была уже не более пяти метров. Машина спарашютировалась и, сделав с полдюжины огромных козлов, остановилась. Штурман и стрелок сразу покинули машину. Наперебой спрашивают, что случилось.

— Управление отказало, — отвечаю совершенно убежденно.

Но управление оказалось в полной исправности. Лишь тросы немного вытянулись от чрезмерной нагрузки. Видать, крепенько я жал на штурвал.

Решительно ничего не понимаю. Прибывший на место вынужденной посадки заводской летчик тоже недоуменно пожимает плечами.

Чтобы выяснить в чем дело, решили временно превратить кабину штурмана в пилотскую и установить в ней второе управление самолетом. Там будет находиться обучаемый летчик. Может быть, вдвоем быстрее найдем ответ на мучивший нас вопрос.

Как только выдалась подходящая погода, пошли на аэродром. Заранее условились: он взлетает, набирает тысячу метров высоты и передает управление мне. Чтобы я понял, когда взяться за штурвал, заводской летчик должен слегка покачать машину. По такому же сигналу он затем вновь возьмет управление на себя.

На заданной высоте самолет качнулся с крыла на крыло. Берусь за управление, хочу развернуться влево. Машина по-прежнему летит прямо. Раскачиваю элеронами — пилотирую, мол, сам, дорогой коллега, своего воздушного осла. Но напарник почему-то не понял меня. Никакой связи у нас нет. Самолет продолжает лететь прямо. Что же предпринять? Придумал! Вынул ручку управления из гнезда, просунул ее в отверстие, предназначенное для пулеметного ствола, и стал размахивать: дескать, делай, браток, что хочешь.

Коллега понял. Взял управление. Я стал внимательно следить за рулями. И тут, к великому удивлению, увидел, что их движения совершенно противоположны, чем на обычных самолетах. Ну, знаете, такие сюрпризы могут обойтись очень дорого!

Мы отказались принять самолет.

Узнав об этом, бедный заводской пилот тяжело вздохнул. Я хорошо понимал его настроение: осточертело ему это «летающее крыло», этот «самолет наоборот»...

Но зря он переживал. Вскоре по указанию начальника НИИ ВВС Н. Н. Бажанова «ВС-2» раскрасили под крокодила и показали москвичам на воздушном параде. Правда, на этом его «биография» и закончилась.

Продолжая развивать свои идеи, Борис Иванович Черановский построил новую бесхвостую машину — «БИЧ-14». Ее прозвали «полблина». Самолет в плане представлял половинку круга. Пилотская кабина на пять человек была смонтирована в центре крыла, не выходя за его очертания. Гаргрот¹ кабины, утолщенный спереди, постепенно переходил в киль, на котором размещался руль поворота. Задняя кромка крыла имела: ближе к центру — рули высоты, а на консолях — элероны. На передней кромке крыла находились два мотора М-11 — по обе стороны кабины. Шасси обычного расчалочного типа не убиралось. Конструкция самолета была выполнена преимущественно из дерева.

Облет «БИЧ-14» сделал летчик-испытатель завода-изготовителя Ю. Н. Пионтковский. И неудачно. Из-за неправильной центровки и несовершенного управления самолет потерпел аварию. Конструктор, как нередко бывало и в других подобных случаях, не признал за машиной каких-либо недостатков и во всем обвинил летчика. Пионтковский в знак протеста отказался летать на черановском «полблине».

НИИ ВВС, заинтересованный в продолжении экспериментов с бесхвостыми самолетами, отремонтировал «БИЧ-14» на своем опытном заводе. В принципе верный девиз: «все, что не является несущей или тянущей поверхностью, суть вредные придатки аппарата» — становился чем-то вроде моды.

И вот мне снова довелось стать испытателем бесхвостого самолета, на этот раз конструкции Черановского. Наученный горьким опытом с калининским «самолетом наоборот», зная о неудачном полете Юлиана Пионтковского, я не спешил подняться в воздух. Рулил на разных скоростях по аэродрому, выполнял разбеги и подскоки, тщательно изучая поведение машины на земле. Конструктор не мог не считаться с авторитетом института, безропотно устранял все замеченные недостатки.

Словом, все шло обычным порядком. Настала пора проверить «БИЧ-14» в воздухе. Как все бесхвостые, он очень легко оторвался от взлетно-посадочной полосы и начал набор высоты. С нарастанием скорости самолет стало тянуть вниз. Энергично выбираю штурвал на себя. Нагрузка становится невероятной. Хотя никакого прибора для ее измерения нет, чувствую, она достигла килограммов пятидесяти. Прекращать взлет поздно: полоса осталась позади, впереди — лесок.

Сильный рывок штурвала — и машина переключилась через этот лесок. Нестерпимо палит солнце. Потные ладони соскальзывают со штурвала. Самолет неустойчив, словно помещен на острие шила: в любой момент может произвольно занять какое угодно положение, даже перевернуться на спину. Нет никаких сил справиться с ним. Деревенекот мышцы. Вот выскользнет штурвал из потных, будто смазанных маслом, рук, и бесхвостый урод мгновенно нырнет в отвесное пикирование. А из пике его ни за что не вырвешь.

Напрягаюсь до невероятности, штурвал становится все тяжелее и тяжелее. В отчаянии обхватываю его обеими руками, как когда-то, будучи грузчиком, брал в охапку грузные мешки, сжимаю пальцы. Вроде легче. Постепенно, с маленьким креном, делаю разворот, чтобы опистать круг и зайти на посадку против ветра.

¹ Гаргрот — съемный обтекатель кабины.

Вместо круга по границам аэродрома самолет вычерчивает громаднейший кружище, километров пятьдесят длиной. Все-таки улавливая встречный ветер. Он дует почти в створ взлетной полосы. Сбрасываю обороты двигателей до скорости планирования. Скорость уменьшается, и бесхвостка тут же приобретает прекрасную управляемость.

— Что же, только для взлетов и посадок она и сделана?! — кипячусь на разборе и требую от конструктора: — Установите триммеры на руле глубины. Иначе летать нельзя. Нагрузки в полете чрезмерны. Не самолет, а жеребец выпасной.

Инженеры согласились на эти доработки. Машину понемногу взнуздывали. Испытания наслаивались одно на другое. Но требуемой устойчивости в полете добиться никак не удавалось. В конце концов я решительно заявил своему начальнику:

— Зря возмись. Толку не будет.

Безропотность конструктора как рукой сняло. Заспорил невероятно и в заключение прибег к излюбленному приему — самореабилитации — виноват Стефановский, он консерватор, боится нового, на старье куда спокойнее летать. Под «спокойнее» явно подразумевалось «безопаснее». Взорвался и я. Николай Николаевич Бажанов, чтобы прекратить дискуссию, распорядился устроить летный «консилиум». Ивану Федоровичу Петрову, моему непосредственному начальнику, и Михаилу Александровичу Нюхтикову, первому институтскому укротителю летающих крыльев, он поручил беспристрастно проверить мои претензии к «БИЧ-14».

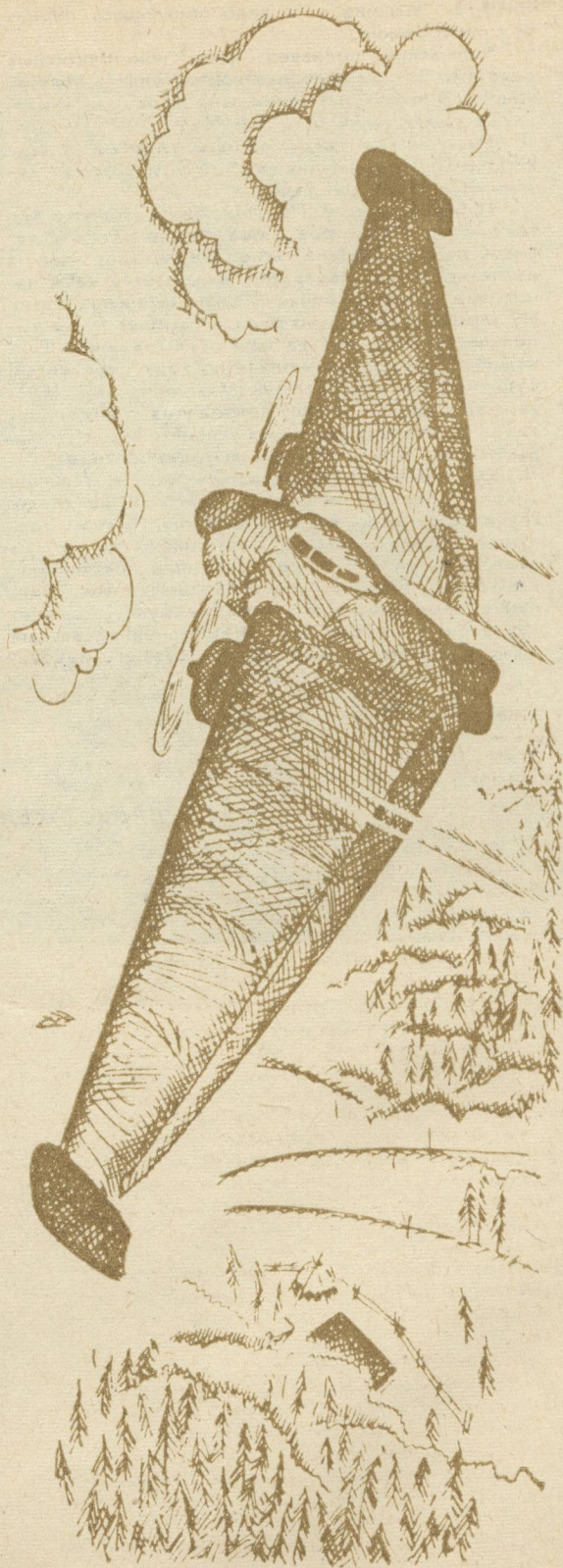
Специалисты остались довольны таким решением. Как-никак Петров когда-то летал на их одномоторной «параболе» и всячески расхваливал ее.

Однако Иван Федорович был прежде всего летчиком. Облетав самолет, он безоговорочно встал на мою сторону. Так же поступил и Михаил Александрович. Испытания «БИЧ-14» прекратились.

Неудача конструкции Б. И. Черановского не поколебала оптимизм других поклонников бесхвосток. Конструктор Владимир Антонович Чижевский, без всякого правительственного задания, по собственной инициативе, спроектировал и построил спортивный самолет параболической формы с мотором М-11. Он пошел дальше, чем его предшественники. Построив машину по нормам прочности истребителей, Чижевский предназначал ее для выполнения всех фигур высшего пилотажа. Иными словами, он хотел на практике, в воздухе проверить, возможно ли использование бесхвостых самолетов в качестве истребителей.

Испытывать новую машину «БОК-5» поручили И. Ф. Петрову — большому любителю и знатоку самолетов непривычных конструкций. Первые же пробные разбеги показали, что самолет имеет тенденцию по мере увеличения скорости «вильять» в стороны: при весьма узком разnose колес слишком мало было расстояние между ними и костью. На одном из разбегов летчик не сумел выдержать направления, и бесхвостка скапотировала.

Пока производился ремонт машины, конструктор и летчик нашли оригинальное решение: сделать кость управляемым. Сделали. Теперь на разбеге бесхвостка стала вести себя безупречно. Но в первом же полете Петрову довелось испы-

тать то же, что когда-то и мне при испытании «БИЧ-14». Машина то и дело порывалась перейти в пикирование.

Чижевский произвел ряд конструктивных доводок. В последующих контрольных полетах самолет показал исключительно хорошую управляемость и устойчивость.

Наступила очередь решать главную задачу испытаний. Выполнение высшего пилотажа командование доверило мне.

Набираю высоту. Прибор показывает уже две тысячи пятьсот метров. Пора. Решил начать с переворота: сразу станет ясно, как выходит машина из пикирования. Переворот включает в себя начальные элементы бочки и заключительные петли Нестерова. Даю плавно рули, и самолет легко выполняет всю бочку, да какую! Загляденье! Еще нежнее и несколько меньше по ходу передвигаю рули, ввожу соответствующую поправку. Бесхвостка (прямо золото!) ложится на спину, переходит в пикирование и без усилий с моей стороны наичистейшим образом выходит из него!

Однако азарту поддаваться нельзя. Машина опытная, первый пилотаж — тут гляди да гляди. И все же решаю выполнить петлю. Немного волнуясь, начинаю разгон, подтягиваю ручку на себя. Опасение осталось: все-таки бесхвостка, как-то она поведет себя в верхней точке... Волнение передалось на движения руки. Самолет перевернулся через крыло, выполнил идеальный иммельман. Ну и чуткость! От прежнего недове-

рия не остается и следа. Разгоняю самолет еще раз, плавно-плавно тяну ручку на себя. Никакого крена! Немного задерживаю ручку. Бесхвостка мягко, артистически минует верхнюю мертвую точку и плавно переходит в пикирование, заканчивая фигуру.

Вернувшись на аэродром, искренне восторгаюсь самолетом. Просто не могу нахвалиться. Кто-то говорит:

— Брось покупать. Телячий восторг не для тебя, Петро.

Разве их убедишь? В комнату заходит Миша Нюхтиков и сразу ко мне:

— Поздравляю, Михалыч! Все своими глазами видел. Поди, отвел душу, а?

— Отвел!

И посыпались со всех сторон вопросы: какие скорости держал? Легко ли разгоняется самолет? Плавно ли выходит из пике? Родовались все. Оно и понятно: родная советская авиация одержала новую победу. Конструктор Чижевский стал героем дня. Летавшие вслед за мной испытатели тоже дали высокую оценку пилотажным качествам «БОК-5». Казалось, проблема создания боевого, маневренного «самолета-крыла» уже решена.

Но это только казалось. «БОК-5» в производство не пошел. По непонятным до сих пор причинам на перспективной машине поставили крест. Работы по созданию бесхвостых самолетов прекратились.

Рисунки С. Киприна

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ШОТА ХОЛУАШВИЛИ (Батуми)

ОТЦЫ

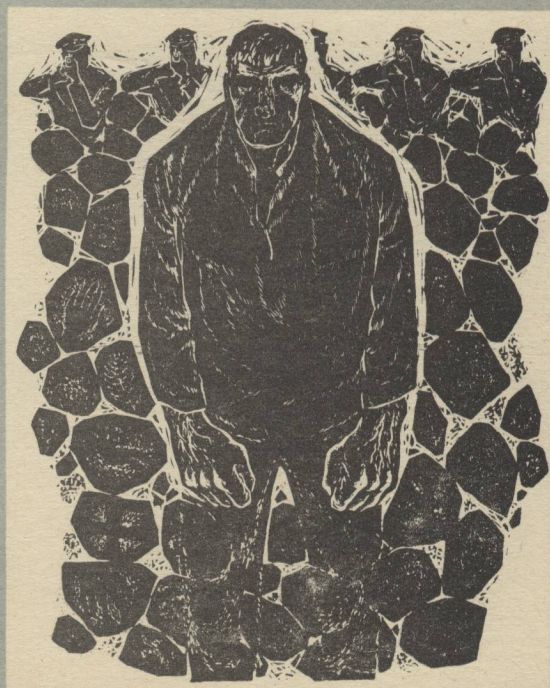
И. ТОРН

ЛИНОГРАВЮРЫ

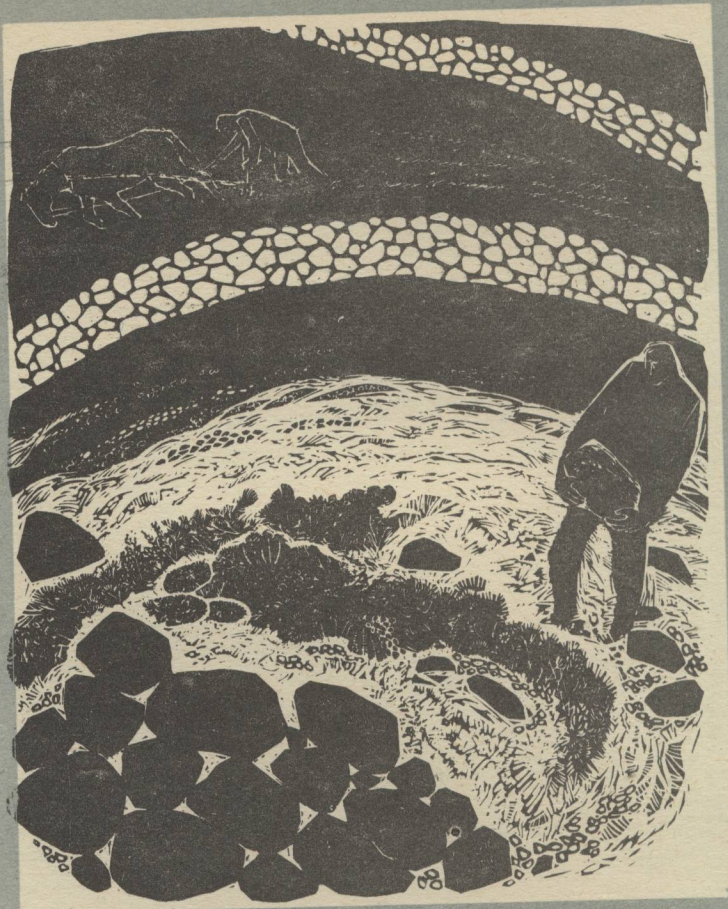
г. Таллин

ЗЕМЛЯ

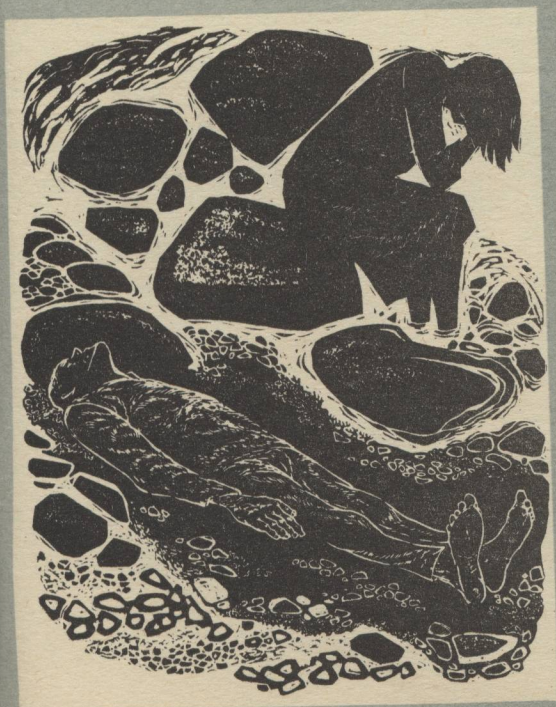
НЕНАВИСТЬ

ХЛЕБ

ГОРЕ

М. ФИЛАТОВ

НА УРАЛЕ

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Школьники села Шаумян на Северном Кавказе получили необычное письмо. Его прислал бывший солдат Советской Армии Александр Драгинский. Вот что он общал ребятам: «Наша дивизия обороняла подступы к городу Туапсе. В январе 1943 года мы перешли в наступление южнее села Шаумян. Завязались тяжелые бои. Я был ранен, потерял сознание. Очевидно, меня нельзя было отличить от убитых. Командование известило родных, что я погиб на высоте 661.

На самом деле ночью я пришел в себя и в поисках воды пополз к ручью. Снова потерял сознание. Случайно меня подобрала санитары, и я оказался в госпитале. Потом попал в другую дивизию. Под Варшавой был снова ранен. После выздоровления дошел до Берлина».

Александр Драгинский просил ребят разыскать место «гибели». Следопыты не замедлили с ответом. Они нашли высоту 661 и на ней несколько могил, привели их в порядок.

«Везде пройти и все узнать!» — девиз следопытов нижнетагильского клуба «Спутник». Ребята изучают природу, реки и озера своего района, пишут историю города, ищут полезные ископаемые. Свои исследования они проводят по заданию педагогического института.

В музее «Спутника» на витринах и стеллажах коллекции минералов, карты флоры и фауны Черноисточинского пруда, почва Пригородного района Нижнего Тагила.

Ребята учатся определять растения, грибы, находить признаки месторождений полезных ископаемых, изучают повадки обитателей лесов.

Большой дружбой связаны бывшие бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса и следопыты Пермской области. Так, в поселке Майкоре живут три фронтовых товарища — Андрей Попов, Александр Килин и Филипп Мехоношин. Часто они приходят к ребятам и рассказывают, как сражались с фашистами уральские танкисты. Андрей Васильевич Попов передал ученикам благодарственные грамоты командования. Это были первые экспонаты музея боевой славы, который создали следопыты.

Интересные материалы о танкистах собрали ребята второй школы города Чайковского. Помог им в этом ветеран войны Петр Иванович Кобелов. Пионерской дружине школы присвоено имя прославленного Уральского корпуса.

Музей боевой славы открыт в одной из школ Орджоникидзевского района Перми по инициативе бывшего разведчика мотострелкового батальона Семена Коротаева. Следопыты записали его воспоминания о боевом пути корпуса.

После ожесточенных боев 394-я стрелковая дивизия освободила от оккупантов город Кривой Рог. Дивизии присвоили звание Криворожской. По местам ее боев совершили поход комсомольцы криворожского ремесленного училища имени Ф. Э. Дзержинского. Побывали они и на знаменитом Марухском перевале, где советские воины преградили путь гитлеровцам на Кавказ.

Здесь комсомольцы установили обелиск славы.

Но и мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья, ведь мы вложили в него нашу жизнь». Эти слова высечены на гранитном обелиске, сооруженном комсомольцами профтехучилища № 2 города Головино Житомирской области. Памятник установлен в Гремучем лесу, неподалеку от места гибели красnodонских молодогвардейцев.

В городе Ровеньки недавно открылся музей, в котором собраны многочисленные документы, рассказывающие о жизни и борьбе молодогвардейцев. Музей размещен в подвалах больницы, где когда-то находились застенки гитлеровского гестапо.

Поэтические маршруты

Юрий ТРИФОНОВ

Сапоги

Как я соскучился по сапогам,
Кирзовым — где мы только не бродили! —
По сапогам, шершавым по бокам,
С прожилками дорожной, серой пыли.

Буксует МАЗ — размыт дождями путь.
Задержит взлет нелетная погода.
А сапоги не сдрейфят, как-нибудь,—
Идут себе в любое время года.

Весною обдувает их сквозняк
На склонах гор, насквозь пропахших влагой,
Где шелестит оживший березняк
Прозрачной, папиросною бумагой.

Июльским утром вымокнут в росе,
Засветятся на солнце черным глянцем.
На отдыхе в канаве, у шоссе,
Подошвами на мир не наглядятся!

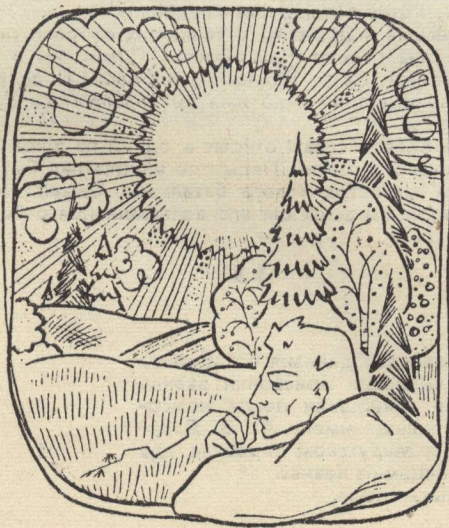
Осенних трав алмазные круги
До дыр

им отшлифуют голенища.
И все-таки упрямы-сапоги
Не ищут путь накатанней и чище.

Непогода по-черному
Топит горы Урала.
Вновь тоска безотчетная
Увела к перевалу.
То — осока изросшая,
На ветру шелестящая;
То — сорока,

над рощею
Заполошно кричащая.
Перелески отпетые,
Где печальною
истиной
Трепыхает на веточке
Лист

один-разъединственный.
Тучи рваные степются.
И над пажитью рыжею
Бьют наотмашь по ельнику
Бахромою отвисшею.
В дымке призрачной по низу,
Сапожищами хлюпая,
Неприкаянно по лесу
Бродит осень угрюмая.
Увидала, уставилась:
Ей самой-то невесело!
Сеять морось умаялась,
Все дороженьки — месиво.
И, как будто подхлестнутый,
Стороною, по краю,
На просвет между соснами
Я быстрее шагаю.

Красный лес

Вдоль передач высоковольтных
Богатыри — под небеса! —
В своих доспехах темно-желтых
Идут кондовые леса.
Шагают в горы, по болотам.
Блестят шеломами вершин.
И в твердой поступи есть что-то
От Долгоруковых дружин.
Идут размеренно,

по-русски,
Среди весны, среди зимы.
И на подъеме,

и на спуске

Они прямы.
Они прямы!..
Здесь пахнет хвоей и смолою.
Здесь тишина молчать велит.
И сходит мелкое и злое
С души...
И ты, как лес,
Велик!

В небе выведен росчерк
Богатырской рукой
Над березовой рощей,
Над Кудьмой-рекой.

Все меня провожают,
Кто и рад и не рад.
Все меня поражает,
Что и видел не раз.

Это тучные тучи
В ночи над Окой...
В вагоне попутчики
Идут на покой...

Все пути начинаю,
Словно песенки,
вдруг.

И Россия ночная,
И ромашковый луг.

Вечер с росами смешан,
Пахнет рыбой река.
Это ветер насмешник
Разорвал облака.

Восхищенно и немо
Удивляюсь всему...
Я деревья и небо
В дорогу возьму,

Чтоб в глазах зарябило
От прямых тополей,
От багряной рябины,
От полян и полей.

И столбы, словно годы,
Промелькнув, отстают,
И грохочут вагоны,
И уснуть не дают.

И торопится поезд,
Басовито сипя...
Уезжаю на поиск
И судьбы, и себя.

Рисунки Е. Стерлиговой

ФРОНТОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Метель утихла, и небо медленно очистилось от туч. Только теперь, когда открылись дали, я понял, что Михайловск и в самом деле красив. Две реки — Куба и Серга — сливаются под Михайловском в великолепный пруд, который дальше, несколькими километрами западнее, вливается в Уфу. С севера над прудом огромным белым колоколом нависла гора Лысая, чуть в сторонке от нее, за заводом — такая же Власкина гора, а с юга над главной улицей города, словно дамба, нависла гора Любви. До самого неба поднималась вершина, густо поросшая сосной. Сосны стояли присмирившие, придавленные тяжелыми снежными шапками, и было в их сонном покое что-то нереальное, фантастическое...

Ночь новогодняя кажется
Снежною дивною сказкою...

— А может, Надя под Новый все-таки приедет?

— Нет,— грустно покачал головой,— не приедет.

Кругом, куда ни глянешь,— бескрайняя тайга, крутые отроги гор, бело-зеленый, щемящий сердце простор. Сумерки в декабре наступают рано. Часа в четыре, как раз когда в цехах пересменка, густая синева, целый день таившаяся в таежных распадках, медленно растекается по пруду, сливаясь с бескрайней тайгой, окружившей и завод, и городок со всех четырех сторон света.

— А может, все-таки домой?

Нет, ему еще надо в общежитие. Ребята поссорились с комендантом. Да, вообще-то этим должен заняться комсорг, это верно. Но комсорг неопытный, всего два месяца, наломает еще дров...

И ушел вниз, к общежитию, растворился в вечерней синеве. В старом осеннем пальто в пятнах краски, в стоптанных ботинках, покрытых цементной пылью и известковыми брызгами. Ушел, и больше я его не встречал.

Что я о нем знаю? Почти ничего. Всего один день — это так мало, чтобы узнать человека. Но вот уже второй год не дают мне покоя его красные от усталости и бессонницы глаза, его робкая улыбка, когда он говорит о Наде.

Счастье мое непутевое,
Будь хоть немного поласковой..

Ему тридцать один год. Возраст вполне достаточный, чтобы иметь свой дом, семью и любимую работу. Дом, семья и любимая работа — это тот самый комплекс, который часто называют счастьем, обыкновенным человеческим счастьем.

А что он на четвертом десятке приобрел из этого самого комплекса счастья? На этот вопрос нужно ответить чисто диалектически: и все, и ничего. Дом? Живет у родителей. Семья? Есть и семья, точнее жена, да живет она за две тысячи километров. Есть и работа, только не

найдешь его должности ни в одном штатном расписании...

Счастье? Говорят, у каждого свое. А какое же счастье у Николая Субангулова, если куда ни оглянешь — одна диалектика: и есть, и нет. Может быть, потому он и не любит этого слова, а предпочитает думать и отвечать иначе: правильно живешь Николай Субангулов? Правильно!

Но так думает только он один. «Чудак», — говорят друзья. «Неудачник», — вздыхают родные.

Лет восемь назад он был шлифовщиком. Жил в Верхних Сергах, в общежитии, любил по вечерам ходить в кино, допоздна зачитывался книгами. Но больше всего любил приходить утром в цех, включать станок и снимать с буровых шарошек тончайшую стружку. «Так и будешь весь век торчать у станка», — хмурился отец. — У тебя, Николай, светлая голова. Учись!»

«Светлая голова» решила учиться. Поступил в техникум, перешел из цеха в конструкторское бюро. Чертил, рассчитывал, тосковал. По запаху горелого металла, по станку. От тоски спасал баян. Околдовала Николая музыка, все забросил, осунулся, мимо столовой ходил — только бы накопить денег на баян. А когда купил, взял его на колени — ни музыки, ни песни. Беспомощно перебирали пальцы клавиши, и баян не пел, а жаловался. «Медведь наступил на ухо», — посмеивались друзья над мрачным Николаем. «А я все равно научусь», — упрямо твердил он, и научился. Баян запел, песня оказалась тем самым «чуть-чуть», чего так часто не хватает человеку для оптимизма...

Нет больше баяна! Пылится старый друг под кроватью, на которой в тревожном сне разметался Николай. «Цемент, цемент... Почему топчете цемент? Опять пропал кабель... Телефон, телефон... Где электрик?..»

Мать подходила к кровати сына, прислушивалась к беспокойному шепоту и не понимала: спит ли сын или вспоминает. Она ничего не понимала, она просто слушала и запоминала. Может, завтра сыну это нужно будет вспомнить опять?

Утро начиналось с испуганного вопроса: «Сколько? Семь?» Мать успокаивала: «Успеешь, поспи еще...»

Его упрашивать не надо. Сон как

клей, как вязкая осенняя глина. Но уже пробивается в мозгу вчерашний день, пробивается незаконченными делами, новыми тревогами и долбит сознание короткое и беспощадное слово «надо!»

Надо ехать на стройку, а это значит, надо штурмовать автобус, останавливать попутную машину, месить грязь.

Надо писать новую «молнию» на электрика — нет света в пролете «АВ». Кто будет писать, если художник болен?

Надо потребовать, надо позвонить, надо присутствовать на совещании, комсомольском собрании, активе... Где начинаются и где кончаются обязанности начальника штаба стройки?

Начальник штаба. Кто придумал эту сумасшедшую должность? В войну начальники штабов руководили боевыми операциями, от их таланта нередко зависела жизнь тысяч людей, они круглыми сутками не спали, чтобы успеть по донесениям разведчиков, по отрывочным сведениям и картам угадать, что будет завтра, как и какими путями проложить путь к победе. Но на то и война, на то и армия, чтобы победа намечалась рукой и талантом начальника штаба. А здесь, на стройке? Здесь есть начальник стройки, главный инженер, прорабы. Здесь есть партком и профком. Есть и комсомольское бюро — зачем нужен стройке начальник штаба?

— Здесь тоже фронт, — объяснили Николаю в парткоме завода. — Если ты приблизишь пуск нового цеха только на один день — и то тебя нужно туда послать.

...Это было в апреле. Был конструктором — стал начальником штаба. Пришел на стройку, представился. А что делать? Посоветовали: пройдите по цеху, познакомьтесь с людьми, со стройкой.

Пошел. Четыре пролета, два этажа и сотни машин. Пульты с кнопками, лампочками, везде надписи, надписи на двух языках: русском и французском. Оборудование импортное, за оборудование заплачено шесть миллионов рублей золотом, — об этом знал и раньше. А на приборах и пультах — толстый слой пыли, точнейшие прокатные станы, способные катать фольгу толщиной в несколько микрон, завалены строительным хламом. Его, вчерашнего шлифовщика, влюбленного в точные станки, такое пренебрежение просто потрясло. Возле этих машин должна быть стерильная чистота!

Шел по длинным коридорам: белая метлахская плитка и битый кирпич, электрощиты и носилки с бетонным раствором — кто должен навести порядок? Начальник штаба...

Но начал не с этого. Пришел к начальнику строительства и очень спокойно потребовал в несколько дней освободить один из кабинетов управления под столовую. Его не выгнали, не обругали. Просто посоветовали измерить температуру. Да? Выслушал совет, поднялся и предупредил: иду в партком. Но и в парткоме его требование энтузиазма не вызвало. «Круто берешь, Субангулов...»

— Да? Тогда так: или на стройке будет открыта столовая, или снимайте с начальника штаба.

Открыли все-таки столовую.

А вечерами, возвращаясь домой, первым долгом спрашивал у матери, не было ли сегодня для него письма.

Письма приходили из Куйбышева, приходили долгожданные и зовущие.

«Сейчас весна, и у нас с крыши свисают длинные-предлинные сосульки. Девчата ходят на Волгу и ждут, когда пойдет лед. Ты никогда не видел, как на Волге идет лед?»

У тебя будет отпуск, а я не знаю, когда. Я ничего не знаю, а все равно жду... Как ты живешь?»

Как он живет?

Хорошо! Вот только не высыпается.

Каждое утро мать спрашивает: «Когда вернешься?»

— Сегодня, — отвечает. Сегодня — это значит до двенадцати ночи. Приходил и после двенадцати, если не успевал на последний автобус. Тогда все двенадцать километров от города до станции, где живут родители, приходилось топать пешком. По грязи. По снегу. Ночью. Один на один с мыслями.

Фольга. Алюминиевая бумага. Красная, зеленая, желтая... Уже установлены гелиопечатные машины. Все семь цветов радуги! Наверное, в цехе будет хорошо: чисто, кондиционированный воздух, люди, наверное, будут работать в белых халатах. Не везде, конечно, но на гелиопечатных машинах наверняка...

Цех напоминает корабль. У него есть центральный машинный зал, есть капитанские мостики, где будут дежурить будущие операторы, есть и трюм. Особенно похож на корабельный трюм нижний зал, где вдоль длинного пролета выстро-

ились электрощиты. А справа и слева от прохода — вентиляционные камеры, словно отсеки корабля. И так же, как на корабле, они отделены от центрального корпуса герметичными стальными дверями.

В цехе все будет подчинено ритму машин, все спроектировано так, чтобы люди работали только у пультов. Счастливые люди будут работать в этом цехе!

А пока... Цемент вываливают куда попало, разносят по чистым залам. Грязь и мусор вызывали у него приступы отчаяния. Кто виноват? Ищи. Не хватает машин — собирай штаб! Не хватает людей — организуй субботники!

Из техника-конструктора Николай превратился в строителя. Где и когда пришло это превращение — он не знал. Но что оно пришло — это он чувствовал. Он с закрытыми глазами мог пройти по цеху, у себя в штабе он повесил на одной стене план будущего цеха, а на второй — график, на котором скрупулезно отмечал, сколько каждый день выходит на работу штукатуров, монтажников, изоляровщиков... Одних субподрядчиков оказалось четырнадцать.

Он завел железное правило: ничего не оставлять без внимания. Только так можно стать полезным людям и стройке, только так он — начальник штаба — мог приблизить пуск цеха, приблизить победу.

Времени не хватало. Газету просматривал в постели. От строчки до строчки читал только письма: от нее, из Куйбышева... И вдруг в августе Надя приехала сама.

— Ждал? Смешной ты какой-то: похудел, устал... Ты возьмешь отпуск? Покажешь мне свой Михайловск?

Покажешь... Весь август лили дожди. Улицу Кирова так развезло, что переходить страшно. Опять перебои с машинами, нет цемента, в помещениях пролета «ГД» появились «дутики». Не знаешь, что такое? Какой-то умник разрешил штукатурить свежей известью. Не дали отстояться после гашения, вот она теперь в стенах гасится и вздувается пузырями. Что делать? Все заново штукатурить!

Надя уехала, так и не увидав настоящего Михайловска. Впрочем, и Николая то она видела тоже немного.

В сентябре в Михайловск из Свердловска приехали артисты, поэты, композиторы и привезли новую песню — «Михайловский вальс»,

Слова песни переписал в блокнот. С трудом раздобыл ноты, с трудом выклевывал по вечерам время и разучивал песню о своем городе. Нет, так нельзя, ей должен понравиться Михайловск, она здесь найдет себе работу, здесь нужны инженеры-технологи в бытовом комбинате. Ей остался последний год, весной она защитит диплом, и все будет хорошо, хорошо!

«У нас, в Куйбышеве, золотая осень. Деревья желтеют, облетают... Зачем я приезжала в Михайловск? Мы с тобой так ни о чем и не договорились... И ты в этом году опять не поступил в институт. Тебе же надо сдать только один экзамен, ты же техникум кончил с отличием. Опять у тебя нет времени?..»

Да, времени не хватает. Институт пождет. Пустим цех, тогда за все отгуляю. Сразу за все!

Начальник штаба. Кто придумал эту сумасшедшую должность? Вчера увидел: стоит штукатур посреди машинного зала и стреляет из рогатки по воробьям. Раз по воробьям, раз по фонарям...

Да тебе же семнадцать лет!

Стоит, глупо хлопает глазами. Что делать с такими?

Позвонили из отделения милиции: ваш комсомолец похитил сто метров кабеля.

Пришел: «Возьмите на поруки». Что делать с такими? Судить? Говорит: кабель валялся на дворе. Решил — никому не нужный. А ему, видишь ли, нужен, чтобы провести свет в баню... Наверное кабель и в самом деле валялся посреди двора, там груды всяких материалов. Так ты же комсомолец, черт возьми! Подбери кабель, принеси в штаб — вот как обращаются электрики с кабелем! А нет, потащил к себе в баню. Почему люди теряют совесть? И что делать с такими?

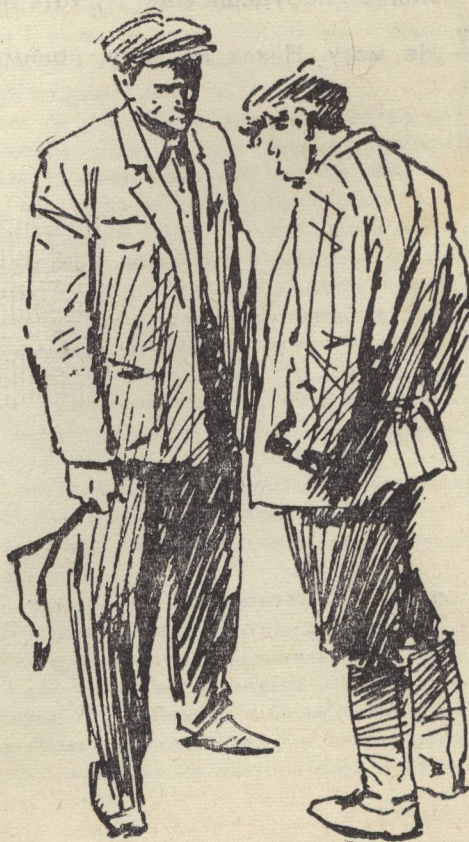
Усталость наваливалась, как непосильная ноша. Временами казалось: не выдержу такого напряжения, брошу, уйду с этой сумасшедшей должности. И где-то рядом с усталостью росла тревога: там, в Куйбышеве, его в чем-то не понимают. Да, он обносился, нет зимнего пальто, а здесь, на стройке, он получает даже меньше, чем в конструкторском бюро. Там хоть платили премии. Да, там, в Куйбышеве, Надя живет в квартире вдвоем с матерью, а здесь, чтобы добраться до кровати, каждый день приходится по полтора часа давиться в

автобусе или трястись в кузове попутной машины...

Он гнал и усталость, и тревогу. Полгода работы на стройке убедили: он нужен здесь, он нужен стройке, он нужен людям. Он не может их бросить. Это как на фронте: начальник штаба не может бросить свой пост. Когда вручали партийный билет, спрашивали: «Знаете, в чем главный долг коммуниста?» Да, он знал: его долг оставаться на посту начальника стройки. А тревога не проходила...

«Когда люди любят друг друга, они должны быть вместе. В Куйбышеве у меня есть интересная работа, здесь мой институт, здесь у меня есть квартира, мой дом... А что я видела в Михайловске, кроме дождей и непролазной грязи? И я совсем не понимаю, что тебя там так держит... Я только знаю, если люди любят друг друга, они должны жить вместе...»

Это правда: если люди любят друг друга, они должны быть вместе. А Нико-

лаю сказали: «Ты теперь достаточно хорошо знаешь цех и оборудование. Есть решение назначить тебя механиком нового цеха. Ты в него вложил достаточно сил, чтобы этот цех стал твоим...» Твоим. Но и она, Надя, тоже твоя. Твоя любимая. А может, она права? Может, есть еще какая-то другая правда, не его? Счастье... Только протяни руку, только скажи «да», тебя же ждут там, в Куйбышеве. Тебе ведь уже тридцать один. Разве встретишь в жизни вторую такую, как Надя?

...Перед октябрьскими праздниками пришел в партбюро: «Нужен отпуск. Сейчас, немедленно. Я его заслужил?»

— Заслужил. Но стройка...

— Кроме стройки у меня есть невеста. Я должен повидать ее. Должен!

Свадьба длилась три дня. Одних только племянников у Нади оказалось тридцать пять! Три дня шли и ехали со всего Куйбышева поздравить и пожелать счастья Николаю и Надежде Субангуловым. А еще через три дня Надя провожала мужа на Урал, в Михайловск.

— Может, побудешь еще? Ну хоть денек...

— Не могу. Никак не могу, понимаешь?

Не понимает. А ведь это все так просто, так понятно.

«Понимаешь, Надя, вчера зашел в машинный зал, а вдоль всего центрально-распределительного щита тридцатиметровый плакат: «Стой! Опасно для жизни! Убьет!» А я... я потрогал этот плакат. Ты знаешь, что на нем было написано? «Товарищи! Цех подключили к энергосистеме!» Цех ожил, Надя! А может, ты все-таки приедешь?..»

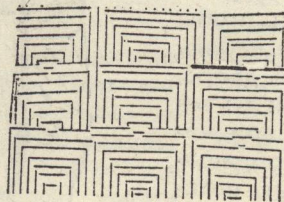
Счастье? Говорят, у каждого свое. Дом? Живет Николай у родителей, на станции, и клянет на чем свет автобусы. Работа? Кто только придумал эту сумасшедшую должность начальника штаба! Семья? Живет жена за две тысячи километров, и кто его знает, когда они теперь встретятся.

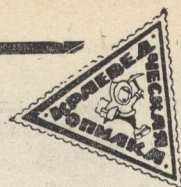
Счастье мое непутевое,
Будь хоть немножко поласковой,
Радость моя ненаглядная,
Будь хоть немного нежней...

Ушел, растворился в вечерних сумерках Николай, и только тут я спохватился: забыл поздравить его с наступающим Новым годом.

Г. ТИМОФЕЕВ

Рисунок В. Васильева

МЕДАЛИ ПУГАЧЕВА

«...Кабы мастера-знатоцы были, на пятаки бы нам перелить их.

— Не на пятаки, а на кресты,— поправил его Пугачев.— Серебреца подбросить, да на большие кресты и перековать, чтоб те кресты в награждение давать людям за храбрость. Треба... пошукать таких мастеров-та... Чобы кресты, медали...»

Такой диалог приводит писатель Вячеслав Шишков в своем трехтомном историческом повествовании «Емельян Пугачев». Были ли у повстанцев награды, полученные от «государя Петра III», за которого выдавал себя Е. И. Пугачев?

Два интересных экспоната хранятся в фондах Оренбургского областного краеведческого музея. Первый — орден в форме восьмиконечного старообрядческого креста с ушком. На нем надпись: «Царь Петр Федорович жалует тебя крестом, бородой и волей казацкой. 1773 год». Второй экспонат — серебряная медаль. На ней изображение Петра I, но цифра «I» стерта. Обратная сторона, где был орел, отшлифована и на ней снова выгравировано: «Петр III». Тут же крест, звезда и полумесяц.

Эти реликвии хранятся среди других экспонатов, относящихся к крестьянской войне под водительством Емельяна Пугачева.

Как попали в наш музей орден и медаль?

— Пятнадцать лет назад, во время подготовки экспозиции о пугачевском восстании, к нам пришло письмо из Ленинграда,— рассказывает старший научный сотрудник областного краеведческого музея С. А. Попов.— Ленинградский коллекционер Маркевич писал, что у него есть серебряная медаль Пугачева (нагрудная медаль, переделанная из рубля петровского времени). Есть и два медных креста-ордена для наиболее отличившихся участников крестьянской войны. На медали год 1774-й, на ордене 1773-й. Мы приобрели эти вещи, но предварительно связались с московским историческим музеем, чтобы выяснить, есть ли там подобные вещи. Оказалось, нет. Более того, их нет ни в одном музее нашей страны. Нам ответили, что вообще орденами и медалями Пугачев никого не награждал.

Но как ли это? Любопытно, что серебряный рубль, превращенный в медаль, действительно петровский. И в протоколе допроса Пугачева говорится, что когда вождь восставших крестьян был на правобережье Волги, он дал указание мастерам изготовить целый ряд медалей из серебряных рублей Петра I. Эти медали действительно были изготовлены и выдавались наиболее отличившимся в боях. В. Шишков тоже говорил об этом.

«...Два старых крестьянина, растроганных милостью Пугачева, подходят к его руке. На груди у обоих — медали.

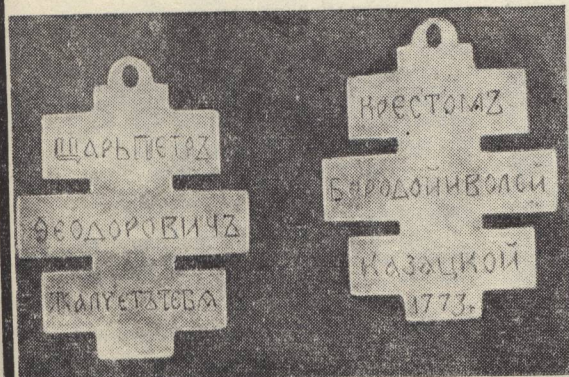
— Послужите же мне, детушки! — обращает к Пугачеву только что награжденным.

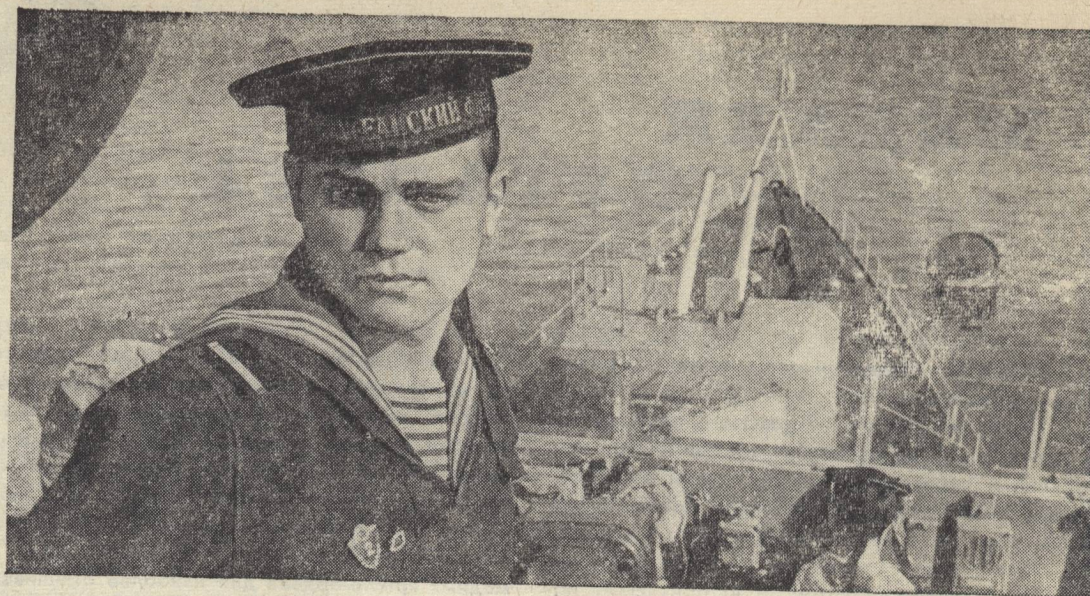
— Послужим, послужим, батюшка, отец наш, милостивец!

Последние слова подхватывает вся огромная толпа крестьян, казаков, солдат...»

Происходили ли в действительности такие сцены? Были ли ордена и медали у Пугачева и какова ценность хранящихся в Оренбургском музее редчайших экспонатов? На все эти вопросы ученые ответить пока не могут. Поиск продолжается...

Я. ХАРАСОВ

Зскадренный миноносец медленно отходит от пирса. Берег, покачиваясь, отступает назад.

- Левая, малый вперед!
- Есть!
- Обе, малый вперед!
- Есть!

...Еще два часа назад над острыми вершинами сопок светило яркое солнце, и ветер чуть рябил водную гладь. Теперь он был в надстройках эсминца, и вся бухта, словно вскипая, покрылась белыми барашками. Тучи, обволакивая горизонт, наполнили со стороны Охотского моря. Приближался шторм.

— Ну и погода, замполит! — сказал командир корабля.

Колокола громкого боя и команда «Учебная боевая тревога!» сорвали ребят, отдыхавших в кубриках, с мест. Замелькали на трапах черные бушлаты, загремели по стальной палубе матросские ботинки.

Артиллерийский электрик матрос Иван Обирин бежал на свой боевой пост, на ходу застегивая бушлат.

Корабельная жизнь расписана по минутам. Во время тревоги учитывается каждое мгновение: на подготовку к бою отводится всего несколько коротких секунд. Каждая секунда — это десятки метров, пройденные подводным кораблем врага, сотни — летящим самолетом, километры — ракетой. Тут не до размышлений...

Когда запыхавшийся Иван прибежал в центральный артиллерийский пост, командир отделения старшина

второй статьи Байков посмотрел на часы и сказал с неудовольствием:

— Вовремя уложился, но можно было бы и поторопиться.

Иван занял свое место, проверил положение переключателей на панелях и доложил:

— Номер на переключателях и ревунах к бою готов!

Ему было не по себе. Прибегать на пост последним...

Шторм крепчал. Эсминец зарывался форштевнем, и волны разгуживали по баку. Кое-кого из молодых начало укачивать. Командир корабля приказал вынести на левый шкафут бочку с селедкой. Селедка помогает. Но главное — не распускаться. Перебори слабость, задави в себе тошноту — действуй, что-нибудь да делай, двигайся!

А попробуй двигаться на посту, у панелей... Враз получишь замечание от старшины.

Корабль шел в район встречи с «противником». Вращались антенны радиолокационных станций, нащупывая цель. Ожили стволы орудий.

— Дистанцию!.. Курсовой угол!.. Установить! — донеслась команда управляющего огнем.

Операторы станции застыли у экранов, наводчики, сняв стсеты, доложили о них контролерам.

— Орудие, товсы!

Заряжающие дослали снаряды в стволы.

Старшина Байков не спускал глаз с Ивана Обирина. Выдержит! Укачет! Нет, как будто качка не сказыва-

вася на Обирине. Взгляд живой, и даже румянец не сошел с мальчишеских щек.

Иван заметил, что старшина все время поглядывает в его сторону, и нахмурил брови. Там, на камвольном комбинате, где работал до призыва на флот, тоже сначала не доверяли. Как же — молодой...

Эскадренный миноносец приблизился к точке встречи с «вражеским» кораблем. Содрогаюсь всем корпусом, ныряя и переваливаясь с борта на борт, эсминец упрямо шел вперед. Океан разбушевался не на шутку, глухо ревел, швыряя корабль.

В последние секунды перед главной командой Иван вдруг почувствовал слабость. На лбу выступила испарина, задрожали, потеряли силу и твердость руки — подбиралась морская болезнь.

Старшина Байков увидел, как побледнело лицо Обирине. Байков сделал шаг, стал рядом с Иваном и сказал твердо:

— Обирин! Думай только о деле. Только о деле, слышишь!

Иван подобрался, сцелил зубы.

Черт возьми, как предательски ослабли руки, словно бы их подменили. Снова оглянулся, ища не то поддержки, не то сочувствия, но старшины уже не было. Увидел ребят. Глаза у ребят тревожные. Если хоть один из них смалодушничает, скиснет, «противник» уйдет...

А корабль болтало все сильнее. «Неужели будет так же!» — Иван со страхом вспомнил выход в море, когда служил еще в учебном отряде. Он тогда едва отстоял вахту. Но рядом был опытный товарищ...

В башню ворвалась резкая команда:

— Орудия зарядить!

На табло вспыхнули красные лампочки: орудия к залпу готовы.

Иван вострепнулся. Сейчас будет команда и для него. Для него лично... Иван судорожно проглотил подкатившийся к горлу комок.

— Ревун!

Иван всей тяжестью навалился на педаль ревуна и залпа. Корабль вздрогнул, над океаном прокатился тяжкий гром.

Теперь все ждали результатов с корректировочного поста. Сообщили коротко:

— Поражение!

И снова загрохотала команда.

Гудел океан, бушевал. Но Иван ничего не замечал вокруг. Шел морской бой. А в бою о себе думать некогда...

В. Матэр

ПАМЯТЬ МОЯ— СОЛДАТЫ...

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки Виктора Цигалы

Натиск

По записной книжке я пытаюсь, насколько это возможно, восстановить события третьего дня. Эти дни мне особенно дороги. Ведь с них пошло наше наступление на Берлин, в который мы в конце концов пришли победителями. Тогда, на Орловщине, в первых боях я ближе узнал тех, с кем потом довелось праздновать великий День Победы.

Как же все было?

Словно внезапный обвал снежной лавины... Словно бурная вода прорвала земляную насыпь...

Немцы не выдержали натиска, не смогли больше сдерживать нашего наступления. Танкисты действуют бригадами и батальонами широким фронтом на параллельных направлениях. Идут бои с отдельными узлами сопротивления, с отдельными частями противника. Против нас — сильные танковые части. Для устрашения они носят вызывающие названия: «Адольф Гитлер», «Великая Германия», «Райх», «Мертвая голова». Командованию, конечно, известен общий замысел операции и направлений наших многочисленных ударов. Мне же все представляется хаосом. Я только стремлюсь поспеть в те части, которые, как мне кажется, наступают особенно успешно.

В какой-то деревеньке я потерял Сережу Александрова. Мы договорились держаться вместе. Все же вдвоем мы чувствовали себя неким подразделением,

выполняющим свою задачу, а не вольными стрелками, шатающимися между частями. Сережа вскочил в одну машину, я в другую, полагая, что они из одной колонны. Но машины оказались разных подразделений, и мы разъехались.

В машинах — горючее, боеприпасы, продовольствие. Это — тылы наступающих. Они торопятся догнать своих.

В деревне Гнездилово колонна останавливается. Я соскакиваю, иду по улице. Отдельные дома еще горят. Всюду на улицах — разбитые повозки, воронки, трупы, трупы. Возле пепелища бродит перепуганный серый котенок и курица с цыплятами. Рядом с дорогой, забитой колесными машинами, гонят пленных. Они не похожи на тех, которых я видел вчера. Эти немцы идут босые, грязные, усталые, измученные. Видимо, только что захвачены на поле боя.

Проходит новая колонна автомашин. Я вижу знакомых людей корпуса и поднимаю руку. Грузовик останавливается, меня подхватывают, втаскивают в кузов.

Это — дорога нашего наступления. Повалены телеграфные столбы, проволока свилась в кольца. На повороте у канавы валяется немец, раскинув широко ноги и руки. Голова его расплющена. Рядом — разбитая артиллерийская повозка.

— Смотри! — толкают меня.

На высоте, очень заметное на малахитовом фоне травы, краснеет знамя. Возле него, странно склонив пушку, стоит «тридцатьчетверка». Что это?

Покидаю на ходу машину и полем иду к высоте, где на легком ветру колыхается красное знамя.

Тут шел бой. Всюду валяются мертвые в самых странных позах. Земля — в рядных разрывах. Мертвые немцы все рослые. Позже я узнал, что здесь сражалась гренадерская дивизия.

Танкисты заканчивают натягивать сованную с катков гусеницу. Лейтенант Зинченко весело здоровается.

— За материалом? Кое-что есть... Вот бы вам с нами в машине. Сами бы увидели, как воевали...

Он рассказывает о ночном бое, о том, сколько удалось подавить огневых точек противника, уничтожить вражеской пехоты. О взаимодействии с соседними экипажами. Я записываю, а сам прежде всего очень рад тому, что вижу лейтенанта Зинченко после такого тяжелого боя здоровым, невредимым. Он — любимец всей роты. Веселый, общительный, добрый парень. Красивый. У него светлые волосы, нежное румяное лицо.

Я слышу тихое щенячье повизгивание, всматриваюсь и вижу под днищем машины черного с белыми пятнами щенка. Он лежит, положив морду на вытянутые лапы, и осторожно покусливает.

— Где взяли? — спрашиваю я.

— В деревне подобрали, — оглядываясь на щенка, с улыбкой говорит Зинченко. — Не погибать же ему в пустой деревне. Зачислили в состав экипажа...

Мы сидим возле машины в тени и закушиваем мясной тушенкой, выковыривая из банок куски мяса лезвиями «черных ножей». Еще раннее утро, солнце только поднялось над горизонтом. Пахнет свежестью — травой и росой. Отсюда, с вышенности, нам хорошо видно, как по всем дорогам идет усиленное движение войск.

— А кто знамя ставил? — спрашиваю я у Зинченко.

— Автоматчики двадцать девятой мотострелковой бригады, — отвечает Зинченко. — Трудно им эта высота далась. Они такой сигнал установили... Как первое отделение достигнет высоты 222,4 и выставит на гребне знамя — всем в атаку. Хорошо поднялись! Забыл, кто этим отделением командовал. Смелый парень! Мы их своим огнем поддерживали. На том скате — две разбитые немецкие батареи. Наша работа...

Неожиданно возле нас появляется солдат. Вид у него растерзанный: одна половина лица в засохшей крови, другая — в земле, правый глаз, припухший,

с синевой, плотно закрыт. Он тяжело дышит.

— Закурить есть? — спрашивает солдат, присаживаясь.

Он называет себя — Андрей Кузьмич Серебряков, солдат из той самой бригады, что на рассвете брала эту высоту.

— Иду на ремонт, — говорит он. — Отказывался от санбата, да командир роты приказал. Жалко уходить, немцев, как собак, погнало.

— Ты хоть перевяжись, — замечает Зинченко.

— Ни хрена, — машет рукой солдат. — В какой стороне наш медсанбат — знаете?

В воздухе нарастает гул самолетов. Мы поднимаем головы. Немецкие. Они идут от солнца и плохо видны.

Солдату указывают дорогу в медсанбат.

В воздухе густеет гул самолетов. Мы теперь хорошо их видим. Их много. Их очень много.

Они проходят над нашими головами, и скоро мы видим, как они начинают вдавливать бомбежку. Слышна частая стрельба зенитных орудий. Небо вспухает в разрывах черных шариков.

— Тылы бьют, — отмечает Зинченко.

На попутной машине я догоняю штаб Челябинской танковой бригады. С нами едет танкист Владимир Улыбин. Голова у него перевязана, лицо хмурое.

— Наше село вчера освободили, — говорит он. — Бессоновку... Мое село. Там у меня мать, отец, сестра, брат. Я ведь на войне с первого дня. На западной границе служил. О родных ничего не знал. Попросил у командира отлучиться на сутки домой, узнать, как и что с ними. Мне разрешили...

Машину так встряхивает на рытвине, что мы валимся друг на друга. Танкист замолкает, поправляет сбившуюся повязку и продолжает рассказ:

— Сожгли немцы Бессоновку. Всю сожгли, когда отходили. Два дня она горела... Десятилетка у нас была, клуб, большой магазин... Теперь ничего не осталось, одни головешки. Все начисто пожгли... Своих никого не нашел. Отец в сорок первом с совхозом куда-то эвакуировался, братан в армию ушел. Мать и сестру немцы в сорок втором году в Германию угнали... Вот так... Больше ничего не узнал. Да и спросить не у кого. Никого почти нет... Постоял у печной тру-

бы и все... Надс теперь скорее своих ребят догнать...

Улыбин сидит, стараясь держаться прямо. В глазах — тоска. Все молчат, принимая близко к сердцу горе танкиста.

Мы въезжаем в деревню. Она тоже тихо догорает. Везде следы недавнего боя. Опять трупы... Стоит понуро группа пленных, которых охраняет автоматчик.

— Хорошо жмут на фашиста,— роняет кто-то.— Говорят, что к Орлу наши выходят. Дорогу им между Брянском и Орлом перерезали...

— Была Бессоновка и нет Бессоновки... — продолжает Улыбин. — Одно название на карте осталось. А что тут немцы делали! Застрял в Бессоновке Николай Гаврилович Корятов. Под Тулой шахтером работал. Приехал семью навестить, тут война его и застала. Его с женой и дочерью немцы в Германию отправили. Обещал, если плохо там будет, так он проколет письмо иголкой. Пришло это письмо, пишет Николай Гаврилович, что живут они там хорошо. Посмотрели на свет — а на письме дырочки... Встретил еще тетю Катю — жену председателя колхоза «Красная дубрава». Наша дальняя родственница. Не узнал тетю Катю. Трясется вся, постарела... Рассказала тетя Катя, как ее мужа — Емельяна Никифоровича Щербакова — немцы убивали. Староста его выдал, увидел на улице и показал полицейским. Те его сразу немцам. Связали Емельяну Никифоровичу руки и повели к реке. Поставили на лед и выстрелили в затылок. Потом гранату бросили, чтобы его под лед утянуло. А у берега там мелко, он неглубоко под воду ушел. Ночью его тетя Катя из воды вытащила, на себе притащила в дом, обмыла и тайком на огороде схоронила. Не успела мужа схоронить, как сына Николку потеряла. Пролетел немецкий самолет над деревней и прошелся пулеметной очередью. Николку насмерть, а Нинке, шестилетней, глаз выбило. С тех пор, говорит тетя Катя, я и трясусь...

Трижды приказывали лейтенанту 3. взять высоту. Под его началом находилось девяносто автоматчиков. И трижды лейтенант 3. в бою терял управление, связь с подразделениями, со штабом. Скатывался с высоты, неся потери. Трижды..

Он — маленького роста, мешковатый,

с тревожно бегающими глазами, робко переминающийся перед начальством.

— Трус ты! — брезгливо сказал полковник Троценко. — Немца испугался. У тебя же превосходство сил. Труса празднуешь, потому и немца одолеть не можешь. Сиди тут...

Полковник Троценко вызвал к себе лейтенанта другой роты. Тот явился — крепкий, подтянутый.

— Сколько у тебя сейчас активных солдат? — спросил Троценко.

— Двадцать четыре.

— Слушай задачу... Вот эта высота. Надо ее взять. Огнем тебя поддерживают минометчики. Выполняй!..

— Есть! — Лейтенант козырнул и побежал к своим автоматчикам.

Штаб танкистов расположился на окраине деревни в каменном сарае у перекрестка дорог. Задержка наступления раздражает Троценко. Высота, занятая немцами, мешает танкистам продвигаться дальше. Дорогой воспользоваться нельзя — заминирована. Путь возможен только один — через высоту.

Приблизительно через час ему доложили, что высота взята.

Троценко подозвал к себе лейтенанта 3. Тот все это время, понурившись, сидел в сторонке.

— Понял? — спросил Троценко. — Так надо воевать!.. Следующую высоту ты будешь брать сам. Если не возьмешь — отдам под трибунал за проявление трусости и невыполнение долга перед Родиной.

В тот же день я узнал, что в бою за следующую высоту лейтенант 3. был убит. Высота бойцами лейтенанта 3. была взята, но под командованием другого офицера, который, видя беспомощность лейтенанта 3., взял управление боем в свои руки.

Лейтенант 3. был убит. А солдаты высоту взяли. Но без него.

Этот эпизод запомнился, сохранился и в записной книжке. Мне хотелось о нем рассказать.

Друг, прочитавший эту запись, посоветовал:

— Зачем тебе приводить фамилию лейтенанта? Ведь он все же погиб. Да, он был плохим командиром. Это правда. За это он заплатил своей жизнью. Разве малая цена? Не надо чернить память мертвых. Он погиб на войне...

Вот почему я не называю фамилию

ПРОШЛИ НЕМЦЫ

лейтенанта. Простим его. Не будем жестокими к павшим!

На гребне, словно некий опознавательный знак, стояли два подбитых немецких танка «Т-1У», опустив к земле пушки. Густой дым поднимался над ними.

Тут только что закончился танковый бой. До десятка немецких танков двинулись в атаку на наши позиции. Пехота попятилась от громящего металла и густых свинцовых струй. Немцам удалось, раздавив огневые точки, захватить завоеванные нами рубежи. Танки сминали гусеницами окопы и укрытия, плющили раненых. Немецкие автоматчики вплотную шли за танками, прижав к животу автоматы, густой серой массой катились с холма на холм.

На сближение с противником пошли «тридцатьчетверки». Завязалась огневая дуэль. Уральцы точно не знали, сколько против них немецких танков. С холма были видны ползущие машины, поднимающие шлейфы густой пыли, вспышки пушечных выстрелов. Танки шли густо.

Мне об этом бое рассказывал лейтенант Мариновский. Ему осколком снаряда раздробило руку. Он не хотел покидать машину, но танкисты все же сдали его санитарам. Пулеметчик-радист Николаев и механик-водитель Антоненко продолжали бой без него.

— Высунулся из башни, — вспоминал Мариновский, — ползут, гады, со всех сторон. Цели искать не надо. Долбанули по самому ближнему танку подряд тремя снарядами. Вижу, что вроде гусеницу ему сорвали, закрутился на месте. Добивать не стали. Надо и другие остановить. Ведь ползут, ползут, гады! Водитель у меня отличный. Слово чует, когда надо машину остановить, чтобы мне точнее по противнику ударить. Говорят, что мы три танка подбили. Не знаю... Не до счета нам было. Потом, смотрю, их пехота к нашей машине подбирается. Откуда она вдруг взялась? Впереди своих танков вылезла. Двумя гранатами нас ударили, под гусеницы кидали. Тут уж мой механик самостоятельно пошел на них. Радист их пулеметом сечет. Я же только по машинам бью... Достали все же и нас снаряда-

ми. Хорошо, что по броне скользнули, только осколками ребят поранило. Если бы по прямой ударило — не разговаривать мне сейчас с вами. Тут и наши самоходки вышли. Ах, хорошо били! Пушки у них сильнее наших. Ребята там спокойные. Как на учениях вели себя. Выберут цель и, не торопясь, бронебойными по ней. Что там с третьего — со второго, а то и сразу — первым снарядом накрывали. Одному как дадут, так у него даже крышку башни сорвало.

Мы их бьем, а они все лезут... Видишь, куда доползли, — показал Мариновский на горевшие немецкие машины. — Это ведь они на восемь километров прорвались. Сколько там нашей пехоты полегло! Стенка на стенку шли! Ну и немцев мы там тоже навалили. Пожалуй, раза в три побольше. Сейчас немцы за той высотой сидят, окопались. Наверное подмоги ждут. Да и наши силы поднакапливают. Быть тут еще бою!

Мы сидели с ним на завалинке дома, в котором разместился штаб какой-то артиллерийской части. Машина лейтенанта Мариновского стояла в соседнем фруктовом саду. На задах деревни всюду виднелись «тридцатьчетверки», только что вышедшие из боя. С минуты на минуту все эти машины должны были снова пойти в наступление.

Внезапно за домом что-то грохнуло и прямо над нашими головами, с дьявольским свистом, понеслись десятки огненных стрел. Мы оба невольно повалились на землю и тут же поднялись, несколько сконфуженные.

— Своих «катюш» испугались, — с досадой сказал Мариновский.

За избой поднялось плотное черное облако и стало медленно расползаться. А за высотой уже рвались снаряды. Гул разрывов доносился хорошо.

— Видно, добрую цель накрыли, — возбужденно сказал Мариновский.

На дорогу из-за дома вышли одна за другой машины, на рамах которых были укреплены пологие «салазки» для реактивных снарядов. Батареяцы торопились сменить огневую позицию, чтобы не попасть под огневой налет немецкой артиллерии, которая, конечно, моментально уже засекла цель.

С крыльца избы поспешно сходили встревоженные офицеры — штабники какой-то воинской части.

— Черт знает, что такое! — рассер-

женно говорил полковник. — Могли бы предупредить....

Штабники бодро припустили в другой конец деревни.

Мы с Мариновским двинулись за ними. «Тридцатьчетверки» тоже поспешно уходили из соседних садов.

На краю деревни мы с Мариновским остановились. Надо все же посмотреть, ответят ли немецкие артиллеристы на этот залп «катюш».

Не прошло и пяти минут, как в деревне зазвучали артиллерийские разрывы. Тяжелые снаряды ложились точно, как издали казалось нам, в то место, откуда произвели свой страшный залп «катюши» и где мы несколько минут назад бесечно сидели на завалинке. Все там окуталось дымом. Вовремя мы все смылись.

Уже под вечер я прошел этой улицей и увидел, что вся она изрыта воронками, несколько домов развалено. Но тот дом, из-за которого дали залп «катюши», стоял целехонкий. Можно было и не бегать нам. Но — поди, узнай! Говорят, бережного бог бережет.

Два снаряда ударили возле самой «тридцатьчетверки», третий скользнул по башне. Машина встала. Танкисты высочили взглянуть, что с ней. Позиция — хуже некуда: самый гребень возвышенности. Немцы держались в низинке, по пойме речки. Отсюда, сверху, просматривались их окопы, ряды колючей проволоки. Левее и правее наши вели бой с противником.

— Что там? — крикнул командир экипажа Александр Кузнецов.

— Вроде все в порядке, — откликнулся водитель.

Раздался режущий уши свист снаряда, и танкисты прижались к земле.

Снаряд разорвался за машиной, второй — ближе. Значит, третьим ударят по цели. Действительно, он разорвался в нескольких метрах перед танком. «Тридцатьчетверку» даже слегка приподняло взрывной волной. Кузнецов тихо охнул: осколком ему ударило в предплечье.

— Все живы? — крикнул он. — В машину!

Но выполнить его приказ не успели.

«Тридцатьчетверка» вдруг самостоятельно двинулась под уклон.

Секунды растерянности...

А машина быстро набирала скорость

и теперь шла прямо на немцев по дороге, которую противник в нескольких местах перегородил проволочными заграждениями.

Этот одинокий танк, пошедший в решительную атаку на немецкие позиции, заметили с нескольких сторон.

По нему фашисты открыли стрельбу.

А танк все шел и шел, приближаясь к реке, и не просто шел, а продолжал, спускаясь, набирать все большую скорость.

Вот «тридцатьчетверка» достигла первого ряда колючей проволоки, легко подмяла ее, продолжая движение. Наконец один снаряд угодил в башню. Но это не сдержало хода машины.

Теперь она приближалась ко второму ряду проволочных заграждений, за которыми виднелись ходы сообщений противника и огневые позиции артиллеристов.

А экипаж этого танка лежал на вершине и наблюдал за судьбой своей машины.

Они не могли понять этого чуда.

На мгновение бой на этом участке как бы затих. С нашей и немецкой стороны с изумлением смотрели на «тридцатьчетверку», не веря в безрассудство экипажа, который шел на верную гибель.

Тогда танкисты других машин решили поддержать своих товарищей. Справа и слева на гребне появилось несколько машин. Они открыли дружный огонь по немецким позициям и пошли на решительное сближение с противником.

А танк Кузнецова в это время уже сокрушал огневые позиции немцев, приминяя их окопы, и, презирая огонь, мчался к реке.

Немцы дрогнули перед этой «тридцатьчетверкой», поспешно покидали окопы, бросали огневые позиции.

Другие наши танки, пользуясь замешательством врага, выходили к реке, подавляя на флангах немецкую оборону.

За ними дружно двигались автоматчики.

Танк-смельчак, смяв с разгона все, что было перед ним, дошел до середины реки и встал.

...Когда на этом участке закончился бой, экипаж, наконец, добрался до своей «тридцатьчетверки». В ней они насчитали шесть пробоин.

Об этом странном случае потом ходило много веселых рассказов. Танкистам проходу не давали. Расспрашивали, как

и почему от них машина сбежала. Объяснение же всему было простое. Механик, покинув танк, не заглушил мотор. От взрывной волны включились фрикционы, и машина легко пошла под уклон.

Но объяснение это никого не устраивало. Говорили так:

— Наши танки могут и сами воевать!

Разгром

Такую изуродованную железную дорогу я видел впервые.

Каждый рельс разрублен на три куска. Все шпалы выворочены, словно дьявольской силой, из земляного полотна и переломлены пополам. Насыпь обезображена. Взорваны все телеграфные столбы — да, взорваны! В них, примерно, в полтора метра от земли, высверливалось гнездо для патрона со взрывчаткой. Потом зажигался короткий запальный шнур. Сила снаряда была рассчитана точно. Сухое дерево с обеих сторон от излома превращалось в лохматую лучину. Эти столбы теперь даже на дрова не годились.

Уничтоженную железную дорогу мы увидели 9 августа 1943 года в разгар боев на Орловщине и Брянщине. Тут стояла станция Шахово на линии Орел — Брянск. Самого здания станции не было. Лежала высокая грудa битого кирпича. Неподалеку виднелись две глубокие воронки, в каждую из которых можно было легко поставить крестьянский дом. Наверное, от крупных авиабомб.

Мы прошли по насыпи километра три к реке и увидели разрушенный мост. На всем протяжении та же картина полного уничтожения железной дороги.

Сразу ее не восстановить. Надо приводить в порядок земляное полотно, выкладывать на нем новые шпалы и ставить рельсы, новые телеграфные столбы. Все строить заново!

Вот так, отступая под ударами наших войск и упорно сопротивляясь, мстили нам гитлеровцы.

Но как все же они сумели организовать эту страшную разрушительную работу? Мы терялись в догадках.

Только много лет спустя мне довелось увидеть куски подлинной немецкой кинохроники военных лет. Там, среди многих кадров войны с Советским Союзом, бы-

ли и такие, в которых немецкие кинооператоры хвастливо показывали, какой непоправимый урон наносят их войска хозяйству большевиков, отходя по приказу фюрера, по стратегическим, конечно, соображениям, из некоторых районов России.

По насыпи ползла некая чудовищная машина, выламывая и дробя шпалы, сокрушая рельсы. Смотреть на это было страшно. Она все ползла и ползла, оставляя позади себя исковерканные пути. От взрывов надламывались и падали телеграфные столбы. Тупая разрушительная сила!

В темном зале кинотеатра я и вспомнил увиденное в 1943 году на линии Орел—Брянск. Немецкие конструкторы заранее придумали и создали специальную машину для уничтожения наших железных дорог...

В то лето мы только учились настоящему наступлению. Танковые армии еще не совершали своих глубоких прорывов в далекие тылы врага, какими они впоследствии прославили себя.

Наступление, которое 15 июля начали наши войска, все еще продолжалось. Немцы сопротивлялись упорно и стойко. В иные дни нам удавалось потеснить их не более чем на четыре километра, в другие дни — до десяти. Бои шли за каждую высоту, на всех речных переправах. Гитлеровцы понимали, что им тут не удержаться. И, злобно огрызаясь, уничтожали все, что могли. Жгли деревни и села, разрушали города и поселки. Ничего не щадили. Работала машина уничтожения.

Выход на линию железной дороги Орел—Брянск стоил нам больших потерь. 5 августа — четыре дня назад — наши войска освободили от фашистских захватчиков Орел. К 9 августа в нескольких местах мы перерезали эту железную артерию между Орлом и Брянском. И вот что нам оставили немцы...

Я пишу не историю Уральского добровольческого танкового корпуса. Это — задача военных исследователей. Мне хочется лишь восстановить те эпизоды, свидетелем, участником которых я был.

По записной книжке уточняю, что наша редакция 9 августа разбила свои палатки в густых зарослях орешника неподалеку от станции Шахово. Помню, я сидел у пенька, положив на него кусок плотного картона, и переписывал для на-

бора заметки солдат. А перед глазами все еще стояла разбитая станция Шахово и разрушенное полотно железной дороги.

Ночью, когда я спал на плащ-палатке, укрывшись шинелью, я услышал странные звуки — звонкий стук металла. Звонкий голос стали...

Что бы это могло быть?

Выяснилось утром. Десятки людей работали на полотне железной дороги: женщины, подростки и несколько мужчин. Началось восстановление магистралей.

Теперь эта песнь металла не замолкала ни на час. Она становилась то сильнее, то слабее, но не иссякала.

Молотки стучали каждый день и особенно звонко по ночам. Они, казалось, не уставали. Я слышал их утром, когда умывался у ручья, и поздно ночью, задремывая на ворохе нарубленных ореховых ветвей. Это была прекрасная песня металла, который не убивал человека, а служил ему.

А через неделю я услышал другие звуки: осторожное пыхтение паровоза и мягкое позванивание буферных тарелок. Пробный поезд проходил по восстановленному пути ради предосторожности ночью.

Как много может человек! Нам казалось, что эту дорогу еще долго не восстановить. Но нужно — и восстановили очень быстро.

Наши войска теснили врага на запад. Он оставлял нам зону пустыни. Однако жизнь быстро возрождалась на ней.

«15 августа наши войска на Брянском направлении, сломив сопротивление противника, после упорных уличных боев овладели городом Карачев», — записал я ночью очередную сводку Советского Информбюро.

Ясным летним утром я ехал лесной дорогой в Карачев на второй день после его освобождения. Мне хотелось увидеть, как выглядит этот старинный русский город, один из многих освобожденных войсками в эти дни.

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона о Карачеве рассказывается, что он является одним из древних русских городов. Первое о нем упоминание в летописях относится к 1146 году.

В конце прошлого века в Карачеве проживало почти пятнадцать тысяч жите-

лей. Это был город тружеников. В нем было девяносто заводов и фабрик: пенькотрепальная и пенькопрядильная фабрики, маслобойка, кирпичный завод, водочный, канатная фабрика. Карачев славился на всю Россию изделиями из пеньки. В городе было 144 каменных здания и 1420 деревянных. Город имел свою типографию, две книжных лавки. Стояли двенадцать церквей.

В наше, советское, время город сохранил свое значение крупнейшего центра пенькообрабатывающей промышленности. В сельском хозяйстве ближайших районов конопля оставалась ведущей культурой. Пятилетки коснулись и Карачева. Тут построили большую фабрику сноповального шпагата.

На выезде из леса нашу машину остановила девушка — военная регулировщица.

— Следите за указками! — строго предупредила она. — Не сворачивайте в стороны, на другие дороги. Тут еще мин полно. Две машины сегодня подорвались.

— Жалеешь голову — не верти рулем? — спросил ее водитель.

Она в ответ только улыбнулась.

— Ладно, присмотрим за головой, — пообещал ей водитель.

На обочине дороги стояла большая указка:

КАРАЧЕВ

— А где же город? — недоуменно сказал водитель. — Провалился?

ГВАРДИИ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ДМИТРИЙ КУРБАТОВ

Города, действительно, не было. Виднелись только каменные развалины, даже не коробки зданий, а только каменный мусор да бесконечные пепелища.

Сильно пахло гарью.

Мы остановились возле толпы жителей, возвращавшихся из леса. Мужчины, женщины, дети... Много детей. У всех, даже у самых младших ребятишек, за спинами мешки, одеты кое-как.

— Карачевские?

— Да, — подтвердили из толпы.

— А где же ваш город?

— А вот он и есть Карачев, — ответил

старик, с крупным хрящеватым носом, делая рукой широкий круг.— Разбил наш город немец. Три дня дома рвал и палил.

Остальные молчали.

— Где же вы теперь жить будете? — спросил водитель.

— Как-нибудь,— сказал старик.— Руки у нас есть... Строиться будем...

Водитель помолчал, разглядывая руины.

— Как на Хотьково выбраться, знаешь? — спросил он старика.

— А ты так езжай!... — Старик задумался, как получше показать дорогу, и махнул рукой.— И не расскажешь теперь. Лучше провожу...

Он встал на подножку рядом с шофером. Наша машина осторожно пробиравалась по мертвому полю каменных развалин и обгорелых бревен.

В одном месте чудом сохранилась каменная стена. На ней вывеска на русском и немецком языках: «Универмаг». Где тут центр города, где и какие здания стояли — понять невозможно. Увидели большую площадь, на которой сохранились картофельные гряды.

— Городской сквер тут был,— сказал старик.

Он доехал с нами до окраины, где тянулись многочисленные бараки, окруженные несколькими рядами проволоки.

— Тут немецкие артиллерийские склады были,— сказал старик.— Как ваши не догадались, не разбомбили их. Все снаряды немцы увезли. Что бы вам сюда бомбой трахнуть...

В сводке о взятии Карачева говорилось:

«...Отступая, немцы сожгли и взорвали все школы, каменные дома и промышленные здания. В городе не осталось ни одного жилого дома...»

Все эти дни мы привыкали, но не могли привыкнуть к виду сожженных деревень, к рассказам о том, как бесчинствовали и издевались над русскими людьми немцы.

Девушка в селе рассказывала:

— Особачились при немцах. Ругаемся, ничего не боимся. Рыжими звали, чертями. К колодцу подойдет ихний солдат, напиток просит, вырвешь ведро и уходишь.

Частушки о них пели. Такие...

Грязный сопливый платочек
Немец принес постирать,
Дал за работу черствый кусочек
И котелок облизать.

Однажды к нам в редакцию в одной деревне пришла женщина и принесла песню:

Горячие каплют слезы,
Колеса вагонов стучат.
С родной Украины увозят
В Германию наших девчат.
Тяжелое помним прощанье
И хмурые лица отцов,
Которые нас провожали
Как будто живых мертвецов.
Ах, если б меня ты услышал,
Мой брат, краснофлотец-герой,
Наверное ты б заступился
За участь сестрицы родной!..
Бойцы, наши братья родные,
Фашистам отрежьте вы путь,
Чтоб всем нам остаться в России
И грудью свободной вздохнуть.

Мы напечатали в нашей солдатской газете эту песню. Ведь мы еще вели бои в центре России. Впереди лежала Украина, с которой до нас долетел этот песенный плач украинских девчат, угоняемых в фашистское рабство. Нам надо было спешить на запад.

Передо мной мысленно проходят лица солдат, офицеров, с которыми сталкивалась война, оживают в памяти их рассказы.

Вот капитан Ходорич, начальник штаба танкового полка. Он только что с несколькими экипажами вышел из боя, еще не умылся, не привел себя в порядок. Энергичное лицо, резко сведенные над переносьем черные брови. Все в нем было резким, даже жесты. Сидит на подножке и жадно ест кашу. Впечатления недавнего боя еще свежи и остры.

— Отсекли нас немцы огнем, и я в деревне оказался с одним танком, а четыре остались за рекой,— рассказывает Ходорич.— Вижу, несколько пехотинцев шевелятся, окапываются. К ним...

— Вы откуда?

— Третий батальон, товарищ капитан.

— Где ваш командир?

— Командир роты убит, взводный тяжело ранен.

— Как себя чувствуете? — спрашиваю и понимаю, что надо настроение ребят поднять. Вроде, упали духом.

— Офицеров с нами нет.

— А я что? Не офицер?

— Так вы же танкист... Про пехотных говорим.

— Танкисты с пехотой дружат. Водой не разольешь. Нам без вас — никуда.

Не верят, усмеваются. Видно, правда, с танкистами дела не имели.

Нашелся среди них старший — сержант Бушмакин. Назначил его командиром.

Он сразу: ребята голодные, вторые сутки воюют без тылов. Курить им нечего. А у меня в машине только сухари — неприкосновенный запас да канистра меда. Это мне пчеловод подарил. Отдал им — ешьте сухари с медом. Вроде пряников. Папиросами поделился.

— Держись, — говорю им, — пехота! Скоро наши танки сюда подойдут, ударим вместе по врагу.

Ночью удалось связаться со своими. Кодом передал, — как только найду наши машины, иду в атаку. Белая ракета — сигнал моей атаки.

Но не удалась атака. Не нашел я свои танки. Только утром разыскал их. Они в лощине притаились.

— Что же вы, — говорю им, — бросили

начальника штаба? Пусть один погибает? А я вот не погиб. Вам не стыдно?

Верите, у танкистов от обиды слезы на глазах...

— Сейчас начнем атаку, — говорю им. — Опять бросите? Пошли...

Мои пехотинцы к тому времени для танков сумели переправу через речку подготовить.

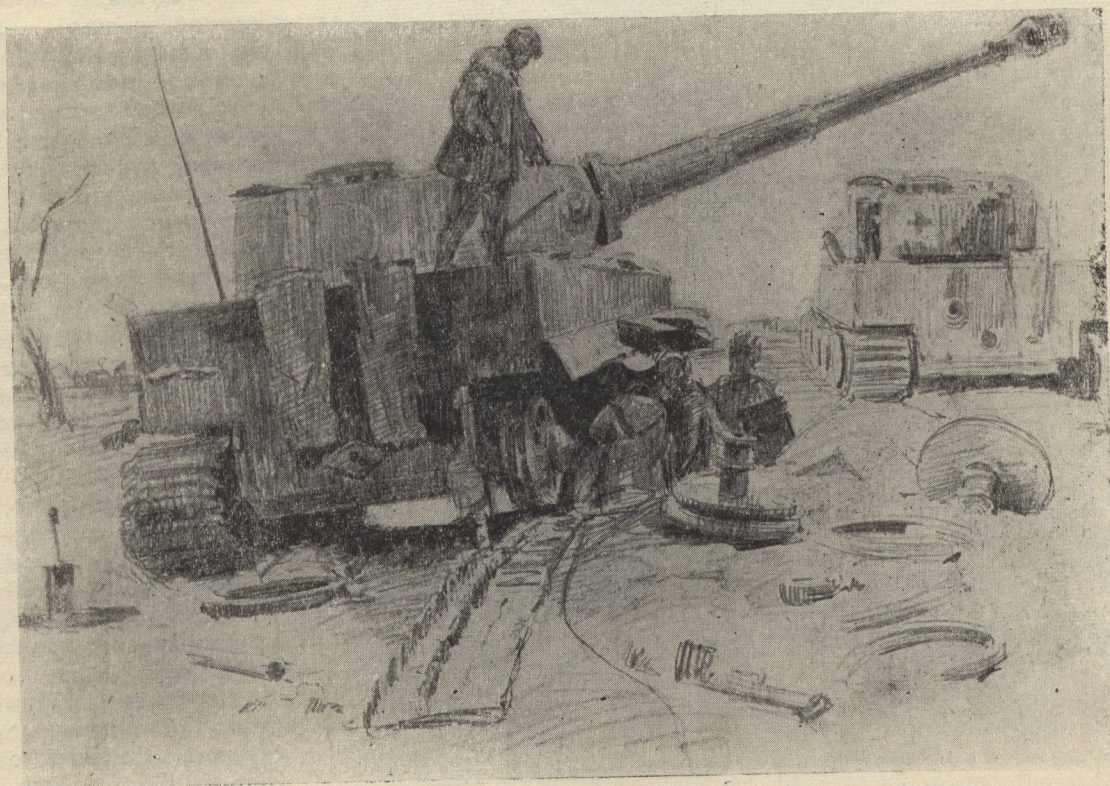
Рванулись мы, и все удачно вышло. Вышибли немцев. Овладели еще одним русским селом.

Потерь не имели, только ранило кое-кого. У меня двоих — механика-водителя и башенного стрелка: Гладышева и Копылова.

— Завтра, — говорю всем, — о нашем освобожденном селе будет сообщение в оперативной сводке. Вся страна узнает, что освобождено еще одно село. Это ли не слава?

Но тревожусь. Ведь немцы так этого не оставят. Внезапностью мы их победили. Будут нас контратаковать, обязательно!

Мой механик говорит, что сможет и одной рукой вести машину, Копылов по-

ТРОФЕЙНЫЙ «ТИГР»

могать ему будет. Башнером я посадил пехотинца, показал, как пушку заряжать.

Пошел к своим танкистам. Оказалось, что снарядов больше нет, патронов осталось по паре дисков.

Спрашиваю их:

— Гусеницы в исправности? Будем гусеницами воевать. Если мы сейчас немцев не разведем, они нас ночью запросто возьмут. Надо к своим днем прорываться.

Верно определил... Провели немцы легкую артподготовку и двинулись... Рассадил я пехотинцев по «коробочкам» и

приказал боеприпасами пользоваться с толком: мало их у каждого.

И двинулись навстречу.

Да, горячо пришлось. Мы их больше гусеницами. Патронов мало, а немцев много... Вот так бой провели. Дали прикурить!

Когда стихло все, вылез я из танка, собрал всех пехотинцев и объявил им благодарность.

Влез в машину, заглянул к механику, а он лежит лицом вниз.

— Доведешь машину? — спрашиваю его.

Молчит. С трудом поднял голову.

— Доведу.

Крови много он потерял, ослабел...

Ходорич покончил с кашей, залпом выпил большую кружку чая.

— Еще вопросы будут? Разрешите выполнять обязанности начальника штаба? — шутливо спросил он, равный мне по званию, но старший по должности.

...Августовские дни на Орловщине стояли сухие, душные, с мгновенными горячими дождями, даже с зарницами, которым не могла помешать война.

Трудные бои гремели тяжелыми артиллерийскими разрывами, не стихали гулы воздушных сражений, железно грохотали танки. Трудно, с большими потерями давались войнам километры родной земли, километры, приближавшие нас к паучьему Берлину.

Да, тяжелые шли бои. Оперативные сводки Советского Информбюро каждый день рассказывали всему миру,

какой ценой давалось продвижение на запад.

«Северо-западнее города Орла,— сообщалось в одной из оперативных августовских сводок,— наши войска, преодолев упорное сопротивление противника, продвинулись вперед и овладели 22 населенными пунктами. В этих боях истреблено свыше 1.000 солдат и офицеров противника. На одном участке крупные силы пехоты и 40 танков противника перешли в контратаку. Наши бойцы отбили атаку гитлеровцев. В результате боя подбито 10 танков и уничтожено до батальона немецкой пехоты».

Вот почему наши войска продвигались только на 4—6—10 километров. Немцы упорно держались на завоеванной ими земле.

Каждый день бой. Короткий ночной отдых, тревожный сон, и снова в бой. А каждый бой—это цепь героических поступков. Один бой—это испытание человеку, проверка всех его духовных качеств. А тут каждый день. Каждый день все новые и новые испытания.

— Даже не помню, что было вчера и позавчера. Все перепуталось,— говорил мне майор Андрей Степанович Ладейщиков, уроженец города Лысьвы. До войны он работал в Нижне-Иргинской МТС, Свердловской области, и любил вспоминать, как ему там хорошо жилось.

— А о сегодняшнем бое могу рассказать. Дрались ребята отлично. Яростно! Водителя самоходки Горюнова в лоб ранило. Ему приказали покинуть машину. Не выполнил приказа, не оставил товарищей в тяжелую минуту. Самоходку лейтенанта Ачбы подбили немцы. Несколько часов они отстреливались, но не оставили машину. А сколько огня приняли на себя! Но и немцам от них досталось.

Да, были трудные дни.

Но как однажды вдруг озарилась теплым светом душа, когда в дубовом леске я, измученный, вдруг хорошо выспался в полуденной тени, на согретой солнцем траве, и подумал об очень простом—никогда больше этот дубовый лесок не будет немецким. Не будет наглый немецкий солдат гулять по тенистой лесной дороге, не будет мять коваными сапогами траву и цветы на полянах.

Моя это земля, русская! И мы вернули ее, вернули свое счастье!

В редакцию «Добровольца» в разгар этих боев для дальнейшего прохождения воинской службы прибыл русолобый молодой лейтенант Иван Бауков—поэт.

Два дня мы с ним следовали вместе с танковым батальоном. Пользуясь минутами затишья, беседовали с танкистами, на блокнотных листах писали заметки для газеты.

Ранним утром в лесочке, где расположились уральские «тридцатьчетверки», я увидел, что Ваня ходит по полянке и что-то бормочет.

— Есть у тебя записная книжка?— спросил он.— Моя кончилась... Надо стихи записать.

Я протянул ему свою записную книжку. Он прилег на землю и в мою записную книжку написал такие стихи:

ИМЯ ТВОЕ

Я имя твое превратил в молитву,
Мне, видно, разлука не по плечу.
Шагаю ль на отдых,
Готовлюсь на битву ль —
Имя твое постоянно шепчу.
Затянут ли песню смерти снаряды,
Иль враг вдруг поднимется силою всей —
Я вымолвлю имя,
И, кажется, рядом
Стоишь ты, и я становлюсь сильней.
В землянке, где плесень бревна покрыла,
Где каждому душу давит тоска
Шепчу твое имя, и сердца порывы
Надвигаются болью в висках.
И ночью, ложась на сырой соломе,
В сарае, в котором ветру простор,
Мне кажется, сплю я в родимом доме
И ты всю ночь поправляешь костер.
Я знаю: лица лишь коснутся руки,
Я близость твою оценю вдвойне.
А нынче пою я славу разлуке,
Что поднимает любовь на войне.

Так я впервые в августовских боях на Орловщине познакомился с русским поэтом Иваном Бауковым.

Мы с ним прошли войну рядом—до Берлина. Не однажды оказывались вместе в трудных обстоятельствах. Могу засвидетельствовать, что он был храбрым поэтом на войне. Мы с ним остались друзьями и по сей день. А начало нашей дружбы—то самое раннее летнее утро, когда в моей записной книжке он записывал только что нашептанные про себя стихи.

Танкисты-уральцы стоят в неподвижном строю плечом к плечу. Они так устали, что еле держатся на ногах. Лица их до черноты покрыты пороховой копотью.

На многих марлевые повязки, бурыми пятнами на бинтах проступает кровь.

Перед строем танкистов на повядшей, по-осеннему, траве лежат наши товарищи, павшие в сегодняшнем бою. Среди них две девушки-санитарки, словно подруги рядом, и как бы случайно оказавшийся среди павших воинов подросток с льняными волосами, в серой рубашке и потрепанных хлопчатобумажных коротких брючках, в стоптанных башмачках.

Мертвые, как живые, касаются друг друга плечами.

Вчера и еще сегодня утром павшие были с нами. Вместе теснили противника, входили в освобожденные селения. Мы еще помним, какие у кого были голоса, помним цвет их глаз. Сейчас мы провожаем их, прощаемся навечно, оставляем лежать в Брянской земле.

Прошел еще один день войны. Он был таким же трудным, как и другие. Уральские танкисты и сегодня, уже за рекой Десной, потеснили гитлеровцев на несколько километров. Освобождены новые населенные пункты, о которых завтра сообщит оперативная сводка Москвы. Мы продолжаем пробиваться на запад.

«Войска Брянского фронта, продолжая стремительное наступление, с боем овладели важным железнодорожным узлом и городом Унечей».

Это было 23 сентября.

Мертвые вместе с нами принимали участие в освобождении Унечи.

Уже два месяца танкисты-уральцы в боях.

Очень далеким кажется тот июльский день, когда уральцы впервые встретились с врагом. Многих и многих потеряли мы за эти два месяца.

Эта общая могила вырыта на краю села, отбитого во вчерашнем бою у немцев. Мы не увидели тут жителей, гитлеровцы их заблаговременно угнали на запад. Избы стоят с распахнутыми по-сиротски дверьми и окнами. Так по-нехорошему тихо и пусто в селе, что оно кажется оставленным людьми не в эти дни, а давным-давно. Танкисты им овладели внезапно, не дали немецким факельщикам спалить избы. Но кому нужно это село? Где его жители? Вернется ли сюда жизнь?

При порывах ветра с берез летят жел-

тые листья, тихо опускаясь на землю, на мертвых.

Коротки прощальные речи...

Последние слова живых о мертвых товарищах...

Лежат парни и девушки Уральской земли. Из разных мест — с берегов Камы и Чусовой, с золотоносной и рудоносной земли Среднего Урала, из челябинских степных мест. Добровольцы! Они рвались в армию, отказывались от заводской «брони», от далекой к фронту жизни в тылу. Мастера своего дела, рабочие люди.

Они решили, что самое главное сейчас для них — это с оружием в руках защищать Родину от врага.

Они не искали славы, не думали о наградах. Они отдались высокому и чистому порыву сердца.

Все они были хорошими солдатами!

Они любили свою Родину. Отдали ей свое самое большое богатство — жизнь.

Только до берегов Десны дошли они с нами. Теперь нам продолжать бои без них.

Среди других, смежив глаза и сомкнув плотно губы, лежит на осенней прохладной земле механик-водитель «тридцатьчетверки» Мастепан. Он был хорошим товарищем и великолепным воином. Во многих поездках с немецкими танками и их самыми сильными машинами «тиграми» и «пантерами» он выходил победителем, спасал машину и своих товарищей по экипажу. Не скоро время сотрет память о нем.

Рядом с ним лежит Женя Сафронова. Посинели ее розовые полные губы, потускнели горевшие золотом волосы, смертно запали щеки. Сколько ей лет? Восемнадцать, девятнадцать? Она училась в пединституте и одновременно на курсах медсестер, готовилась к войне. Вызвалась добровольно в танковый корпус. Была веселая, милая. Под огнем вытаскивала раненых, оказывала им первую помощь.

В последний свой бой она попросила танкистов взять ее в машину, чтобы быть ближе в трудные минуты к бойцам. Немецкий броневой снаряд попал в борт «тридцатьчетверки» и угодил в боеукладку. Танк взорвался. Погиб весь экипаж. И среди них отважная Женя Сафронова.

Володя Растворов прибил к танкстам-уральцам на Орловщине. Рассказал,

как спасался от принудительной отправки на работы в Германию. Отца его, председателя колхоза, немцы расстреляли в начале сорок второго года за помощь брянским партизанам. Похоронил мать. Сам скитался по деревням, жил у родственников. Настойчиво просил танкистов взять его в армию.

Ему позволили бить врага. Дали трофейный немецкий автомат. Он успел с нашими автоматчиками принять участие в трех боях. Был храбрым. Смелостью восхищали солдат. Они понимали, что она у Володи от ненависти к врагу. Много унижений испытал он от немцев, они изранили его детскую душу.

Он погиб сегодня на рассвете. Три автоматчика-разведчика нарвались на большую группу немцев и бились с ними до своего смертного часа. Володя Растворов хоть частично расквитался с врагом.

...Вырос еще один могильный холм на пути нашего наступления. Под ним — наши товарищи. Гремит винтовочный залп — последняя воинская почесть.

...Я пишу эти строки на Урале. Стоит

сухой сентябрь. Леса в осеннем уборе. При порывах ветра летят желтые листья берез, тихо и мягко ложатся на повядшую траву. Как и тогда... Но сколько же минуло с той поры? Ровно двадцать четыре года.

Это был, кажется, один из последних боев на Брянщине уральцев-танкистов. Я тогда не смог в газете упомянуть имени Мастепана, Жени Сафроновой, рассказать про Володю Растворова. Была освобождена Унеча, наши войска все энергичнее теснили противника на запад, начиналось освобождение Украины. В газете мы печатали заметки солдат, которые входили в освобожденные города, продолжали успешно бить врага.

Только теперь я этими короткими строками отдаю дань памяти тем, кого мы потеряли на Орловщине и Брянщине. Далеко не всем...

— Поедем с нами, — сказал мне лейтенант Сверчевский. — Только до Карачева и обратно.

— Зачем?

— Не скажу. Не пытай. Но не пожалеешь.

Я был свободен. Таинственность приглашения заинтересовала. Я перевалился через борт грузовика, полного танкистов.

Машина затряслась по лесной дороге. Через час мы въехали в сожженный Карачев. Багровое холодное солнце склонилось к горизонту. Мрачный свет ложился на руины, прикрытые легким снегом. Слышался стук топоров. Строились первые деревянные дома.

Мы пересекли Карачев и остановились у маленькой будки путеобходчика.

На путях виднелся длинный состав платформ, груженных «тридцатьчетверками».

Танкисты начали выпрыгивать из грузовика.

Мы подошли к составу.

— Наши машины на Урал отправляют,— сказал Сверчевский.— На переправку и ремонт. Проститься приехали...

Мы шли с ним вдоль состава.

Да, это были наши уральские «тридцатьчетверки», разбитые в боях под Орлом и Брянском. На них было больно смотреть. У одной сорвана башня, она как бы стала ниже. Другая без гусениц, только с катками. Броня одной машины продырявлена во многих местах. Видимо, немцам она не давалась. Сколько же металла потратили на нее враги. Пуш-

ка соседней «тридцатьчетверки» была свернута в сторону.

Машины надежно послужили танкистам в боях.

Наверное о каждой можно было написать особо. Каждая из них приняла немало боев.

Танкисты залезали на платформы. Каждый искал свой танк.

— Увидят на Урале наши машины — поймут, как трудно воевать. Хорошие машины! — сказал Сверчевский и похлопал по броне танк, словно по крупному боевому коню.— Больно прощаться.

Он раскрыл банку с белилами и кисточкой вывел по броне: «Боевой привет!»

Его банка пошла по рукам.

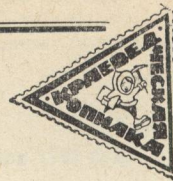
На броне танков появились надписи: «Уралу — слава!», «Дойдем до Берлина!», «Гитлеру — смерть!», «Отомстим!», «Вперед, к победе!» и опять «Уралу — слава!», «Спасибо за броню!»

Паровоз дал протяжный гудок, состав тихо двинулся. Танкисты на ходу прыгивали на насыпь.

Мы стояли и смотрели, как мимо нас проходили платформы с изувеченными уральскими «тридцатьчетверками», которые помогли в боях на Орловско-Курской дуге разгромить фашистские отборные части.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПЕРВЫЕ ТЕКСТИЛЬЩИКИ УРАЛА

В Свердловском государственном архиве сохранились материалы, проливающие свет на введение первой прядильной машины на Урале и в Сибири.

В феврале 1842 года главноуправляющий штаба корпуса горных инженеров граф Канкрин прислал главному начальнику уральских горных заводов генералу В. А. Глинке депешу, в которой сообщил, что «находя полезным распространить на Уральских заводах выделку холстов», он приказал изготовить в Петербургском технологическом институте небольшую ручную прядильную машину в 16 веретен, «с особою при ней вытяжною машиною».

Для работы и обучения уральских и сибирских мастеровых прядильному делу в Петербурге были подготовлены два ученика горной технической школы. Вскоре машины и ученики Авенир Глинин и Николай Павлов были отправлены на Урал.

Одну машину решили установить в Златоустовском заводе, а вторую отправить на Алтай, в Барнаул.

30 сентября горный начальник Златоустовского округа, известный русский металлург генерал П. П. Аносов доносил Глинке, что ученик А. Глинин прибыл в Златоуст и занимается установкой прядильной машины в Златоустовской оружейной

фабрике. Прядильная машина прибыла «укупоренная в трех ящиках, весом 44 пуда...» В июне 1843 года ее пустили в действие.

Но машина часто ломалась и простаивала то из-за отсутствия запасных частей, то из-за отсутствия льна. За два года (1842—1844) было выпрядено всего 2 пуда 34 фунта льняной пряжи. И все же П. П. Аносов доказывал, что пряжа, сработанная на машине, гораздо дешевле покупной, изготовленной руками мастеровых, и что машина «со временем обещает много пользы для заводских жителей». Жители думали, однако, иначе. Мастеровым было выгоднее самим пряхть лен, нежели сдавать его и покупать готовую пряжу.

Самой большой производительности первые уральские прядильщики добились в 1850 году, когда выдали 2624 пасм ниток — больше, чем за все предыдущие семь лет работы.

Дальнейшая история первой прядильной машины неизвестна. Но интересно, что еще более ста лет назад на Урале, где была развита только горнодобывающая промышленность и металлургия, появилась первая ласточка текстильной отрасли, настоящее развитие которой началось здесь только в наше время.

Ст. РОХМИСТРОВ

УСТЬ-БАЛЫК—ОМСК

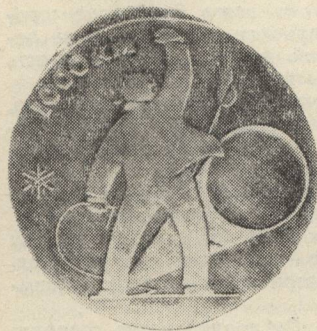
Трассой трудности номер один называли нефтепровод Усть-Балык — Омск. Трудность номер один! Это не преувеличение. Сотни ки-

лометров вековой тайги, непроходимых болот, часто не замерзающих даже в сибирскую стужу, десятки рек и речушек лежали на пути строителей.

Сейчас нефтепровод Усть-Балык — Омск — действующая стальная магистраль — прямой путь нефти Среднеобских месторождений на перерабатывающий завод. В другие районы переехали строители. Их подвигу посвятил свою работу тюменский художник-конструктор Борис Кремлев. Он вырезал штамп и изготовил пятьдесят памятных медалей. Диаметр каждой пятьдесят один миллиметр. На лицевой стороне: цифра 1000 км, снежинка — символ севера и фигура электросварщика. На оборотной — изображение серпа и молота и надпись: «Строителю нефтепровода Усть-Балык — Омск 1965—1967 гг».

Ю. РЯБОВ

43

ПИК ВЕРЫ ФЛЕРОВОЙ

Г. УСТИНОВ

Дорогая редакция!

Недавно мы, группа работников Нальчикского станкозавода, побывали в городе Тырныауз. Здесь добываются вольфрам и молибден.

Ни один спутник не поднялся бы в небо, не будь у нас этих металлов. А когда-то, всего каких-нибудь три десятилетия назад, мы ввозили вольфрам и молибден из-за границы. Но много ли мы знаем о людях, которые не пожалели ни сил, ни жизни, чтобы найти залежи вольфрамовых и молибденовых руд? Я говорю о Вере Флеровой и Борисе Орлове. Это их самоотверженному труду обязаны мы тем, что среди диких скал в короткое время вырос новый город.

На высокой скале стоит скромный обелиск со словами: «Вера Флерова. 1913—1936 гг.» И надпись:

Любовь до дна, до края
и жизнь вся отдана
тебе, моя родная,
подруга и жена...

Вера погибла, возвращаясь со съемок. Борис пережил ее всего на десять лет.

У многих тырныаузцев мы спрашивали об Орлове, но в ответ слышали только: «А кто это такой?»

Странно и обидно, правда? Нам очень хочется, чтобы вспомнили их имена.

По поручению товарищей Р. ХОРКИНА

3 сентября 1934 года. Село В.-Баксан.

«Горные скалы,
водный поток...»

Дорогие мамочка, папочка и Володечка!

Вчера мы благополучно прибыли в Тырныауз вместе со всеми рабочими и барахлом. Борис сегодня утром с Жорой и еще одним любителем-золотоискателем, «расейским старичком», отправились верхом дальше — там есть указания на молибден. Завтра вечером вернутся. Мы с Яшей остались здесь до 6-го, после чего отправимся на Адыр-су. Местность лесистая. Довольно тепло. Работа рассчитана примерно до 1-го, а потом вы мне немедленно сообщите, когда в институте — чуть не написала: «в школе!» — начинаются занятия. В зависимости от этого буду ориентироваться. Ведь нужно приехать домой дней за десять до начала занятий. А после Адыр-су — есть наметка — мы вернемся опять на Тырныауз.

Все это от того, что там обнаружена сурьма, молибденит и цинковая обманка. Но она с вопросом. Сегодня или завтра будем вести испытания на паяльной трубке.

Вышло это вот так. Сурьму обнаружил какой-то пастух и сказал одному из наших рабочих.

Пошла я на съемку. И вот в осыпи нахожу [совершенно случайно — привычка смотреть всегда в землю и присматриваться к каждому камню] то, что искали.

Борис в восторге. Он неоднократно говорил: «Вот что значит детальная геосъемка и внима-

тельное отношение к работе! Ведь это началось с веринного маленького кусочка!» Молибденовых месторождений у нас раз, два и обчелся. А если еще цинковая обманка или вольфрам — будет совсем замечательно!

В этом районе два года работали такие люди, как Соловьев и Ситковский, наши кавказские знаменитости. Ни один из них не обнаружил того, что нашли мы.

Посмотрим, что покажут анализы. Пишите мне скорей о начале занятий. Между прочим, нет-нет да и поддразню Бориса, что я еду в Новочеркасск. «Но ведь я все равно не отпущу вас до конца работ».

Жора нашел, что я единственная, кто поправился, а Ян с Борисом сильно похудели. Возможно я и в самом деле поправилась, без весов сказать трудно. Самое главное то, что чувствую себя прекрасно и бодро.

Мышцы окрепли, закалились. Сколько бы ни ходила — усталости не ощущаю.

Вера.

...Чем интересуются девочки в двенадцать лет? Я рос в мужской семье, и за разъяснениями мне пришлось обратиться к товарищам. «Играют в куклы», — вполне серьезно ответил один из них.

В двенадцать лет Вера Флерова «заболела» Кавказом. Нет, она не пошла дорогой отца, видного русского ботаника Александра Федоровича Флерова, знатока кавказской флоры. Ее увлекли загадочные и совершенно неизведанные недра этого края. Целыми неделями просиживала она в новочеркасских библиотеках, погружаясь с головой в учебники, геологическую литературу, специальные журналы. Официальная старая наука утверждала, что горы Кавказа, за редким исключением, безрудны. Советские, тогда еще совсем молодые специалисты вышли в бой против этой теории. Правда первое время их единственными аргументами в полемике были лишь предположения. Смелые, далеко идущие, но — предположения, а не факты.

В Новочеркасске, где я побывал недавно, мама Веры Флеровой, Елизавета Вениаминовна, показала мне пачку старых почтовых открыток. Это были отказы из московских, ленинградских, киевских вузов на просьбу Веры допустить ее к приемным экзаменам. Девушек на горногеологические факультеты брали с большой неохотой. Вере пришлось поступать в свой, Новочеркасский политехнический. Будучи студенткой предпоследнего курса, она и открыла во время своей практики знаменитое вольфрамо-молибденовое месторождение.

С Борисом они могли никогда не встретиться. Вера стремилась попасть на практику под начало опытного геолога. Борис Орлов, молодой начальник партии, всего только за два года до того окончивший Новочеркасский институт, наотрез отказывался брать к себе девушек. За лето он хотел сделать очень много и подбирал выносливых, физически сильных людей.

Но им пришлось работать вместе. Борис внимательно приглядывался к своей неожиданной помощнице. Вскоре он понял, что ее познания намного превышают обычный студенческий уровень, оценил ее трудолюбие и скромность. Вере тоже понравился этот загорелый черноволосый парень с быстрыми умными глазами. Работая в горах, Борис следовал тысячелетнему опыту гор-

цев. Он даже отказывался от специальных ботинок, предпочитая им удобные чуни из сыромятной кожи, в которые подкладывались вместо стелек горные травы.

25 февраля 1935 года.

Дорогая Верочка!

Милая, родная... Вот и нет тебя. Хожу, как неприкаянный, но... занимаюсь. Уговор дорожке денег. К 5-му числу мы должны выйти победителями. Любовь и работа. Любовь — уехала, берись за дела. Любви без тебя нет, дел же много. Познакомился с работой Ситникова, делаю необходимые выписки. Ты можешь быть спокойна. Занимайся, занимайся и... иногда вспоминай обо мне. Твой (и только твой) Борис.

Март 1935 года. Нальчик.

Дорогая женка!

Ты, наверное, злишься, что мужа нет, что он занят с «девчонками». [К сожалению, «девочки» измеряются тоннами и очень холодны — покрыты снегом]. Глупая ты моя!.. Вот, вместо того, чтобы писать отчет, пишу тебе. Родная моя, просто хочется тебя видеть, говорить с тобой... Ты пойми, что я вступил на путь тяжелой и интенсивной работы, когда на личное будет отпущено очень мало... Урывки. Кусочки... Вот поэтому эти кусочки и дороги.

Ты ведь знаешь меня еще немного, но знаешь как жена, а это значит, что ни брат, ни мать, ни друзья не могут меня понять так, как понимаешь ты. Они это делают по-своему... Говорить по ночам я смогу только с тобой [день будет занят]. Ты мне врач, ты мне товарищ... [Только теперь мне стало ясно, что произойдет с моей персоной, если ты... не хочу думать о плохом. Жизнь слишком хороша!]

Мой толстухин, вот я тебя сейчас ясно представил. Сидишь ты на парте и с упоением смотришь на доску, около которой мечется Микитович. В аудитории шепчутся, пересматриваются... А время летит...

Скоро мы увидимся. Смотри на жизнь весело! Если не попадешь на конференцию, это пустяки. Сделаю тебе полнейший отчет [по докладам]. Ты думай о том, что ты молода, здорова, что ты скоро заканчиваешь институт, станешь инженером. А в самом конце, немножко, подумай о муже.

Весна. Солнце. Горы. Люди. Работа. Вот главное, а разные мелочи — это пустяки. Их много. Туман, дождь, сыро, холодно. Насмешки, неудачи, сплетни, уязвленное самолюбие. Все это есть. Но все это не страшно, если человек чувствует, что он не один, если он знает, что занят чем-то настоящим.

У нас все живы и здоровы. Шлифы отдай, сговоришься в тресте с Шевченко — зерновая лаборатория. О цене договоришься, — копеек по 50, наверное!

Вот и все. Ты смотри, жена, чтобы все было дома в порядке! Родителей слушайся! Приеду — бить буду. А пока крепко, крепко целую. Напиши из Пятигорска. Привет всем твоим.

Желаю успеха в учебе, твой Борис.

Март 1935 г.
Моя дорогая!

Ну что тут такого, что мы временно разъединены! Пустяки. Мы опять будем вместе... А самое главное, это то, что и ты, и я чувствуем, что жизнь друг без друга неполна. Это и называется любовью.

Целую тебя.
Скоро увидимся.
Весна... Жизнь.

Твой Б.

Не смей ныть и скучать. Живи полной жизнью.

8 марта 1935 года.

Сегодня на дворе сыро, туман, снег. Ты далеко. Пишу отчет. Составляю план и смету, готовлюсь к докладу. Начал смотреть шифры и ужаснулся тому, насколько забыл микроскопию. Придется садиться, а так как в течение двух лет времени будет много, то микроскопия мне не страшна.

Родная моя!

Вот сегодня я философствовал и смотрел в глаза жизни. Я решил два года посвятить Баксанскому ущелью. Забыюсь в село Н. Баксан и буду сидеть, как бирюк.

Возраст 26—28 лет отдаю на служение геологии. Но мне нужно знать, как смотрит моя жена на житье в Нижнем Баксане.

Зима, глушь, аул. Вот и все. А взамен ты должна будешь отдать 22-й и 23-й год своей жизни.

Да, моя родная, подумай! Я могу лишь предложить себя (целиком и полностью). Кроме тяжелой и упорной борьбы с природой, а иногда и людьми, у меня ничего нет. Думай, Верочка, думай!

Ну, картина будет такова. Дом (стандартный), две комнаты, две койки. За окном ночь, холодно, уныло...

Я один, брр... (на столе, конечно, не убрано). Вот тут и должна появиться ты. Картина меняется.

Во-первых, чисто, койки застланы, по стенам картинки (!), тепло, я занимаюсь за столом, ты сидишь рядом и читаешь. Радио передает фокстрот из Варшавы, на столе свежие газеты. Ужин через 5 минут (есть очень хочется).

Довольно. Обе стороны медали ясны. Хочешь принять эти условия!! Или нет!!

Постараюсь приложить все свои силы и средства, чтобы сделать твою жизнь как можно лучше. Жить в Н. Баксане лучше, чем в Нальчике. В городе можно погрязнуть в мелочах жизни. Там — нет. Там горы, там высота, там воздух чище... люди лучше.

Вот и все. Срок на размышления, если такие будут, до 1 апреля. А затем... собирай монетки — и ты у нас. Так молодой инженер 30 годов соблазнял свою жену ехать в горы дикого Кавказа.

Пока. Отдаю тебе руку на верность.
Привет вашим.

Твой Борис.

Летом 1936 года разведочные работы на Тырныаузе велись широким фронтом. Результаты окончательно подтвердили все ожидания, прогнозы, надежды молодых геологов. Тырныауз ока-

зался на редкость ценным месторождением. 9 октября отряд возвращался с богатым материалом домой. Вера была оживлена и все подшучивала над Борисом, над их постоянно откладывающейся официальной свадьбой. Теперь-то они справят ее! Вот только вернутся в Новочеркасск...

Дорогу преградила мелкая, но бурная горная река Баксан. Покачиваясь под тяжестью рюкзаков, геологи стали осторожно ступать по висячему веревочному мосту. Неожиданно с Эльбруса рванул ветер. Веру и проводника Юсупа этим порывом сбросило в поток, Борису удалось ухватиться за веревки. Юсуп разбил себе руку, а Вера ударилась виском о камень. Она умерла на другой день в маленькой местной больнице.

Ленинград.

2 февраля 1937 г.

Дорогая Елизавета Вениаминовна!

Получил Ваше письмо. Не писал!! Жизнь моя слишком однообразна, тосклива и скучна. Писать о своем настроении — нет желания.

Хочется избавиться от воспоминаний, но от прошлого не уйти. Каждая мелочь напоминает о нем. Не вещи, так мысли. Стремлюсь не думать об этом. Забываешь свою голову разными вещами, наукой, философией, литературой, физикой, музыкой, театрами, политикой, кино и т. п. Но от себя уйти никуда невозможно. Иногда во мне разгорается бешенство и я готов «лезть на стену». Временами я хочу утешить себя мыслью, что должен поехать в Нальчик и работать там. Написать работу.

Я почти решил строить памятник в районе Тырныауза, но не над дорогой, а на одной из окружающих вершин. Памятник Верочке должен быть на одной из гор Кавказа. Ветер и люди будут слагать песни и легенды о ней...

Ради проведения в жизнь этой идеи я твердо решил ехать в Нальчик и работать на том же участке, что и в прошлом году. Это очень тяжело для меня лично, но... не важно. Задумываясь о будущем, я не даю «красивых клятв». Я такой же, как и сотни других, но сейчас мне противна всякая мысль о том, что когда-либо я духовно могу изменить своей Верочке... На всю жизнь она останется в моей памяти светлой, живой, любимой женщиной.

Мои дела здесь почти завершены. Геолкарту закончил. Статья в «Редкие металлы» готова. Думаю, что напечатают.

Целую всех. Борис.

9 октября 1937 г.

Дорогие Елизавета Вениаминовна и Александр Федорович!

Завтра годовщина смерти Верочки. Что написать!! Слов нет...

Памятник удалось закончить лишь вчера. Стоит он среди горных вершин... Завтра утром я отнесу к нему несколько гвоздик.

Кругом жизнь. В памяти пробегают счастливые дни. Затем мост и последний взгляд.

Вечер. Я один. Юсуп, мой верный Юсуп ушел в армию. Он перенес 400 килограммов цемента на самую вершину, где сейчас стоит обелиск. Памятник построен плохо, но строили его мы, которым дорога память о Верочке. Мы отдали ей долгие вечера, высекая слова любви и горя.

Ваш Борис.

19 сентября 1939 г.

Дорогие Елизавета Вениаминовна и Александр Федорович!

Живу просто. Работаю, работаю и работаю... Этот год прошел интересно. Тырнауз скоро будет закончен — через полгода.

Уже прошло 3 года... В Тырнаузе студентки-практикантки ходят на «памятник Флеровой», как на экскурсию.

2 октября 1940 г.

г. Нальчик.

Дорогие Александр Федорович и Елизавета Вениаминовна!

Прошло четыре года с момента гибели Верочки... С одной стороны — это было очень давно, а с другой — так недавно.

Четыре года я не могу ее забыть. Вот она стоит передо мной... Веселая, живая, любимая и любящая!

Последние полтора месяца я пробыл в Армении, на границе с Персией, куда меня командировали для экспертизы молибденовых месторождений. Новые люди, новые впечатления — Баку, Ереван, Тбилиси и другие города.

Жизнь идет вперед. 1-го сентября 1940 года был пущен Тырнауз... Это предприятие является одним из крупнейших в СССР. Оно столетиями будет памятником Вере. Стихи, посвященные строителям Тырнауза, содержат следующие слова:

Здесь в каждой машине,

В строении каждом —

Героев-людей

Героический труд.

Потомки легенды о вас порасскажут,

Душевные песни

О вас пропоют.

Это в первую очередь относится к Верочке, отдавшей Тырнаузу самое главное в жизни — саму жизнь.

А жизнь сейчас не сулит ничего хорошего... Прекрасная и чудная жизнь наполнена разрывами бомб и грохотом разрушенных зданий Лондона и Берлина.

Целую вас.

Борис.

На днях еду в Орджоникидзе на сессию Академии наук, затем в Нальчик и девятого-десятого повезу участников сессии на Тырнауз.

14 февраля 1943 года. Дальний Восток.

Дорогие Александр Федорович и Елизавета Вениаминовна!

Наконец, я могу написать письмо...

Сегодня радио передало: наши войска заняли г. Новочеркасск... Стало легче дышать, солнечный свет стал более ярким, настроение лучше.

Прошло несколько долгих месяцев вашего плена, томительных для меня и ужасных для вас. Что произошло за это время!

Что с вами! Живы ли вы! Здоровы ли!

Сама мысль о том, что враг бродит по Кавказу, торжествующе располагается в комнате Верочки, рассматривает ее портрет, хозяйничает на Тырнаузе, приводила меня в бешенство.

В ноябре 1941 года я подал командующему нашей воздушной армии просьбу об откомандировании меня на Кавказский фронт. Отказали.

Война — жестокое явление. Может быть, немцы и не тронули старого русского профессора, имеющего мировое имя... Но что значит для них ученые! Ничего. Его дом, его квартира лишь лакомый кусочек для грабежа.

И все же германская армия катится на Запад. Впереди виден проблеск конца величайшего преступления нашего времени. Когда солдат идет на войну, он должен верить в свое счастье, поэтому я надеюсь дожить до дня мира (хотя бы и в 1945 году).

Пишите. Надеюсь на получение от вас добрых вестей. Целую, ваш Борис.

10. 6. 43 г. Дальний Восток.

Дорогие Александр Федорович и Елизавета Вениаминовна!

Сегодня получил из Тырнауза письмо с сообщением о гибели моего товарища и помощника, минералог А. А. Юдина, который был командиром пулеметного взвода в Донбассе. Итак, мой счет немцам все растет и растет. Крылов, Пламеновский, Юдин, Надюша, Крот и миллионы наших русских людей...

Шесть лет тому назад погибла Верочка. Тогда ее смерть была нелепой и казалась ничем не оправданной, а сегодня! Ее смерть, ее гибель не оказались напрасными... Ее кровь, превращенная сегодня в тонны молибденовой и вольфрамовой стали, в виде оружия, которым владеет Красная Армия, вот уже целый год разрушает «непобедимую германскую армию»... В каждом советском самолете есть частица ее труда.

19.9. 1944 г. Польша.

Дорогие Александр Федорович и Елизавета Вениаминовна!

Ровно восемь лет тому назад из нашей жизни ушла Верочка... Я не хочу тревожить старую рану, сейчас это не нужно и бесполезно, но вы, как никто, поймете мое чувство.

Несколько дней тому назад я был в одном из крупных польских городов, где случайно остановился в доме, который занимала часть СС. Я видел здесь собственными глазами две камеры для отравления людей. Около камер валялись банки с цианистым соединением. А в ангаре была сложена куча обуви (несколько тысяч!), там были сложены и сапоги, и ботинки, и женские туфли, и детские ботиночки. А в разбросанных книгах — слова фюрера, немецкие сентиментальности, немецкая аккуратность...

С каким бы я удовольствием вошел в ваш дом, в столовую, в комнату Веры, где все дышит воспоминанием о счастливых днях моей жизни. Я знаю, что надо жить... Но восемь лет тому назад, в один день вся моя жизнь пошла по другому пути. И в этот день я всегда с вами.

Целую крепко. Ваш Борис.

Кипучей жизнью живет наша страна, а вместе с ней Тырнауз — город и комбинат. В его громадных промышленных корпусах, в его сегоднешнем богатстве есть драгоценная частица — труд и любовь Веры Флеровой и Бориса Орлова. Пусть люди помнят их!

Тамара КАЛЕНОВА

Рисунки Ю. Ефимова

БУДЕТ У СКАЗКИ

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

КАЙГУСЬ

«Жил старик со своим сыном. Жили, жили. Сын в тайгу ходил охотиться на оленей, а старик не умел. Однажды сын в тайге встретил Кайгусь. (Это такой мудреный человек — лесная баба, все делает, обед-кушанье, но ничего не говорит).

— Зверей добывать я хочу,— сказал ей сын.

А она ему знаками отвечает: «Иди домой, не тужи».

Парень домой ушел, а у него там — всякие звери.

Потом Кайгусь посоветовала: «Как домой придешь — впереди себя постель постели».

Он так и сделал. Наутро проснулся — сидит хорошая женщина. Стали они жить вместе.

Все было хорошо. Только Кайгусь все время молчала. Старик, отец сына, задумал узнать, почему она не говорит.

Вот они обед сварили. Жена сына доставала рыбу и без слов на ту сторону чума подавала старику. Старик разозлился.

Потом она хотела черпать суп, по сторонам посмотрела, а старик назло поварешку спрятал.

Она посидела и, не найдя поварешки, начала черпать суп ладонями. Обожгла ладони.

После этого Кайгусь исчезла.

Прошло много времени. Снова на охоте в тайге сын старика повстречал Кайгусь.

— Отныне не ищи меня. Твой отец плохое сделал. Твой отец хотел, чтобы у меня слово наружу вышло,— сказала она ему.

И Кайгусь пропала. Теперь уже навсегда...

Сказка без счастливого конца... Она сложилась у малочисленной, но чрезвычайно интересной народности — кетов. Кеты не имеют собственной письменности и только в памяти поколений хранят свой богатый и своеобразный язык.

«Кайгусь» — маленькая история, бросающая свет на сложную и многолетнюю историю аборигенов Сибири, на их быт, особенности развития.

«Кайгусь» — это неосознанная тоска народа по творчеству, тяга к свободному, раскованному слову. Только так можно понимать эту непохожую на все остальные сказку, рассказанную по-северному скуп, однотонно, без пестрых словесных радуг.

НЕХОЖЕНОЕ

У каждой сколько-нибудь неизвестной «страны» в науке имеется свой открыватель, исследователь, свой Колумб. Есть он и у «страны Кетий».

Андрей Петрович Дульзон относится к тем людям, которых всю жизнь влечет к себе малоизвестное, то, что называется обычно «нехоженным». Тяготение к «белым пятнам», желание непременно докопаться до истины, довести исследование до конца — эти качества проявились у Андрея Петровича давно. Еще тогда, когда он заканчивал Саратовский университет, учился в аспирантуре при Московском институте философии и литературы. Не случайно к его кандидатской и докторской диссертациям «подбирались» не разрабатанные в науке темы, такие как «Немецкая диалектология», «Проблема смешения диалектов».

Годы труда и поисков сделали Андрея Петровича таким, каким мы привыкли видеть его теперь: лингвистом широкого профиля, свободно владеющим английским, немецким, голландским, итальянским, селькупским, кетским и другими языками, неутомимым популяризатором научных знаний, уважаемым профессором Томского педагогического института, чьи лекции неизменно вызывают огромный интерес.

С 1944 года А. П. Дульзон занимается топонимикой, изучает географические названия, расшифровывает их и зачастую находит в названиях рек, городов, озер грамматические и фонетические следы давно умерших, забытых языков, бытовавших в среде древних народов нашего государства. Эта работа увлекает его все больше и больше.

Однажды, находясь в северных районах Томской области, «охотясь» за языком чукотских татар, А. П. Дульзон обнаружил, что словарный состав изучаемых наречий не является полностью оригинальным, а во многом заимствован. Основой для этих наречий послужил какой-то другой язык, язык народности, которая больше в этих местах не живет. Краем уха профессор слышал о существовании почти не исследованной народности кетов, остатки которой жили на севере Красноярского края в бассейне реки Енисей. Возможно, их язык послужит ответом на многие вопросы, интересовавшие ученого?

Путь повел на север. Полчища комаров,

долгие километры пешком, сюрпризы нехоженого маршрута — все это выпало на долю крохотной экспедиции, в составе которой, кроме профессора, было всего два человека.

Каковы же были удивление и радость, когда первый собеседник на кетской стоянке, с которым повстречалась экспедиция, «заговорил», угадал более половины из 300 слов, собранных под далеким Тегульдетом! Сомнения больше не было: перед ученым стоял человек, представитель кетской народности, чей язык когда-то господствовал в Средней Сибири.

Эта встреча оказалась знаменательной для обеих «сторон». Кеты в лице профессора Дульзона приобрели верного друга, радителя за их интересы, неизменного желанного гостя в берестяных чумах. А профессор столкнулся с очень интересной лингвистической загадкой, ставшей впоследствии делом, которому он посвятил всю жизнь.

С тех пор биография ученого и история кетской народности стали неотделимы друг от друга.

Андрей Петрович с наступлением лета почти каждый год отправлялся на север. Долгое время — один, потом — со своими студентами, аспирантами, увлекшимися подвижническим трудом профессора. Он видел, как изменяется полупервобытная жизнь кетов-охотников, кетов-рыболовов, кетов-оленьеводов. Старое уходило как плохой гость: медленно, с неохотой, отравляя последние минуты перед уходом. Вековые привычки, предрассудки еще цепко удерживались в быту, в сознании кетов.

Он видел, как строились бесплатные бревенчатые дома, а старики кеты разбивали все тот же берестяной чум во дворе новой усадьбы и жили там. «В доме трудно дышать», — оправдывались они и ютились в чуме с единственным дымоходом — через дверь, и согревались возле горящего длинного бревна, которое приходилось периодически подпихивать в очаг, чтобы избежать двух зол — пожара и холода.

Он видел, как приезжали молоденькие русские учительницы обучать кетских детей. Как создавались кочевые Советы и крепи рыболовецкие коллективы. Приметы новой жизни радовали Дульзона-человека и в то же время заставляли задумываться Дульзона-ученого.

Дело в том, что на глазах уходил в небытие язык целой народности. Умирали старики, а молодежь забывала сказки, слова, с трудом вспоминала отдельные старинные выражения. Новые слова и сказки входили в ее жизнь. И сам профессор приносил на кетские стоянки это «новое», помогал наиболее одаренным молодым людям поступать в вузы, становиться по-настоящему интеллигентными людьми.

А исчезающий кетский язык все-таки не давал ему покоя. В типологическом отношении он напоминал язык индейцев Америки. Изумительное богатство грамматических форм приводило в отчаяние, казалось немыслимым делом привести фантастические формы в строгую систему, логическое построение, которые приняты в науке.

«Бу—бинда да-iet-к-а-i-а-да» — это всего лишь одно слово, обычное, что ни на есть, употребляемое в кетском языке. И перевод простой: «Она сама себя рассердила». А сколько бессонных ночей пришлось провести над ним, наконец, понять, что каждая часть этого «обычного» слова несет на себе функции либо числа, либо времени, причем глагольные признаки находятся, как главно командующие, в самом начале слова!

Или, например, обычные глаголы, без которых не обошелся ни один язык земного шара: «иду», «падаю». Ну почему в кетском языке они звучат только как пассивные: «меня идет», «падаюсь»?

Оставим на время седобородого профессора (которого кеты ласково и дружески прозвали «бородатым человеком») склоненным над своим письменным столом старинной работы, в кабинете, где уже не хватает места уникальным в своем роде рукописям, фотографиям, материалам многочисленных экспедиций. Глагол по сию пору мучает ученого, не желая укладываться в систему. Обратимся еще раз к прошлому.

О МАТЕРИКАХ, УШЕДШИХ ПОД ВОДУ

Редкая и странная судьба постигла кетский язык, интересный во многих отношениях для науки. Его изучением занимались очень немногие, да и то сказать, не изучали, а «касались» лишь с той или иной стороны, проходя мимо факта, что язык представляет собой исключительное явление.

В Европе и Азии насчитывается три «окаменелости», три «ископаемых» языка, сохранившихся с древнейших времен: язык басков на Пиренеях, вершиков на Памире и кетов на севере Красноярского края. Это языки совершенно изолированные, их нельзя отнести к какой-либо ветви могучего и разнообразного «древа языков», на которых говорили и говорят многочисленные народы мира.

Что было бы, если бы вдруг люди увидели разгуливающего на свободе живого мамонта? Можно с точностью сказать, что эта сенсация

взбудоражила бы умы не только специалистов-зоологов. Еще бы — воочию увидеть живое звено давно ушедшей жизни!

Так вот, кетский язык — это тоже «мамонт». Но — живой, теплый, его можно услышать на пристани рыболовецкой артели, в чуме, где молодая мать укачивает ребенка, у костра, когда охотники вернулись из тайги, где они не просто охотились, а «охотились именно на лису», «охотились на песка» (это тоже особенность кетского языка — конкретность каждого глагола, не просто охота, а охота на что-то определенное, зверя ли, птицу ли).

Но нельзя, к сожалению, сказать, чтобы редкий по своему научному значению кетский язык «будоражил» многие и многие доброжелательные умы. Кто знает, может быть это лишняя иллюстрация к тому, что «Атлантиды» начинают почему-то волновать лишь много лет спустя и только много лет спустя начинает чей-то ум мучиться над неразрешимостью, заколдованностью навсегда исчезнувшей загадки. Странная закономерность, и тем более странная роль бездейственных очевидцев, на чьих глазах исчезает «живое звено», которого так будет недоставать в недалеком «потом»...

Одним словом, фактов немного: в 1847 году в Санкт-Петербурге на немецком языке была издана неполная, неточная грамматика кетского языка; финский ученый Кай Доннер опубликовал рисунки какого-то кетского художника (они вызвали исключительное внимание и стали очень скоро библиографической редкостью); несколько работ, посвященных изучению кетского языка, выпущенных за рубежом.

В нашей стране фактов и того меньше. В 1937 году прервалась исследовательская работа по кетскому языку лингвиста Каргера. В 1944 году А. П. Дульзон почти случайно столкнулся с кетским языком и оказался в плену его загадок.

БОГ ОГДА И КСЭ

Боги живут на небе. Иногда спускаются на землю. Как спускался Огда, видели во всяком случае многие. Сохранились даже письменные свидетельства. По словам одних, Огда представил им в виде раскаленной добела трубы, и спускался он с неба довольно величаво, минут десять, не меньше. Другие очевидцы, наоборот, утверждают, что Огда летел так стремительно, что разглядеть его было совершенно невозможно. Но в одном свидетельства совпа-

дают: приблизился к земле Огда с таким страшным грохотом, что задрожали горы, налетел невероятной силы ураган, ломая столетние лиственницы, словно спички. Ослепительная вспышка света сопровождала приземление Огды, а вслед за этим высоко к небу поднялся громадный клуб черного дыма. Многие очевидцы решили, что пришел конец света.

Так бог Огда — в пламени и грохоте — сошел на землю, задав человечеству одну из

самых потрясающих загадок XX века. Сошел, чтобы тотчас исчезнуть, как и подобает настоящему божеству. Остались только следы — сотни гектаров поваленной и обгоревшей тайги. По ним, по этим следам, уже в наше время ученые-физики высчитали силу Огды. Оказалось, что при своем приземлении Огда израсходовал энергию, равную взрыву нескольких супермегатонных термоядерных бомб. Просто счастье, что площадку для своего приземления Огда выбрал в глухой, почти непроходимой тайге, а не по соседству с каким-нибудь крупным городом.

Но именно в этом счастье оказалось и свое несчастье.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ И ДЕНЬ БУДУЩИЙ

Но вернемся к профессору, в его кабинет. Не только «недисциплинированные» глаголы занимают сегодня профессора, хотя разговор так или иначе, но начинается с них. Подумать только, форм глагола не меньше пяти тысяч! Астрономическое число.

Полное на первый взгляд бессистемье, — говорит ученый. — Но это на первый взгляд. Ведь есть же где-то ключ!

Надо искать. Надо работать. Только в труде и трудом находятся затерянные ключи. А сделано уже немало.

В Томском пединституте стараниями А. П. Дульзона составлена картотека, самая большая в мире, и ждет своего опубликования. Все годы профессор «попутно» собирал кетские сказки, предания, сокровища устного народного творчества. Все тексты записаны и по-кетски и по-русски, что само по себе большое подспорье для лингвистов, задыхавшихся от нехватки «живого слова». Часть из сказок опубликована в «Ученых записках» пединститута, большая часть ждет, когда прикоснутся к ней талантливые, наделенные эстетическим чувством умы.

Самого профессора сейчас больше всего тревожит учебник кетского языка. Учебник, который явился бы большим подспорьем для учителей, ориентиром в их поистине титанической работе по обучению, преподаванию русского языка в кетских школах. Андрей Петрович помнит, как в Елогуйском кочевом Совете он разговорился с учительницей русского языка Зоей.

— Ну, как подается дело? Как преуспевают ваши ученики? — спросил ее тогда.

После некоторого колебания Зоя чистосердечно призналась, что ей кажется, будто ребята учатся языку на улицах, на пристани, где угодно — только не в школе, не на уроках, и еще ей кажется, что за семь лет у них прибавилось знаний слишком мало.

Сразу же после приземления Огды все его владения, отмеченные поваленным лесом и следами гигантских пожаров, эвенкийские шаманы объявили запретной зоной, и несколько десятилетий ученые могли только гадать по сейсмограммам, рассказам очевидцев да светящимся облакам, на целую неделю вдруг лишившим всю Европу ночей, что же представлял собой Огда.

Первым в его владения рискнул проникнуть ученый-метеоролог Леонид Алексеевич Кулик. Любопытна история, как этот ученый снимал с владений Огды запретное

«табу». Однажды он принес в бутылке воду из Огненного ручья — Чургима. Этот ручей возник как будто бы в тот самый миг, когда бог Огда вступил в огне и грохоте на землю. Шаманы объявили ручей с тех пор священным, а вода, взятая из него, по их словам, обладала способностью сжечь человека, если он вздумает к ней хотя бы прикоснуться. На глазах потрясенных эвенков Л. Кулик выпил всю бутылку «огненной воды» до дна, остался, естественно, жив и здоров, и... сам превратился в шамана. Но это был «шаман» добрый, его быстро полюбили все эвенки.

— А вы интересовались когда-либо их родным языком? Может быть, познакомившись с ним, вам было бы легче.

— Не интересовалась. А зачем?

Это были не праздные вопросы. Дело в том, что, не зная особенностей кетского языка, можно долго находиться в досадном недоумении: отчего я все рассказала правильно, а они не понимают меня? Не зная того, что в кетском языке совсем нет родов, не понять, отчего ученик на протяжении многих лет, в «угоду» учительнице, бессмысленно твердит: «Он—она—оно пошел в школу», или почему тот же ученик упорно не хочет признавать, что «луна» неодушевленный предмет.

Нужен учебник. И он почти готов. Профессор спешит завершить труд многих лет, заканчивает труднейшую главу в учебнике — «Глагол».

Но в душе ученого беспокойно не только от нерешенных теоретических, сугубо научных вопросов. День сегодняшний ставит свои, не менее важные вопросы: почему среди кетов мало врачей, нет писателей, почти нет учителей? Неспособность к умственному труду?

Конечно, нет.

Основным препятствием для поступления в вузы для большинства кетов все тот же русский язык. Неодолимая стена, от которой ни с чем возвращались в свои кочевые Советы отдельные способные юноши и девушки. Может быть, это уже стало отпугивающим фактором и для остальных?

— Школы-интернаты — это хорошо, — говорит ученый. — Но надо идти дальше — организовать в сибирских вузах специальные курсы по подготовке в институт малых народностей. Такие курсы должны быть и в техникумах.

Ученый хочет, чтобы у сказок, подобных «Кайгусь», был счастливый конец.

«Огду» — Тунгусский метеорит — Леонид Алексеевич искал десять лет. Безрезультатно. Но он проложил дорогу КСЭ — комплексной самостоятельной экспедиции.

Когда называют эти три загадочные буквы, перед моими глазами встает тесная комнатка в общежитии Томского университета. Комнатка забита шкафами, а шкафы в свою очередь забиты приборами, золотом, торфом и еще чем-то. Вот уже десять лет в семь часов вечера каждую пятницу здесь собираются «огдопоклонники». Научные сотрудники со степными кандидатами наук, аспи-

ранты, инженеры и студенты. В ту пятницу, на которой был я, присутствовали представители и более младшего поколения «огдопоклонников» — в возрасте от двух до пяти. Судя по всему, это было уже в буквальном смысле второе поколение «огдопоклонников» и в этой легендарной штаб-квартире КСЭ чувствовали они себя как дома.

Шла очередная баталия. Докладчик, наградив Огду приличной массой и второй космической скоростью, пытался доказать, что Огда с такими параметрами мог при своем приземлении натворить то, что обнаружили «огдопоклонники» в районе Подкаменной Тунгуски. Докладчика (и это тоже в традициях, причем самых лучших, КСЭ) разбили в пух и прах, докладчик взмолился о перерыве, перерыв устроили, и тут, в коридоре, вдруг кто-то вспомнил о самой первой КСЭ, хотя тогда КСЭ была еще просто СЭ, просто самостоятельная экспедиция. А комплексной она стала потом, когда тропой Л. Кулика двинулись десятки отрядов «огдопоклонников». Было это в 1959 году, и из тех, самых первых, в ту пятницу, на которой присутствовал я, был только Г. Ф. Плеханов — бесменный руководитель КСЭ. Рассказ о первой экспедиции

был очень коротким, докладчик оборвал его на фразе «А вы не знаете Юрия Кандыбу?».

«А вы не знаете Юрия Кандыбу?» Эта фраза засела в голове так прочно, что когда я, спустя полмесяца после той пятницы, на которой математик Джон (кто он был на самом деле — так и осталось загадкой) пытался доказать, что Огда был самым элементарным метеоритом, увидел книжку «В стране огненного бога Огды»¹, я сразу сообразил, и кто ее автор, и почему Геннадий Федорович Плеханов так деликатно навел разговор в перерыве на Юрия Кандыбу.

Кандыба был одним из тех первых, кто в 1959 году положил начало самостоятельным экспедициям в район «тунгусского феномена». От того первого похода по тропе Л. Кулика остались тяжелые воспоминания и короткие записи в блокноте. Казалось бы, этот горький опыт мог привести только к одному выводу: научной самостоятельности не место в таких вещах, как «тунгусский феномен». Однако

¹ Ю. Кандыба. «В стране огненного бога Огды». Кемеровское книжное изд. 1967 г. 118 стр. Тир. 10 000, цена 21 коп.

случилось наоборот: в следующем, 1960 году, КСЭ — комплексная самостоятельная экспедиция — насчитывала уже несколько отрядов и работала по заданиям и планам Сибирского отделения Академии наук СССР. С одним из отрядов опять ушел в тайгу и Юрий Кандыба. На этот раз записи в дневнике были обстоятельные, они-то и легли в основу книжки.

Самое удивительное, что к концу этой книжки — дневника первой КСЭ — забываешь как-то о самом боге Огде. Нет, Огда со своими загадками и неуловимостью присутствует почти на каждой странице, но как тускнеет этот величайший тунгусский феномен перед самоотверженностью его поклонников! Таежный гнус, ледяные болота, буреломы, голодовки, сбитые в кровь ноги — и все это рядом с шуткой, рядом с безграничным, фанатичным идолопоклонством. Конечно, если науку можно назвать идолом...

Недаром Г. Ф. Плеханов — один из главных героев книги Юрия Кандыбы — в ту пятницу в шутку сказал: «Если мы когда-нибудь этого Огду все же найдем, мы его закопаем так глубоко и в таком надежном месте, чтобы КСЭ жила вечно».

Ю. ЯРОВОЙ

ВЕЧЕРОМ

Рассказ

Альберт ГУРУЛЕВ

Рисунки Н. Мооса

Ест Дамка без жадности, но много. Прокопий и сам еды собаке не жалеет, понимает, что на обычной мучной болтушке трудно джужить. Каждый день варит ей из осенних запасов беличьей тушку. Другие собаки — Загря и Волчок — мяса дома не видят. Но они, считает Прокопий, и так обойдутся. Известное дело — кобели. Что им сделается? И еще есть у хозяина подозрение, что псы грабежом занимаются: проверяют петли на зайцев, по осени ондатру из капканов потаскивают. Не раз охотники около сбитых петель видели кровь, заячью шерсть и собачьи следы.

— Не пойман — не вор, — говорит Прокопий, но для порядка замахивается на собак. — У-у, хитрюги! Ты, Загря, щенка пакостить учишь? Смотри у меня.

Загря, пес старый, вроде бы понимает, о чем речь идет, незлобиво, неприятельски скалится, но взгляда человека не выдерживает, отворачивается.

— То-то, — ворчит Прокопий. — Наскрозь тебя вижу.

Дом у Прокопия новый, как и большинство в деревне. Вернее, два дома у него: старый и новый. Новый он построил три года назад, когда охотники с Болдызяка бросили свои избенки и всей заимкой переехали сюда, в Беренчей, где есть магазин, клуб, школа. Целую улицу домов выстроили! Ставили дома с размахом, просторно. Тогда задумал строиться и Прокопий.

— Да куды нам хоромы? — уговаривала его старуха. — Анна со своего северу все одно не поедет сюда, а нам двоим на что? Изба и так ладная.

В словах старухи резон был. На их век и старой избы хватило бы. Да и не легко в его годы таким делом заниматься. Старость близко. Но Прокопию такие мысли горше полыни. Время от времени длинными ночами накатывают они на

После новогодних ночей для Прокопия наступают глухие и серые, как похмелье, недели. Отшумит праздник, веселое время отпоеет, отпляшет свое, и накатывают эти недели, накатывают неизбежно и уже привычно: как приходит осень, приходит зима.

Он не болеет от вчерашних стаканов водки, не мучается головой, не ищет выпить. Но некуда Прокопию деть себя. В тайгу уже не сунешься — снегу там немало невпроворот. А ноги давно не те. И до весны далеко. Когда это еще придет она? Вот и мается Прокопий, бродит от окна к окну. Дни тусклые, ночи длинные. А сон у старика короткий, до первого петушиного крика. Одна радость: черная Дамка скоро принесет щенят. О ней теперь Прокопий помнит всегда: есть хоть о чем думать, о чем говорить.

сердце, жмут его, давят. В одну из таких ночей и решил он строиться, как все другие, кто еще жить собирается.

— Неймется тебе! Три года, как на седьмой десяток пошло...

Прокопий отмахивался от старухи и валил лес, возил бревна, драл мох. И построил дом.

Вчера к Прокопию приходил Колька Рябов. Для Кольки еще праздники не кончились — приходил с поллитровкой. Поговорил о том, о сем, про погоду, про то, как на неделе приезжали мужики с Лены — то ли леспромхозовские, то ли колхозные, — и на Узком озере все ондатровые хатки проморозили. Прокопию понятно: не для разговоров парень пришел, не для выпивки. Под конец Колька сказал, зачем приходил.

— Дед Прокопий, дашь мне щенка от твоей Дамки? Только я сам выберу. В долгу не останусь.

У Кольки губа не дура. Прокопьева Дамка, можно сказать, лучшая в деревне соболевая собака. Да что там в деревне! Иди тайгой до самой Киренги, у эвенков спроси — а они ли не охотники? — не найдешь лучшей соболятницы.

Прокопий промолчал, стакан с остатней водкой отодвинул.

— Ну, так дашь щенка? — забеспокоился Колька.

— Нет еще щенков — и разговору нет, — обрезал его Прокопий. — А там видно будет.

Колька ушел недовольный.

— Щенка ему дай, — ворчал Прокопий после ухода Кольки. — Раньше со мной, в мое зимовье просились: возьми на промысел. А теперь только — щенка дай.

— Годы не те, Проша, — подала голос жена. — Стареем.

— Ты еще в молодости состарилась! Одну только девку и родила.

Старуха губы поджала. Чувствует Прокопий — не то сказал. Зря жену обидел. Судьба, значит, такая: без детей быть. И никто в этом не виноват. Заговорил примирительно:

— Ничего ты не понимаешь... Я еще не скоро поддамся. Избу новую смог построить? Смог. И промышлять могу не хуже других. Много людей в прошлом году больше моего соболей принесли? Двое всего. Саша Сухой да Иван Макарыч. Вот и все.

54 — А этот-то, конопатый, Кузьмин,

который Борька, тоже больше твоего принес.

— Откуда больше, старая? Меньше моего сдал.

— Будто не знаешь, что Борька соболей в городе по дорогой цене кому-то турнул.

— И все-то ты знаешь...

— Да уж знаю. А нынче-то? Даже Колька этот... — Не забыла старуха обиду, уколола.

— Кольке фарь вышел, а я болел.

— Хворость к старому цепляется.

— Не переговоришь тебя.

— Эка!

Как будто Прокопий сам не чувствует, что стареет. Чувствует... Но гонит от себя такие мысли. Вот только беда подходит: gloхнуть стал.

Перед самым промыслом кто-то из сосунков, тайгу знающий только до мест, где дрова на зиму заготавливают, в конторе, при всем народе, сказал:

— Дед Прокопий нынче не пойдет, видно, белочить. Плохо совсем слышать стал. Ему прямо в ухо говорить надо.

Плохо Прокопий слышит. А эти слова услышал. Или, может, по губам разобрал, догадался.

На сосунка председатель цыкнул:

— Не твоя забота! Это он сам решит.

Председатель в годах, понимает. Понимает еще и потому, что несколько лет назад получил в тайге увечье и на охоту теперь почти не ходит. Ездит только зимовья проверять, да и то без лошади никуда.

Но хоть и заступился председатель, а потемнело на душе у Прокопия.

Да и как же так? Все останется: и хребты, и замеченные снегом зимовьюшки, и черные ели, и лиственницы, и горячие следы соболя, и цоканье белок. Все останется! А его, Прокопия, в тайге не будет. Страшно это. И непонятно.

В его зимовьюшке поселится кто-то другой, может быть, вот такой сосунок, будет топить его печь, будет лежать на нарах, которые собрал Прокопий из тонких сосенок и застелил козьими шкурами. А может, и никто не поселится, и зимовьюшка через год-другой развалится. И так плохо, и эдак нехорошо.

Промышлять Прокопий ходил и нынче. И глухоту свою старался перехитрить.

Три у Прокопия собаки. Но соболятница настоящая только Дамка. Она всей

охоте голова. Про Загрю и Волчка тоже худого ничего не скажешь, а не то... Загря пес рассудительный и с ленцой. От тяжелой работы не прочь увильнуть, испортился в легкой воровской жизни. Волчок — тот молодой пока. Трудно еще сказать, что из него будет. Но смелый, азартный. Скорей всего, вырастет зверовой собакой.

Нелегко достались нынче шесть соболей и сотня белок. И все — глухота. И ноги, конечно, давно не те, но больше глухота донимала. А все же Прокопий за тайгу, за жизнь цепляется, как корявый пенёк за крутой склон. Пенёк вроде вот-вот завалится, вроде уж все корни наверху, а попробуй — столкни.

Охотиться он теперь стал с собакой в поводу. Способ давний, многими стариками проверенный. Две собаки бегают, соболя, белку ищут, а третья на коротком поводке к стариковскому поясу привязана. Найдут, к примеру, Дамка и Загря зверька, голос подадут. Волчок тогда с поводка рвется, чуть с ног не валит, прямым путем ведет.

После каждого удачного выстрела Прокопий менял поводырей. Но никогда на эту черную работу Дамку не ставил. У Дамки — талант.

А теперь Дамка скоро щенят принесет. По всему — щенята добрыми должны быть. И отец у них не подкачал: Загря хоть к воровству, к разбою склонен, а умен. Скольких собак постреляли охотники около своих ловушек, сколько собачьих разбойных ватаг, промышлявших оленями, разогнали меткими выстрелами обозленные оленеводы, а Загря даже на глаза никому не попался.

У Кольки Рябова губа не дура — щенка от Дамки иметь...

Глухая зима. Нечего делать дома — хоть расшибись. Не

смотреть же целыми днями в оплывшее льдом окно или на стены. Все привычно, все знакомо. На стене фотографии в больших рамках, две пожелтевшие от света почетные грамоты, в углу беззвучно идут часы — награда за хорошую охоту. На полу — вытертая шкура. Давно Прокопий убил своего последнего медведя, года четыре уж прошло.

— Не скучно тебе целыми днями сидеть? — спрашивает Прокопий жену.

— А чего скучного-то? Мне скучать некогда: вари, тебя корми, печь топи. Когда скучать?

Прокопий надел новую, из зимней ондатры шапку, унты из оленьих камусов — одежда легкая и теплая, — решил пойти в контору, где промхозовское начальство принимает пушнину у охотников, делавших в тайгу второй заход.

День ослепил. Бывают и зимой такие дни: бесследно исчезает морозная серость, льет свет голубое небо, светом сочатся снега, по-весеннему неистовствует солнце. Жизнь!

На крыльце взвизгнула Дамка — рада хозяину. Прокопий присел на кор-

точки, погладил собачью морду. Толстая стала Дамка, гладкая.

Дамка вышла с хозяином за ворота, помахала хвостом, дальше не пошла.

Около конторы на бревнах сидит дед Иннокентий, годок Прокопия. Курит почерневшую трубку, щурится.

— Сядь, посиди. Табачку хошь?

Покурить с хорошим человеком всегда приятно. Прокопий садится, сворачивает самокрутку. Спрашивает:

— Чего в избу не заходишь?

— А нашто? Своих соболей я да-авно сдал. Да и был я там уже.

— Чего?

— Был, говорю! — Иннокентий тычет чубуком трубки в грудь, потом в сторону конторы. — Был уже.

Прокопий кивает: понял.

— Хорошие соболя были? Не видел?

— У Ивана Макарыча один на восемьдесят рублей отошел, да еще кого-то, забыл, рублей на семьдесят. А так все светлота идет.

— Нынче ни одного по-настоящему черненького не было. Может, на будущий год пофартит головку добыть?

— Пофартит, да не нам.

— Это почто же не нам? — удивляется Прокопий. — Не хуже других.

— Остарели.

— Эх, тебя бы с моей старухой свести...

— Неужто еще промышлять собираешься? — Иннокентий безмятежно улыбается.

— Отчего не пойти?

— Да слышишь же худо! С тобой поговоришь, так до хрипоты накричишься... Нужда бы гнала — так понятно.

Прокопий медленно достает спички, прижигает потухшую самокрутку, говорит тихо, будто себе:

— Так что ж, помирать?

— Вот чудак... Чудак, говорю! Да кто ж тебе не дает? Живи.

— Да я не об этом.

— Не поймешь тебя!

— Пойду я, — Прокопий поднялся с бревен.

Дед Иннокентий сумрачно посмотрел приятелю в след, оглянулся: не видит ли кто? — согнул, разогнул ноги, присел и пошел к своему дому. Пошел не по тропе, а прямо снежной целиной, глубоко проваливаясь в снег. Так он еще недавно бродил по тайге. А сейчас проверял себя, свои силы...

В конторе — картина привычная. Тесная комната, глухая разноголосица, едкий махорочный дым. Охотники сидят на лавках и просто на корточках вдоль стен, толпятся около стола, где промхозовское начальство принимает пушнину.

— Что ж ты белку по тушке бьешь? — спрашивает золотозубое начальство молодого охотника. — Я вон у деда прошлый раз принимал, — кивок на Прокопия, — так у него все в голову или в шею. Первый сорт.

Откуда начальству знать, что Прокопий давно уже третьесортную белку не сдает, прячет. То на шапку пускает таких белок, то кому из заезжих потихоньку продает.

— Да у меня вся тозовка в кольцах, — оправдывается парень. — Разбрасывает.

— Руки, видно, дрожат.

Иногда на стол бросают соболей. К соболю подход особый. Шкуру встряхивают, подносят к свету, дуют на мех.

Прокопий притиснулся к охотникам, сгрудившимся вокруг жаркой железной печки.

Колька Рябов размахивает руками, рассказывает:

— Лает собака. Азартно так! А на дереве — дупло. Думаю, на кого она может так лаять? Соболя, скорее всего, загнала. Палкой постучал — никто не показывает. Делать нечего — давай рубить лесину. А лесина такая, что не обхватишь. Пока рубил — упрел. И что же ты думаешь? — Рассказчик хлопает соседа по колену. — Бурундук!

— Бурундук зимой не ходит. Врешь ты!

— А я говорю, бурундук! Что я, бурундука не знаю? Дед Прокопий, выходит бурундук зимой?

Колька громкоголосый. Прокопий его слышит. Кивает:

— В теплый день. Иногда.

— Ну вот, видишь?.. Ох и обозлился я тогда! Полдня потерял.

Из своего закутка-кабинетика выглянул председатель, поманил Прокопия пальцем.

В кабинете у председателя не повернуться: на стенах, на полу связки белых шкурок. Свободен один стол.

— Разговор у меня к тебе, Прокопий Петрович, — начал председатель. — Серега заболел. За конями ходить некому.

— А я при чем?

— Может, возьмешь по-стариковски?

Работа тихая, спокойная. Десять коней всего. Сам знаешь.

Прокопий почувствовал в сердце ночную тягучую тоску.

— Списываешь? Не нужен я стал...

— Зря ты это. Тебе хотел сделать лучше. Думал: тяжело тебе стало бегать.

— Моя забота, — обрезал Прокопий. — Пока ноги носят, в тайгу буду ходить.

— Ну и ходи. Я рад только буду. Таких промысловиков, как ты, у нас немного. А конюх действительно нужен.

— Ищи в другом месте.

— Ты, в общем, не сердись.

— Не сержусь.

...Через несколько дней на случайной гулянке в доме Ивана Макарыча, когда председатель завел разговор о том, что нет постоянного конюха, подвыпивший Прокопий вдруг заявил:

— Опять ты под меня копаешься? Не трожь меня — при всех говорю. Вот когда меньше любого штатного твоего охотника за сезон добуду, тогда делай со мной, что хочешь. Хоть к коням ставь,

хоть сторожить определяй. А до этого — не трожь!

Вылетело слово. Не поймаешь его теперь.

— Договорились, Прокопий, хоть и не о тебе я сейчас речь начинал.

Прокопий стукнулся своим стаканом о председателев стакан, стукнулся твердо, как точку поставил.

— Зря ты такое говоришь, — крикнул из своего угла веселый и красный Иван Макарыч, хозяин дома. — Я бы никогда такого зарока не дал.

Что ему, Ивану Макарычу, не кричать? Молодому еще, добычливому...

* * *

В феврале Дамка принесла четырех крепких щенят. Прокопий несколько дней ходил именинником. А потом погрестил.

Как-то поздно, уже с керосиновой лампой, пошел в старый дом, где берегла своих щенят Дамка. Присел около щенят на расшатанный табурет, молчал и курил. Брал по очереди каждого щенка, внимательно разглядывал. Один понра-

вился Прокопию особенно: мастью черненький, в мать, с крупными лапами. Старик удовлетворенно хмыкнул и положил щенка на место. Этого щенка — непременно себе.

Опять беспроглядные серые дни. Время будто остановилось. Замело деревню, занесло снегом. До весны — далеко.

Тусклым вечером Прокопий наладил санки с обледенелой кадушкой — собрался на реку, за водой.

— Воды в доме еще полно, — пожалела старика жена. — Завтра съездишь.

Прокопий сердито нахлобучил шапку, снял с печки рукавицы. Хлопнул промерзшей дверью. Протопал через двор в старую избу. Давно приглянувшегося щенка осторожно погладил. Остальных — трех — за пазуху сунул.

— Ты чего, Дамушка? — спросил виновато, увидев, как забеспокоилась собака. — Ты чего?

Дамка лижет хозяйские руки, смотрит покорно, жалобно.

Старик поднялся с корточек, оттолкнул Дамку ногой, вышел за дверь.

Вытащил санки за ворота. К дому по узкой, пробитой в снегу тропинке идет Колька Рябов и еще кто-то. Идет Колька легко. Не скоро еще он состарится.

— А мы к тебе, дед Прокопий, — крикнул Колька.

— За водой я...

— Мы подождем. — У Кольки веселое лицо.

— Дело ваще.

Прокопий дернул санки и, не оглядываясь, пошел к реке.

У проруби гладкие, облизанные края. Недавно здесь брали воду, прорубь еще не успела подернуться льдом. Вода в проруби черная, холодная.

Прокопий сдернул рукавицу, полез за пазуху, где лежали, пригревшись, щенята. Но ему тотчас представилось, как щенята станут барахтаться в проруби, пока их не утащит под лед, и как сразу же он будет брать воду из этой проруби, а потом пить... И Прокопий решил вначале наполнить бочку. Он зачерпнул черную воду ведром, хотел подхватить за дно другой рукой, но щенята мешали, сковывали движения. Прокопий достал их, положил на снег. Снова взялся за ведро.

Мельком взглянув на щенят, увидел, как дрожат они, тычутся носами в снег и бездумно скулят. Прокопий не слышит их голоса, но знает, что сейчас они скулят тоненько, жалобно.

— Тварь живую мучаю, — сказал громко.

Бочка налита водой только до половины, топить щенят еще нельзя. Прокопий сердито плюнул, морщась от жалости к себе и собачатам, поднял щенков, сунул за пазуху, в тепло.

А себя-то чего жалко?

Сел на край обледенелых саней, достал из кармана курево. Щенки возятся под полушубком, не могут успокоиться, намерзлись.

Стало почти темно. Лес — черная полоса. Только на западе — еще розовое окно. В домах зажглись огни. Большая деревня, вон сколько огней. Много за последние годы домов понастроено...

Розовое окно на западе исчезло. Начали тыть ноги. Прокопий спохватился: столько времени сидел! О чем сидел думал? И сам не знает. Только смурно на душе. И опять — неизвестно, отчего смурно. Вроде ничего плохого не сделал и в мыслях плохого не держал, а будто виноватый в чем. Никогда такого с Прокопием не было. Всегда правильно жил и всегда прав был. Хоть перед собой, а прав: из чужих ловушек добычу не брал, хвостов из тайги приносил не меньше других — в передовиках ходил. Ни у кого помощи не просил — не нуждался. Сам свою жизнь прожил, по-своему.

Мимо промелькнули густые тени. Одна из них остановилась, замерла. Пододаль — еще тень.

— Загря, ты? — глухо позвал Прокопий.

Тень приблизилась, старик разглядел: Загря. Следом — Волчок. Загря сел напротив, близко, склонил набок большую умную голову. Волчок не забыл щенячьи повадки — полез ластиться. Прокопий не оттолкнул Волчка. Ему даже стало приятно, что вот он сидит уже не один и есть кому слово сказать.

Прокопий сидит еще долго, почти все время курит, думает о своем, тягучем и для него самого неясном, словно впотьмах ищет что-то. И забыл уже, что ищет, но нужно непременно вспомнить и непременно отыскать...

ОБИТАЕМАЯ ЛУНА

В прошлогоднем, девятом, номере мы предложили читателям совершить экспедицию в малоисследованные дебри «лунной» фантастики. Целью экспедиции было выяснить: какими формами жизни «населили» Луну писатели-фантасты?

Экспедиция оказалась нелегкой. Но к чести наших читателей — они блестяще справились с трудным заданием.

Л. Коноплеву, инженеру из г. Москвы, представившему наиболее полный перечень гипотетических лунных обитателей, вручен памятный подарок — сборник рассказов известного советского фантаста Генриха Альтова «Опаляющий Разум» с автографом писателя.

Ниже мы публикуем обзор фантастических описаний внешнего вида Луны Обитаемой — «selenitus sapiens», обнаруженных нами с помощью читателей в книгах писателей-фантастов.

«...Исходя из того, что наша Земля обитаема, и сравнивая с ней Луну, мы убеждаемся, что наш спутник обеспечен светом и теплом, имеет почву, возможно даже более благоприятную для жизни, чем земная. Поэтому, кто же может отрицать, что нет ничего слишком невероятного, более того, несомненно, что на Луне жизнь должна существовать в той или иной форме?»

Эти слова принадлежат Уильяму Гершелю — знаменитому английскому астроному восемнадцатого века.

Сегодня мы воспринимаем эти слова чуть иронически.

Наивный восемнадцатый век! Ученые могли тогда во всеуслышание заявлять, что на Луне есть жизнь. «Кто же может отрицать!..» Ученые не боялись тогда, что многомудрые коллеги обвинят их в беспочвенном фантазерстве, в отрыве от реальных достижений науки. Или, может быть, с рыцарским достоинством презирали эту боязнь?

Сегодня мы осмотрительнее в своих высказываниях. Утвердительно говорить о жизни

на Луне, о формах этой жизни мы предпочитаем сегодня в научно-фантастических повестях и рассказах...

Впрочем, о том, как мы сегодня относимся к Луне Обитаемой, — разговор впереди. Словоохотливое племя фантастов появилось на земле не сегодня и не вчера; представители этого щедрого на выдумку племени давали знать о себе и во времена Гершеля, и даже раньше. Вот и посмотрим: что они говорили по интересующему нас вопросу?

Там-чудеса...

Английский епископ Фрэнсис Годвин выпустил в 1638 году книгу, полное название которой было: «Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершенное Доменико Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол».

Герой книги находит на Луне разнообразную растительность, о которой говорит, например, следующее: «Все здесь имеется в изобилии,

особенно злаки и плоды всех сортов...» И встречает он там — селенитов. «Едва я покончил с едой, как увидел, что меня окружает группа людей, наружность которых, рост и одежда показались мне совершенно необычайными. Большинство из них были вдвое выше земных людей, цвет лица у них был оливковый».

Вы обратили внимание? Все чудесное, все необычайное в селенитах заключено, оказывается, лишь в росте, одежде и внешности; в остальном они, очевидно, — копии землян. Да автор и не отказывает им в звании людей!..

Откроем еще одну фантазию о Луне, относящуюся, на этот раз, к седьмым временам античности, — «Правдивую историю» Лукиана Самосатского, жившего во втором веке нашей эры в Римской империи.

Лукиан хитрит: назвав свое произведение «Правдивой историей», он тем не менее сразу предупреждает: «...я буду писать о том, чего не видел, не испытал и ни от кого не слышал». Насколько же ему верить? Ведь на его-то Луне происходят истинные чудеса!

Так, дети там рождаются не от женщин, а от мужчин, которые вынашивают их в икрах. Когда селенит стареет, то он не умирает, а «растворяется, точно пар, становится воздухом». Обитатели Луны не едят, а только вдыхают пар поджаренных на углях летающих лягушек; пьют им служит сгущенный воздух, выжимаемый в чаши. Глаза у них вставные, при желании их можно вынуть и спрятать. «Живот служит лунным жителям вместо кармана. Он у них открывается и закрывается; печени в нем нет, зато он внутри оброс густыми волосами, так что их младенцы в

холодные дни прячутся в него». На ногах у селенитов только по одному пальцу, а ногтей вообще нет. В довершение ко всему, сморкаются селениты... медом. Да, вот уж чудеса так чудеса...

Разница между сочинениями Годвина и Лукиана несомненна, она прямо-таки бросается в глаза. Но чем эта разница объясняется?

Ответ прост.

Во времена Римской империи даже на Земле — такой огромной и такой еще неисследованной! — можно было найти место для самых невероятных явлений. В том числе — для людей с самым фантастическим строением тела. А что? Попробуй-ка, выясни, действительно ли лжет лукавый римлянин из Самохаты! Попробуй, отправься на поиски истины за тридевять земель — и даже не за тридевять земель, а еще дальше, на Луну! И на чем? На утлом деревянном суденышке!..

Но вот освоен север Европы, узнана в общих чертах Африка, более или менее известна Азия. И Колумб открыл уже для европейцев далекую Америку; выяснилось,

что и там живут такие же, в общем, люди, как и в Старом Свете.

И будь скрыто где-то за морями, за океанами еще пять или даже десять таких Америк — все равно, уже трудно поверить, будто тамошние аборигены резко отличаются от представителей уже известных народов. Внешностью? Да. Одеждой? Как правило. Ростом? И это бывало. Но — не двумя головами, не шестью руками, не пятью глазами! И, добавим, не «пустыми» животами...

А поскольку изобретенный Галилеем телескоп поведал людям, что Луна во многом подобна Земле, последующие поколения, вполне естественно, считали Луну чем-то вроде заурядной земной территории. Отдаленной, неизвестной, даже недостижимой. Но едва ли в чем-то коренным образом отличной...

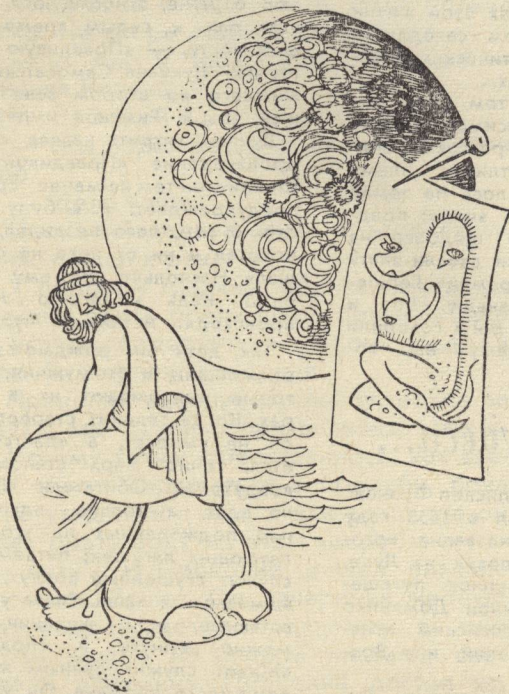
Луна с ее селенитами нужна была Годвину просто как новое место действия. Посмотрите, говорил Годвин своим читателям, как тепло, как радужно встретили Доменико Гонсалеса лунные обитатели. «Народ лунного мира отлича-

ется исключительной чистотой и нравственностью... И стар и млад ненавидят порок так же, как уважают добродетель». Сравните же, мысленно продолжал Годвин, с их добротой и порядочностью — несовершенство действительности, окружающей вас. Так отчего же вы-то, люди Земли, не такие добрые, приветливые и радушные?... — вот что стояло за селенитами Годвина.

Великаны и монстры

К концу девятнадцатого века видимая сторона Луны была довольно хорошо исследована. Городов на ней, увы, замечено не было, и что еще печальнее — не было отмечено присутствие воздуха... Но у фантастов оставалась в запасе вторая половина луны.

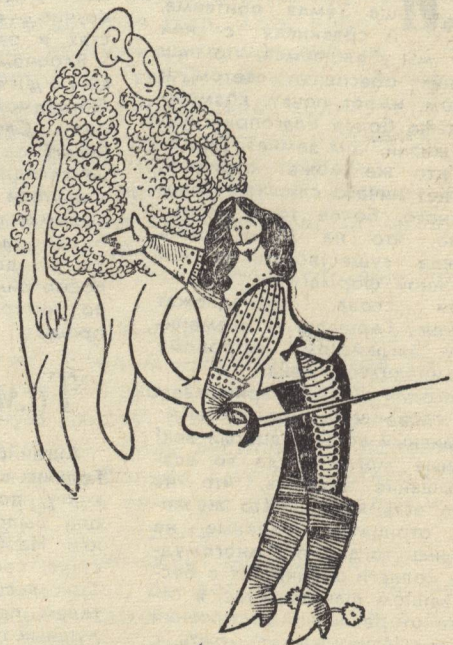
В 1895 году петербургский издатель Сойкин выпустил роман французов Ж. Ле-Фора и А. Графиньи «Путешествие на Луну». Герои романа — в полном соответствии духу време-

60

«Живот служит лунным жителям вместо кармана... Их младенцы в холодные дни прячутся в него».

(Лукиан «Правдивая история»)

«Следует сказать, что народ лунного мира отличается исключительной чистотой и нравственностью...»

(Ф. Годвин «Человек на Луне»)

ни — попадают уже на невидимую с Земли сторону Луны. По воле авторов там сохранилась атмосфера. И вот...

«Остолбенев от изумления, старый ученый и его товарищи не без страха смотрели на этих гигантов, имевших, по крайней мере, двенадцать футов роста... Голова удивительного объема, совершенно непропорционального туловищу; она качалась на длинной, тонкой шее, казалось, едва державшейся на узких, худых плечах; по бокам болтались костлявые, тощие руки, оканчивавшиеся широкими кистями; непомерно плоская грудь, словно не заключавшая в себе легких, переходила в столь же плоский живот».

Но если забыть о необыкновенной дистрофии селенитов Ле-Фора и Графиньи? До чего легко превращаются они в самых заурядных землян! Вот только рост... три с половиной метра!..

Луна, как известно, меньше Земли. И сила тяжести там,

соответственно, тоже меньше, — в шесть раз меньше, чем на Земле. Не этой ли уменьшенной силой тяжести и объясняется столь явное пристрастие фантастов к селенитам великанского роста?

Вот еще один роман, изданный на русском языке в 1900 году тем же Сойкиным: «Изгнанники Земли» А. Лори.

Селениты Андрэ Лори — родные близнецы предыдущих обитателей Луны. Новизна их — лишь в том, что они, напротив, «прекрасны лицом» и достигают в высоту... девяти метров восьмидесяти сантиметров!

Фантастические селениты первой четверти двадцатого века отнюдь не исчерпывались великанами (и великаншами).

Вот роман польского фантаста Г. Жулавского «Победитель», на русском языке опубликованный в 1925 году. И вот описание древней разумной расы, обитающей на Луне Жулавского:

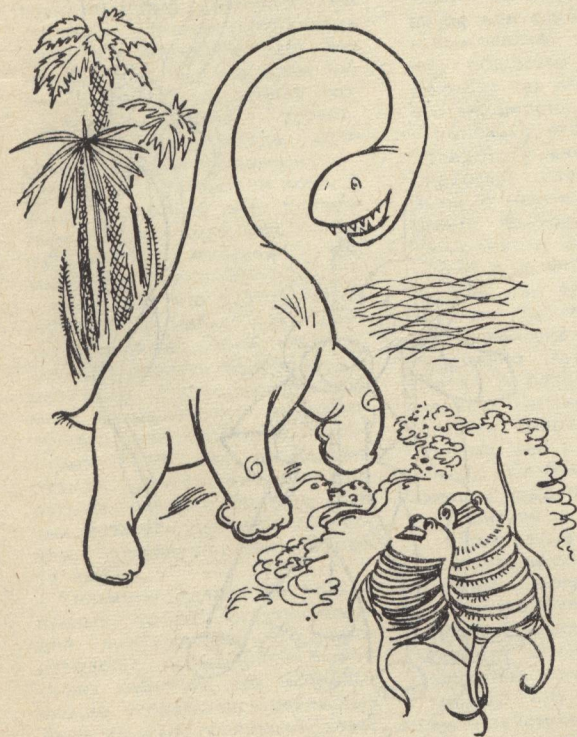
«Под их широкими крыльями, представляющими собой перепонки, натянутые на кости, имеется нечто вроде гибких змеевидных рук с шестью пальцами. Все их тело покрыто черным коротким волосом, мягким, густым и блестящим, за исключением лба и этих вот рук, белых и голых... В этих руках вся сила. Если они, обе сразу, прикоснутся к нагому человеческому телу, человека пронизывает болезненная и, зачастую, убийственная судорога...»

Впечатляет? Что ж...

В одном из номеров журнала «В мастерской природы» за 1929 год наши читатели разыскали рассказ А. Филиппса «Конец лунного мира».

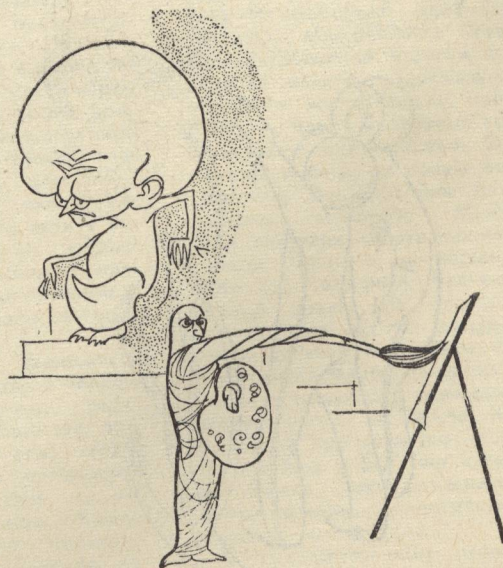
Лунная цивилизация гибнет, единственное спасение для нее — в эвакуации на Землю. И вот — первая ракета готовится к старту.

«Внизу кишели волнующиеся толпы селенитов. Они только тем были похожи на земных обитателей, что держались от-

«Пресмыкающееся ринулось на противников, нанося во все стороны страшные удары своими лапами...»

(А. Филиппс «Конец лунного мира»)

«Его мозг имел в диаметре несколько десятков ярдов...»

«Это было существо с очень подвижной рукой и строгим взглядом, и рисовало оно с невероятной быстротой».

(Г. Уэллс «Первые люди на Луне»)

весно на двух конечностях. Всего этих конечностей было шесть, снабженных чем-то похожим на пальцы... Корпус их (селенитов,— ред.) был покрыт твердым роговым веществом, голова — подобием шерсти, окаймляющей большие глаза и выдвинутые вперед роговые челюсти...»

Это счастье, должен был подумать читатель рассказа, что разведочную ракету селенитов растоптал земной тиранозавр. И что они не решились отправить следующую. Иначе — веселенькое будущее приготовили бы нам эти волосатые, пучеглазые муравьи!..

Обозревая сегодня путь, пройденный мировой фантастикой, мы отчетливо видим в ней два потока. Один из них — фантастика развлекательная, «несерьезная», откровенно

псевдонаучная. К сожалению, именно эта ветвь фантастики прежде всего бросается в глаза стороннему наблюдателю. По ней еще и сегодня нередко судят о фантастике в целом... К этой-то псевдофантастике и принадлежат произведения, рассмотренные в данном разделе обзора.

Влияние в изобилии переведившегося у нас западного чтения остро чувствовалось в двадцатых годах в только-только зарождавшейся советской фантастике. Вот каких селенитов увидим мы, к примеру, в романе «Психо-машина» Виктора Гончарова (1924 год):

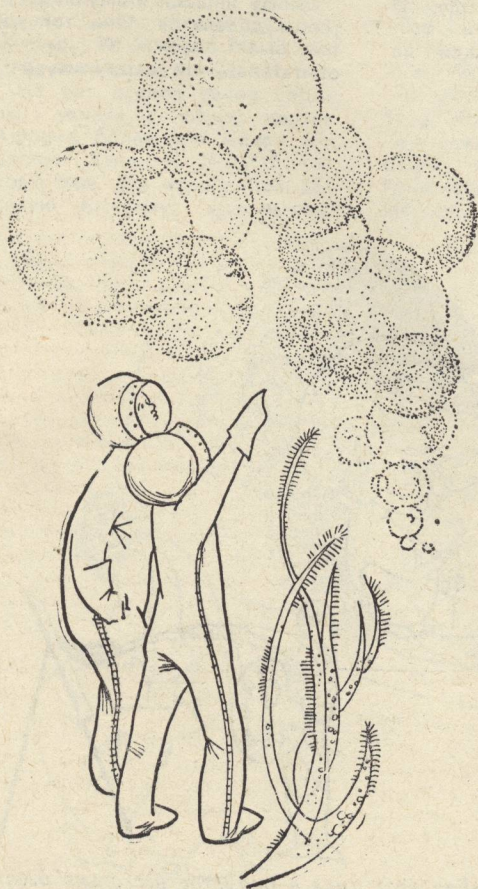
«В машину влезли два странных широкоплечих существа — два слоненка на задних лапах... Верхние конечности, мускулистые и прикрытые пергаментной кожей с мелкими

черными волосиками, заканчивались двумя длинными пальцами».

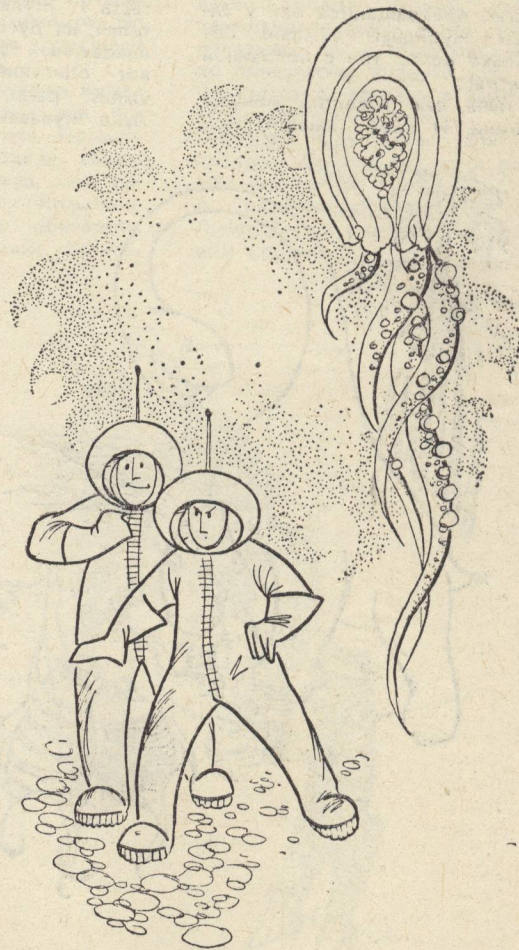
Это — «небезы». Представители эксплуатируемого класса лунного общества. А вот и сами эксплуататоры, «везы»:

«Тут я заметил сидящее в кресле в носу аппарата еще более странное существо... Если небезы были на две головы ниже человека среднего роста, то это существо не доходило бы и до пояса. Большая голова, совсем не по туловищу, с таким же хоботом, только более нежным, тонкие ручки с двумя длинными пальчиками и совсем крохотные ножки...»

Мыслящие слонята. Это было так изысканно, так необычно!.. Для определенной категории читателей, разумеется.

62 «Зеленые полупрозрачные виноградины... плотно прилегали друг к другу и, казалось, чуть пульсировали.»
(А. Шалимов «Пленник кратера Арзахель»)

«Крамов выпрямился и увидел вокруг себя еще несколько медуз».
(Г. Реймерс «Соната-фантазия»)

Специализи- рованные селениты

Качественно иной поток фантастики составляют произведения, фантастический допуск в которых — не самоцель, а средство. Средство показать новые возможности и приблизить их реализацию — в фантастике научно-технического плана. Средство привлечь общественное внимание к острым проблемам современной писателю жизни — в фантастике социальной. К этой последней принадлежит еще одна группа лунных монстров — специализированные селениты Герберта Уэллса.

В 1901 году знаменитый фантаст опубликовал свой новый роман — «Первые люди на Луне». Что же увидели на Луне уэллсовские Кейвор и Бедфорд?

Первым из представителей лунного мира встретилась им странная громадина, рыхлая и почти бесформенная. Не без труда угадывалась в этом чудовище заурядная лунная «корова» — специально усовершенствованная порода, дающая максимум продукции.

А затем... Затем они попадают в подземный мир селенитов. В целом селениты Уэллса напоминают муравьев. Но только — в целом!

«Казалось, что в этой суевающей толпе нельзя найти двух сходных меж собой существ. Они различались по форме, по размерам и представляли самые устрашающие вариации общего типа селенитов. Некоторые были как громадные пузыри, другие сновали под ногами у своих братьев. Все они казались каким-то гротеском, уродливой карикатурой на людей...»

Селениты Уэллса не только лунных коров приспособили для максимальнейшего производства продукции, — они и самих себя так же истощивающе усовершенствовали. «На Луне каждый гражданин знает свое место. Он рожден для этого места и благодаря искусной тренировке, воспитанию и соответствующим операциям в конце концов так хорошо приспособливается к нему, что у него нет ни мыслей, ни орга-

нов для чего-нибудь другого». Если это пастух, то он снабжен длинными ремнеобразными щупальцами». Если это носильщик, то он представляет собою кривобокого существа с огромными плечами. Художник здесь — субъект с очень подвижной рукой и строгим взглядом, рисующий с невероятной быстротой. Ювелир — крохотное существо, могущее уместиться на ладони. У машиниста, благодаря особым прививкам, отрастают длинные «руки», стеклодуву увеличивают легкие, превращая его попросту в легочный мех...

Эта же приспособленность царит и среди селенитов-«интеллигентов»: администраторы обладают здесь большой инициативой и гибкостью ума, ученые хранят в своей памяти невообразимую массу сведений по узкоотраслевым вопросам, эксперты приучены разпутывать самые сложные аналогии. И все они, представляя собою карликовые существа с уродливо гипертрофированным мозгом, разительно отличаются от селенитов-ремесленников или воинов.

Возглавляет это удивительное общество Великий Лунарий. Вот как описывает Кейвор его внешность:

«Сначала этот лунный мозг показался мне похожим на опаловый расплывчатый пузырь с неясными, пульсирующими, призрачными прожилками внутри. Затем я вдруг заметил под этим колоссальным мозгом над краем трона крошечные глазки. Никакого лица не было видно — только глаза, точно пустые отверстия. Потом я различил внизу маленькое карликовое тело с белесыми скорченными, суставчатыми, как у насекомых, членами... Слабые ручки-щупальца поддерживали на троне эту фигуру...»

Буржуазные экономисты сравнивали общество с человеческим организмом: рабочие — это руки общества, правящие классы — его мозг... Герберт Уэллс с предельной яркостью овеял эту метафору. Его лунное общество — действительно карикатура на специализированное, до нельзя разобщенное капиталистическое общество, где человек — лишь винтик общественного механизма, превосходно притертый и максимально обезличенный.

«Дети Радия»

В лице селенитов Уэллса мы имели дело с фантастикой социальной. Заглянем теперь в фантастику научно-техническую. Ведь были же у фантастов попытки реально представить возможные — не отрицаемые наукой! — формы разумной жизни на Луне?

Не может быть, чтобы не было...

В двадцатых годах во Франции была учреждена премия Жюль Верна. Присуждалась она, естественно, за лучшее научно-фантастическое произведение года. В 1929 году эта премия была вручена Альберту Байи за роман «Эфир-Альфа».

Изобретатель Монкальм и его невеста Минни летят на Луну. И этот лишенный атмосферы, холодный и неуютный мир оказывается-таки обитаемым! «...Перед ним плясали маленькие огоньки. Они взлетали, опускались, смешивались, прыгали по скалам. Синие, красные, зеленые и фиолетовые... Они имели форму звезды о шести лучах».

Земляне находят общий язык с этими удивительными звездами, им оказывается... азбука Морзе. «Мы дети Радия, и наша жизнь электромагнитическая, — сообщают селениты-звезды. — Мы вечны...» Сгустки электрической энергии, они лишены всякой материальной оболочки, живут только колебаниями, через колебания воспринимают окружающее. Они могущественны, их разум безграничен, они способны даже оживить погибшую Минни. «Мы захотели узнать причину смерти Минни, и мы нашли...»

Но это холодный, бесчувственный разум. Из опасения, что земляне захотят овладеть Луной («Разве мы знаем, где останутся ваши открытия?»), Радины стремятся уничтожить всякую жизнь на Земле. Космическое пространство открыто для них, и вот уже катятся по Земле электромагнитные бури, пожары, землетрясения, ужасные наводнения...

В художественном отношении роман Байи бесконечно устарел сегодня. Но мысль об энергетических сгустках как возможной форме инопланетной жизни не кажется абсурдной и в наши дни.

Всерьез, «по-научному»...

За прошедшие столетия человечество многому научилось, повзрослело и посерьезнело. На смену отроческим мечтам в большинстве отраслей науки пришло точное знание. И это не могло не сказаться на научной фантастике. Фантастика тоже посерьезнела. Лишь в юмористической ветви ее еще сохранились селениты человекообразные. Хотя, конечно, нет правил без исключений...

В 1958 году, например, появилась в русском переводе отнюдь не юмористическая повесть украинского фантаста В. Бережного «В звездные миры». Искушенный читатель уже не мог без юмора воспринимать такие «находки» автора, как, скажем, человеческий скелет, обнаруженный на Луне: длина его, сообщает фантаст, достигала семи-восьми метров...

Нет, современный читатель не склонен довольствоваться бесконечными вариациями на темы Андрэ Лори или Г. Жулавского!

Однако что же нынешние фантасты? Ищут ли они новые формы жизни, более приемлемые в наш «скептический» век для Луны Обитаемой?

В повести А. Шалимова «Пленики кратера Арзахель», опубликованной в 1964 году, космонавт, исследуя поверхность планеты, встречает Гроздь.

«Гроздь медленно приближалась. Когда расстояние сократилось до нескольких мет-

ров, ее движение замедлилось. Теперь я мог хорошо рассмотреть ее. Вблизи она напоминала кисть гигантских виноградин, каждая размером с большой арбуз. Зеленые полупрозрачные виноградины, круглые и удлинённые, плотно прилегали друг к другу и, казалось, чуть пульсировали».

Космонавту не удастся вступить в реальный контакт с «виноградинами». Но автор прозрачно намекает, что принадлежат они все-таки к категории мыслящих...

Повесть Шалимова, пожалуй, единственное произведение фантастики последних лет, в котором нашим читателям удалось обнаружить разумную лунную жизнь. Современные авторы в изобилии встречают на Луне грибы, мхи, плесень. Изредка натыкаются на медуз или хотя бы многократно увеличенных, «лунных» микробов. Но в наличии высших форм жизни Луне сегодня, как правило, отказывают. Самое большое, на что фантасты решаются сегодня, — это многозначительно обронить по ходу дела:

«Примерно в километре от него отчетливо виднелись голубоватые свечения пятна. Неровный, призрачный свет смешивался с алыми красками затмения, непрерывно меняя оттенки. Пятна медленно, но все же отчетливо перемещались...» (Рассказ Ю. Шпакова «Вымпел» в его сборнике «Один процент риска», 1965 год.)

Но чтобы «оборонить» что-то подобное, вовсе не обязательно быть фантастом: движущиеся пятна на Луне наблюдал известный американский астроном В. Пикеринг, считающий их колониями живых существ

типа, например, земных муравьев...

Почему столь резко оскудел лунный мир в книгах фантастов?

Луна сегодня слишком близка для нас, реальный земной человек вот-вот ступит на ее поверхность. Мы уже знаем обратную сторону Луны. Уже видели на экранах телевизоров лунную почву...

Вспомните, что мы говорили, рассуждая о сочинениях Лукиана и Годвина. Тридевятие царство перестало быть тридевятым царством... и фантасты устремились дальше. А вместе с ними отправились к дальним планетам и звездам и бывшие лунные великаны и монстры. Приглядитесь внимательно к новинкам научной фантастики: вы легко обнаружите в них и человекообразных (гигантов и карликов, «прекрасных лицом и телом» и «морально и внешне уродливых»), и наделенных разумом «летучих мышей», и — в изобилии — всевозможных кенгуру-, медузо-, спруто-, змее-, жуко-, пауко- и муравьеподобных...

Что же касается Луны...

Нынешние фантасты все чаще находят на ее поверхности следы пришельцев из иных миров. Развалины их баз. Поставленные ими памятники и обелиски. Покинутые ими корабли. Оброненные пуговицы и зажигалки. Наконец, специально приготовленные для землян контейнеры с подарками и сувенирами...

Может быть, — рискнем! Поищем в книгах фантастов следы пришельцев на Луне, а заодно — и на древней-предвней нашей Земле-матушке!

В ПУТЬ, В НОВУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ! НА ПОИСКИ СЛЕДОВ ТАИНСТВЕННЫХ ПРИШЕЛЬЦЕВ!

На Луне и на Земле — в кратере Циолковского и в Сибири, в Море Ясности и в джунглях Южной Америки, в лунных Пиренеях и на дне Тихого океана, — следы эти во множестве рассеяны фантастами.

Давайте же соберем их. И не просто соберем, а исследуем. Сравним вымысел старых, новых, новейших фантастов. Подумаем: что стоит за вымыслом в каждом конкретном случае!

Читателям, приславшим наиболее обстоятельные отчеты, будут вручены памятные сувениры, в том числе — книги с автографами советских фантастов.

Лучшие отчеты будут опубликованы.

ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ!

Напоминаем наш адрес: г. Свердловск, ГСП-353, «Уральский следопыт», «Мой друг — фантастика».

ЛЮДОВИК е

ПЛАНЕТЫ

ПРОНИЯ

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
ФАНТАСТИКА

Олег ЧЕПУРНОЙ

Рисунки Ю. Ефимова

Случилось так, что мы попали в пресловутую петлю времени и после двух с половиной лет небытия, протекшего в нуль-пространстве, вынырнули в совсем другой галактике. Ко всему прочему, на корабле завелись привидения,— корабль был старый, на нем совершали вылазки в космос еще древние миссионеры,— и нам, таким образом, срочно надо было куда-нибудь «приземлиться». Как заявил капитан, совершенно необходимо было проветрить корабль, чтобы избавиться от всей этой нечисти. Химик Кробс пытался, правда, применить дуст и еще какие-то ядохимикаты, но из этого ничего не вышло. Более того. Он чуть было не отправил нас на тот свет своим новым препаратом «Смерть всем чертям»,— крупинцы этого порошка каким-то образом попали в котел с супом, и мы не без основания подозревали, что здесь не обошлось без привидений. Хорошо, что котел распался на составные части прежде, чем кок Висенте запустил туда свой черпак.

— До тех пор, пока эти парни в рясах будут шататься по кораблю,— сказал при этом Висенте,— я не рискну ничего готовить...

С посадкой нам пришлось помудрить. Проще всего, конечно, было бы спуститься на Дрому, но эта планета дурно себя вела, на ней как раз происходили очень сложные катаклизмы. Другая планета, вращавшаяся вокруг того же солнца,

представляла чисто теоретический интерес, потому что оказалась галлюцинацией. Выбор пал на Пронию, небольших габаритов мирок, выкручивавший восьмерку около двух солнц,— желтого и зеленого...

Мы рассмотрели Пронию в телескоп и обнаружили на ней города и веси. Планета, несомненно, была обитаема.

Корабль опустился недалеко от большого города. Мы столпились у иллюминатора, жадно обозревая окрестности. Никогда еще мне не приходилось наблюдать более прихотливой картины. Было утро. Нет, вечер. И утро и вечер одновременно. На западе заходило солнце, на востоке всходило солнце. Тот, кому не по вкусу была вполне земная утренняя заря, мог подойти к другому иллюминатору, чтобы полюбоваться изумрудным вечерним закатом.

Когда желтое солнце поднялось выше, а зеленый мир запада постепенно затих, капитан выкликнул трех добровольцев и велел им отправиться на разведку.

Добровольцами оказались Кробс, кок и я. Кок вызвался потому, что ему осточертели привидения, Кробс— все еще продолжая испытывать некоторую вину перед экипажем, а я— из чистого искусства. Потому как был я в ту пору любопытен донельзя.

— Все в порядке! — задыхаясь, прокричал Кробс. — Еще немного, и я смогу уцепиться за облако.

Страшновато все-таки углубляться в чужой, неведомый, неземной город. Сколько в этом странного, будоражащего разум и чувства, невыразимого и даже противоестественного! Все зыбко, зловеще, полно тайного смысла... Особенно, если город этот встречает вас тишиною пустынных улиц, безмолвием вроде бы необитаемых домов, которые уже успели покрыться толстым слоем пыли. Невольно начинают одолевать самые фантастические домыслы, жуткие образы и видения, мастерски описанные некогда звездным капитаном Рэем Брэдбери...

В таких городах неожиданность подстерегает на каждом шагу. Вдруг прерва-

лась ровная цепь домов, и мы увидели площадь, посредине которой вокруг громоздкого сооружения хлопотала группа туземцев.

Мы с удовольствием отметили, что эти существа, несомненно, люди. А это так приятно сознавать, когда тебя заносит за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, да еще на другую планету другой галактики, если только вообще не другой вселенной.

Заметив нас, туземцы побросали свои инструменты и некоторое время смотрели на нас с какой-то жалкой растерянностью. Потом они ринулись к нам...

Мы не успели сообразить, в чем дело, как город словно взорвался, разлетелся на тысячи осколков и с грохотом обрушился на нас. Растворились дома, вздрогнула площадь, всколыхнулся и пришел в движение сам воздух. Полетели с петель окна и двери, разошлись, разлезлись по швам ворота, и с дикими криками, с воплями все новые и новые несметные толпы туземцев устремлялись к нам. Те, что стояли на площади, первыми достигли нас. Их руки протянулись к нам, тонкие, жадные пальцы ощупывали нас. Я видел орущие рты, сверкающие глаза.

Рванувшись в сторону, я попытался прорваться сквозь плотное кольцо тел, но тут же увяз в них. Потом почувствовал, что взлетаю на воздух. Мельком увидел Кробса и массивную тушу кока. Они, как и я, парили в воздухе, беспомощно раскинув ноги и руки. Я полетел вниз, коснулся упругой сетки рук и вновь взлетел в воздух.

— А-а-а... — редела толпа. — У-у-у... Ого-го...

Всякий раз, обрушиваясь вниз, я ожидал удара о мостовую. Я закрывал глаза, у меня перехватывало дыхание. Но в самый последний момент меня подхватывали руки, пружинили подо мной и с новой силой отправляли вверх. Казалось, туземцы хотят как следует раскатать нас, а потом уже грохнуть о мостовую...

Но, черт побери, это вовсе не было нападением! Запрудившая площадь толпа выражала таким образом, как мы наконец поняли, свой восторг по поводу нашего появления.

— Эгей, — услышал я рев кока. — Кробс, Пит, как вы там?

— Все в порядке! — задыхаясь, прокричал Кробс. — Еще немного, и я смогу уцепиться за облако.

— Чудеса! — продолжал горланить кок.— Первый раз в таком восхитительном полете!

— Смотрите, чтобы вас не уронили,— посоветовал я.

Наконец, нас поставили на ноги, и мы, покачиваясь и цепляясь за туземцев, протиснулись друг к другу. Крики, шум, топот ног,—внезапно все смолкло. Никогда не думал, чтобы при подобном стечении народа мог установиться такой идеальный порядок. Толпа, будто сразу утратив к нам интерес, отхлынула, возвратилась в дома, и на площади осталась прежняя группа туземцев. Один из них, стройный юноша, обратился к нам с небольшой речью.

— Пришельцы,—сказал он.— Прошу простить меня за столь бурное проявление чувств. Но я так долго вас ждал... И так мало у меня было надежд, что вы действительно явитесь. Космос, окружающий нас, мертв и пустынен. Вы, наверное, представители очень могущественной цивилизации, если сумели проникнуть к нам...

Милый юноша! Если бы он видел наш допотопный корабль! Если бы он знал, что нас просто подвела петля времени... Но мы благоразумно решили об этом умолчать и важно кивали, как положено это представителям могущественной цивилизации в разговоре с туземцами.

Юноша предложил нам войти в один из домов, где он обещал рассказать свою историю. Мы милостиво согласились.

Внутри дома была круглая комната, довольно просторная, были низкие полукруглые диваны, синусоидные столы и прочее... Из угощений нам были поданы самые разнообразные блюда, и кок с Кробсом принялись за них с большим энтузиазмом. Я же, поскольку аппетит у меня в минуты сильных переживаний пропадает, приналег на напитки, довольно приятные на вкус.

— Прежде всего, — начал юноша, когда мои друзья насытились,—я хочу сообщить вам то, что, по-видимому, для вас не совсем еще ясно. Здесь, на Пронии, нет общества. Общества в его истинном понимании, общества, состоящего из многих и многих индивидуумов, личностей. На этой планете живет лишь одна личность — я.

Мы переглянулись. Параноик? Мания величия? На планете Земля один из ее Людовигов, по преданию, говорил ког-

да-то: государство — это я... Что ж, вполне возможно. За время космических скитаний мы привыкли ничему не удивляться.

Мы спокойно выслушали рассказ юноши, ни разу не перебив его вопросом, хотя многое представлялось нам и диким, и невероятным. Он поведал нам чрезвычайно странную историю, историю о том, как двадцатимиллионное население планеты Прония превратилось в одну личность. Закончив свое скорбное повествование, юноша попросил нас помочь ему. Он рассказал, как это можно сделать. Но так далеко наши полномочия не простирались, и мы не смогли дать ему немедленного ответа. Мы сказали, что нам необходимо посоветоваться с экипажем, и, простившись, удалились...

На корабле мы срочно собрали в салоне всю команду.

Начал Кробс:

— У них здесь была телепатическая война, и...

— Ерунда,—перебил его кок.— Просто они нашли способ, как переводить людей **в свое качество**.

— Что значит — **в свое качество**! — спросил капитан.

— **В свое качество** — это значит другого человека делать собой,—охотно пояснил кок.—А происходит это так. Человека ловят, снимают с него скальп, суют голову в аппарат и...

— Скальп не снимают, просто срезают волосы,—уточнил Кробс.—И суют голову не в аппарат, а в электронный сместитель...

— Не понимаю! — признался рыжий Рэд.— Можете вы говорить толково? И пусть рассказывает кто-нибудь один. Например, ты, Пит.

— Хорошо,—согласился я.— Но только начинать надо не с этого... На Пронии люди жили, как и на всех других планетах, населенных гуманоидами. Это был обыкновенный мир, подверженный всем превратностям судьбы, мир, который развивался, усложнялся, создавал отечественную цивилизацию и так далее. Здешние парни не знали недостатка в идеях. Была у них, например, такая: построить здесь, на Пронии, один большой и нескончаемый Золотой Век. Но их постоянно что-нибудь увлекало в сторону от этого предприятия. То они изобретали порох, и им чертовски хотелось знать, что будет, если начинать этим по-

рохом запаянные металлические цилиндры, поджигать и бросать на свои же города. Из этого вышло много малых и великих войн... Потом им удалось расщепить атом. Надо думать, и это послужило бы поводом для какой-нибудь очередной затеи, возможно, способной похоронить цивилизацию, но в это самое время некий пронианский ученый открыл совсем уже удивительное. Этот достойный человек нашел способ, как выразился Висенте, переводить людей в **свое качество**. Здесь я должен заметить, что реплика Кробса насчет телепатии, так возмущавшая кока, не лишена основания. Дело в том, что данное открытие действительно связано с телепатией...

— Точно! — подхватил Кробс. — Этот ученый малый нашел, что парапсихологический эффект более всего имеет место между людьми, у которых в формуле строения вещества наблюдается наибольшее сходство. Например, между родственниками. Бывает, что сын очень похож на отца. Бывает, что это сходство не только внешнее, но и внутреннее. Сходство их индивидуальных электронных портретов. То есть, сын — это почти то же, что отец, он сделан почти по той же самой формуле. И поэтому сын и отец в некотором роде являются как бы одной личностью. Они...

Кробс на мгновение замялся, и я перехватил у него эстафету.

— Некоторое различие в формуле, разумеется, есть. Как бы ни был похож сын на отца, все же он от него хоть чем-то отличается. Пусть даже положением одного-единственного электрона! Уже и этого достаточно, чтобы сын был самостоятельным человеком, личностью. Если бы этого отличия не было, отец и сын обладали бы общим для них чувственным миром, были бы единым целым. Между ними установилась бы прочная телесвязь, и сделай вы больно одному из них — эту боль почувствовал бы и другой. А в природе такой эффект не встречается. Иначе получилось бы, что отец как бы рождается вновь от своей жены, либо же эта женщина сама себя вновь рождает... Таким образом эти люди достигли бы бессмертия... Это очень сложная теория, и мы ее сами до конца не уяснили. Но... я запомнил пример с золотом и свинцом. Из свинца, как известно, можно получить золото, для этого нужно лишь перевести несколько электронов. Перевести с

одного ряда на другой... Оказывается, точно так же можно делать и с людьми: изменив кое-что в структурной формуле одного человека, можно превратить его в другого! Вот они и построили здесь электронные сместители. Аппараты, при помощи которых это достигается. Совершенно безболезненная операция! Вы заряжаете аппарат своей формулой, ловите человека, обстригаете наголо и суете его голову в аппарат. Нажимаете кнопку и — мгновенное облучение! Готово!.. Дотоле, может быть, незнакомый вам человек становится... вами, вы обретаєте с ним единый чувственный мир. Теперь вы с ним — один в двух лицах! Затем уже на пару вы ловите кого-нибудь третьего... И так далее — пока во всем мире не утвердится одна личность...

— Представляете, что это была за война? — кок обвел всех таким взглядом, будто сам организовал эту войну.

— Да, когда аппараты пошли в серийное производство, началась потеха... Новое оружие было быстро усовершенствовано. Теперь электронный сместитель представляет собой карабин, вы заряжаете его своей формулой и стреляете ею в человека. Вам уже не надо за ним гоняться, вам достаточно выследить его и... превратить в себя. Разумеется, об атомной бомбе забыли: каждый спешил обзавестись собственным электронным сместителем. И никто более не доверял другому. Потому что как бы ни был верен тебе твой друг, все же лучше, если этим другом ты будешь себе сам. За друзей-то в первую очередь и принялись. И лишь потом уже — за незнакомцев... Война, как вы можете догадаться, не была кровопролитной, она обходилась без трупов и уничтожения материальных ценностей, но с каждым днем на планете становилось все меньше **разных** людей. Кто половчее, укомплектовывал из себя целые армии. Постепенно на Пронии осталось не более десятка могущественных личностей. И они продолжали сражаться. Они бились до тех пор, пока вся планета не была заселена фактически одним человеком. И вот, когда этот человек оказался предоставленным самому себе, он вдруг понял, что ему неинтересно жить. На всей планете, в своем доме он вдруг почувствовал себя Робинзоном. Робинзоном, у которого не было даже Пятницы... Правда, он стал могущественным, он — почти бог! Но у него нет себе-

седника, и он смертельно скучает. Ко всему прочему, он обрек себя на бесплодие... Одним словом, эта весьма многочисленная личность потихоньку вымирает. Не трудно догадаться, почему наше появление было встречено с таким энтузиазмом...

— Но почему бы этой личности не вернуться к прежнему состоянию? — спросил Рэд.

— Дело в том, — объяснил Кробс, — что в ходе войны оружие противника, заряженное его формулой, уничтожалось. На всякий случай. Как же теперь вернуться к обществу, если формулы индивидуумов этого общества более не существуют?

Капитан задумался и пробурчал:

— Как бы они и нас не обратили в себя, черт их всех побери...

— Напротив! — воскликнул Кробс. — Они теперь хотят по нашему образцу и подобию наштамповать себе новое общество! Воспользоваться нашими формулами, и...

— Будь я проклят! — вскричал капитан. — У них этого не выйдет!

В салоне поднялся шум. Все кричали, размахивали руками. Слышались возгласы, что это — подвох, ловушка, что надо поскорее убираться отсюда. Сами, мол, заварили кашу, сами пусть и расхлебывают. А то переплавят всех в **свое качество**...

Шум стоял такой, что тех из экипажа, кто возражал и требовал помочь Пронии, просто не было слышно.

Когда поутихло, Рэд сказал:

— Если они воспользуются нашими формулами, мы же и начнем тогда размножаться? Разве не так? Каждый из нас превратится в двух, трех и более!

— Вплоть до миллиона, — ухмыльнулся кок. — У них здесь примерно такая пропорция.

— Но... мы же тогда не сможем улететь!

— Если мы им позволим снять с нас мерку... то все мы, конечно, не улетим. Я говорю: все, имея в виду тех, кого они переведут в **наше качество**.

— Не понимаю, как это я могу быть еще кем-то... или кто-то — мною?..

Капитан заставил всех замолчать. Он спросил у нас, что мы обещали туземцам? Не поделились ли уже своими формулами?

— Пока нет, — сказал кок.

— Что значит — пока?

— Видите ли, капитан, мне кажется, им надо помочь...

— Кок в роли космического филантропа, — съязвил кто-то.

— Помолчи! Пусть каждый отвечает за себя! Я могу распоряжаться своей формулой, как мне вздумается.

— Нет, так не пойдет! — возразил капитан. — Здесь я отвечаю за всех. И я не согласен!

— Вы не согласны спасти мир? Цивилизацию? — вкрадчиво спросил Кробс.

— Я капитан космического корабля, — отвечал капитан с достоинством. — Я не капитан этого мира. И я прежде всего должен заботиться о сохранности моего экипажа. И если мне предложат спасти мир ценою кого-либо из вас, я не соглашусь на это!

Эти слова не могли не вызвать отклика в наших душах. Всегда приятно узнать, что есть люди, которые ценят тебя выше целого мира.

— Все-таки... — пробормотал кок. — Мы здесь ничем не рискуем...

Коку, видимо, не терпелось ощутить себя в целом миллионе иных существ.

— Никто не знает, чем мы здесь рискуем, — рассудительно произнес капитан. — Даже если все обстоит так, как вы говорили, кто мне скажет, каковы будут последствия? Вы большею своей частью останетесь здесь, в этом мире, а меньшая унесется в космос. Но эта планета живет и развивается по своим законам. И мне не известно, как все это отразится на вашей психике...

Капитан был прав, черт побери! О чем еще можно было спорить? И все-таки... ведь целый мир погибает! Цивилизация!.. А мы и пальцем не шевельнем, чтобы помочь им...

Капитан поднялся.

— Слушайте мой приказ: никому не покидать корабль без моего разрешения!

Он обвел нас всех взглядом и вышел из салона.

И все-таки кок улизнул. Он нарушил приказ капитана, ловко скрыв под личиной смирения свой протест. Когда все разошлись на отдых, он потихоньку прокрался к люку, открыл его и скрылся...

Кока хватились к вечеру. Капитан был угрюм и неразговорчив. Он ходил по салону и курил трубку. Он отпустил увесистую затрещину службе-роботу, когда тот

— Говорю тебе, верное дело! — шептал он страстно и совращающе.

замешкался на его пути и не успел вовремя посторониться. На предложение Рэда выслать на поиски кока отряд капитан ничего не ответил...

Ночью я неожиданно проснулся, будто меня кто-то толкнул. Открыв глаза, увидел смутные тени. Призраки, подумал я, успокаиваясь, и хотел уже повернуться на другой бок, но в это время слуха моего коснулся приглушенный шепот. Мне показалось, что в одной из маячивших передо мной фигур я узнаю кока. Да, это был, несомненно, он! Я это понял, разобрав несколько сказанных слов:

— Говорю тебе, верное дело! — шептал он страстно и совращающе. — Пойдешь сейчас со мной и сам все узнаешь!

В ответ раздалось неразборчивое бормотание.

— Не будь дураком, — вновь зашептал кок. — Больше тебе никогда не представится такой возможности...

70 Наконец, я расслышал приглушенный голос его собеседника:

— Я боюсь... Вдруг это ловушка?

— Какая ловушка? — по-прежнему шепотом спросил кок.

— Ты меня выманишь из корабля и бросишь.

— Дубина!.. — яростно выругался кок вполголоса. — Зачем мне это нужно? Я беру тебя, чтобы ты сам во всем убедился и рассказал другим! Думаешь, мне будет легче, если тебя одного не станет на корабле?..

С кем это толкует кок?.. После бурного дня мне чертовски хотелось спать, мысль не обретала должной остроты... Ерунда какая-то, умиротворенно решил я, ощущая, как сладкие и темные волны забытья омывают мой мозг. Я еще продолжал слышать бормотание, шушуканье, но мне уже мерещились иные образы. Всплыли далекие воспоминания, увидел я лесную поляну и на ней милых мне, давно покинутых людей... Я радостно засмеялся и побежал к ним, и за мною бесшумно закрылась единственная щель, через которую просачивалась в сон смутная действительность...

Наутро мы вновь собрались в салоне. Сели за стол, намереваясь позавтракать концентратами, но в это время широко разъехалась дверь, и на пороге показался кок с дымящимся подносом. Капитан посмотрел на него хмуро, но ничего не сказал. Мы уже знали, что сразу после завтрака корабль покидает планету.

Кок расставлял на столе миски, тарелки, чашки, и по его круглой физиономии бродила лукавая усмешка. У него был вид человека, который один во всей вселенной выяснил, в чем смысл жизни, и теперь его чертовски забавляет, что никто другой этого не знает...

После завтрака мы принялись готовиться к старту. Все это утро я ловил себя на ощущении, будто мне чего-то недостает. Я не мог объяснить себе, чего именно, но временами очень явственно это чувствовал. Я заходил в каюту, в рулевую рубку, пробегал по коридору — и просто физически осязал некую пусто-

ту. «Привидения! — догадался я, наконец. — Куда подевались привидения?»

Капитан отдавал последние распоряжения. Я пошел закрывать люк, выглянул в последний раз наружу... и замер, пораженный. Из города направлялась к кораблю странная процессия. Можно было подумать, что мы попали в земное средневековье. Впереди шли люди, облаченные в черное, они несли самодельные кресты, распятия, иконы. За ними двигалась, завывая, толпа разношерстного люда...

— Капитан! — заорал я. — Скорее сюда, посмотрите, что там делается!

Прибежали капитан, Рэд, Кробс и еще несколько человек команды.

Процессия между тем все приближалась. До нашего слуха с порывом ветра донеслось заунывное пение.

— Что это за паломничество? — спросил капитан. — Не по наши ли души они идут?

Я недоуменно пожал плечами:

— Не представляю, откуда они могли взяться? Когда мы были в городе, мы не встречали там этих типов...

— А мне кажется, я их узнаю, — задумчиво проговорил Рэд. — Они похожи... Ну да, эти черные рясы, кресты, гнусавое пение...

— Привидения? — прошептал Кробс. — Будь я проклят...

— Живее, капитан, — заволновался Рэд. — Надо улепетывать, пока не поздно! Если вся эта банда полезет на корабль...

В это время на площадке появился кок. Он вышел, вытирая на ходу о фар-

тук свои могучие руки. От всей его фигуры так и несло ленивым благодушием. Бросив небрежный взгляд на процессию, он понимающе кивнул и обратился к нам:

— Вздор!.. Никуда они не полезут. Им понравился этот мир, и они разовьют здесь кипучую деятельность.

Мы смотрели на кока во все глаза, жадно ловя каждое его слово.

— Ну, чего здесь непонятного? — проговорил он, наслаждаясь вниманием, с каким мы его слушали. — Привидения? А что такое привидение, как не слабо материализованная формула, остаточное явление, возникающее в результате одного из пространственно-временных парадоксов? Это клише, это готовые матрицы, по которым можно штамповать живые пережитки. Как раз то, что нужно нашему другу-туземцу... И, как видите, он не терял времени. Это только головной отряд будущего общества планеты Прония. Доигрались — пусть начинают теперь со средневековья...

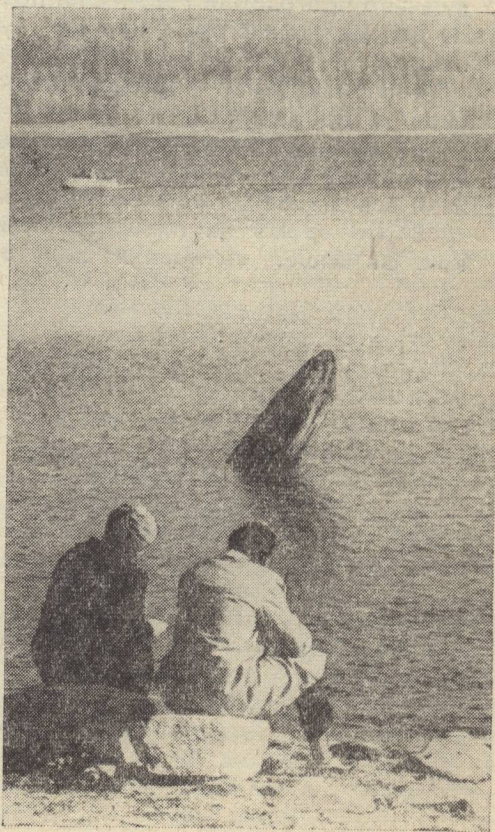
Кок помолчал, а потом добавил:

— Надо же было чем-то помочь им. Все-таки цивилизация... С кем беды не случается? Правда, жаль было расставаться с этими шалунами. Но ничего не поделаешь... — кок лицемерно вздохнул и, еще раз взглянув на процессию, полез внутрь корабля.

Через полчаса наш космолет уже пересекал звездные просторы, держа курс по направлению к петле времени. Другого пути назад, в нашу галактику, у нас не было.

ПОГОДА И СОЛНЦЕ

«Я живу на Урале уже много лет и привык к последовательному чередованию времен года. Но вот уже три года погода явно «мудрит».

3—7 июня 1967 года во многих районах Свердловской области выпадал снег глубиной до 25 сантиметров. А ведь все уже зазеленело и цвели цветы. Тогда-то я и сделал первый снимок.

15—17 сентября снова выпал снег и ударил небольшой морозец. Любители коньков и хоккея приготовили свои доспехи, а многие опробовали и лыжи на Уктусе. Казалось, что пришла уже настоящая зима (фото 2).

И, наконец, совсем необычное явление: весь октябрь и половину ноября у нас стояла отличная солнечная погода. Третий снимок сделан в эти дни.

Очень хотелось бы на страницах журнала прочитать объяснение всех этих явлений.

Николай Галеверов,
Свердловск».

Отвечает фенолог Леонид Александрович Федоров.

Из года в год сотни и тысячи лет идет на земле смена времен года.

Известно, что в разных географических точках погода одного и того же сезона бывает различной. Например, в Сочи осень совсем не похожа на осеннюю пору в Архангельске. Различны также ее продолжительность, сроки начала и конца. В то же время климат, как многолетний режим погоды, свойствен данному пункту или местности. Но он не является вечным и неизменным. На протяжении геологических эпох климат неоднократно менялся, внося глубокие изменения в природный ландшафт Земли. Вместе с этими изменениями существуют колебания его, охватывающие тысячелетия. Установлены и более короткие периоды: вековые, тридцатилетние и одиннадцатилетние.

Есть много гипотез о причинах изменения климата. Объяс-

няют их космическими факторами, изменением оси вращения Земли, а также изменением в распределении на земной поверхности суши и моря. Более точно установлена связь колебаний климата с периодами солнечной активности, из которых наиболее четко выражен одиннадцатилетний цикл.

В Свердловском краеведческом музее хранится срез сосны, спиленной в Серовском районе в 1936 году. Возраст ее 401 год. На срезе хорошо видны одиннадцатилетние колебания климата. Особенно отчетливо они выражены в конце XVI и в начале XVII веков. В среднем, через каждые 7—8 узких колец идут 3—4 более широких, — холодные и короткие вегетационные периоды сменялись более теплыми и продолжительными.

О вековых колебаниях климата мы знаем из исторических документов, а начиная с XIX века на помощь нам приходят архивы метеорологических наблюдений.

В конце десятого века в Гренландии были организованы норвежские колонии, в которых процветало животноводство, а сама страна отличалась теплым и влажным климатом. Об этом говорит само название (в переводе Гренландия значит «Зеленая страна»).

С середины XIII века исторические источники отмечают быстрое ухудшение погоды в Атлантике и Европе. В XIV—XV веках гренландские колонии норвежцев гибнут из-за наступившего оледенения. В настоящее время ледяной покров на побережье Гренландии сошел и здесь появились поселения эскимосов.

Улучшение климата началось в XVI веке.

Среднегодовая температура воздуха в Свердловске, где наблюдения ведутся с 1836 года, в первое десятилетие (1836—1845 годы) была плюс 0,46°, в 1856—1865 — плюс 0,34°, а спустя сто лет повысилась, и в 1956—1965 составила уже плюс 1,8°. Правда, и в эти периоды отмечались более теплые и более хо-

лодные годы. Рекордно теплыми оказались 1962 и 1967 годы, когда средняя температура достигла плюс 3,3°!

Примеров резкого отклонения погодных условий от средних немало. Так, в 1960 году зима пришла на Урал на пол-

ИЗВЕЧНАЯ ТЕМА

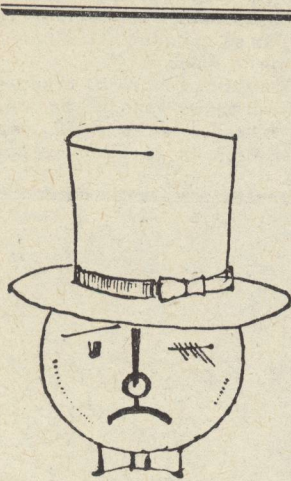
— Ну, и погода!
Дожди с полгода...
— Теплеет вроде...
— Вновь к непогоде!
А были годы
Насчет погоды!..
И так по году —
Все про погоду.

ВЕТРЕННОСТЬ

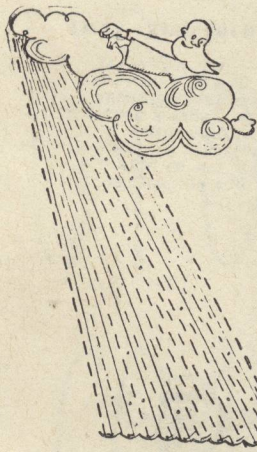
Не по нраву в школе Пете
Груз любого порученья.—
Он всегда спешит, как ветер,
В «область низкого давления».

месяца раньше обычного. Санный путь установился 17 октября, а 20 октября рыбаки приступили к подледной рыбалке. В 1967 году зима, наоборот, запоздала почти на месяц. Вспомним 1957 год: еще

БАРОМЕТР

Идти в рубашке или в плаще.
Как подготовиться к походу.—
Дает совет пресс-атташе
Ее Величества Погоды.

ПОЧЕМУ?

Отчего морозы в мае?
Отчего снега не в срок?
Это возится в сарае
Кладовщик Илья-пророк.
Высыпает на луга
Прошлогодние снега,
Облака-мешки трясет...
Все равно, мол, пропадет!

никогда не было такого теплого мая и сентября, а в октябре садоводы сняли второй урожай малины. Средняя дата зацветания черемухи в Свердловске 23 мая. Но в 1941 году она зацвела только 12 июня, зато в 1951 году мы любовались ее душистыми цветами уже 30 апреля! В последнее десятилетие мы были свидетелями сильных морозов и жарких суховея, в декабре гремели грозы, а в июне снег покрыл землю.

Отчего же происходят такие резкие отклонения от привычного хода погоды?

На многие тысячи метров простирается окутывающая Землю атмосфера. В ней никогда не бывает покоя: воздушные массы все время находятся в движении. Эта циркуляция воздуха во взаимодействии с подстилающей поверхностью создает большое разнообразие климатических условий на Земле. Так, например, в Каире в течение года, в среднем, бывает всего один день с дождем, а на западном побережье Норвегии таких дней в году 360!

Но иногда наши привычные представления о климате меняются. В природе происходят невиданные катастрофы: в засушливых районах страшные ливни создают наводнения, в субтропиках выпадает снег и бушуют метели.

Все эти стихийные явления—следствия активности Солнца. Наука еще не выяснила с достаточной точностью, какие физико-химические изменения вносит деятельность Солнца в атмосферу Земли. Однако установлено, что нарушения интенсивности солнечной деятельности влекут за собой глубокие изменения в атмосфере и гидросфере Земли. В районах, где обычно в течение круглого года преобладает область высокого давления — антициклон, начинается усиленная циклоническая деятельность, сопровождающаяся сильными осадками, грозами, шквалами и резкими колебаниями температуры воздуха. Изменяются обычные пути циклонов и антициклонов, холодные массы из полярных областей проникают в Алжир, Тунис, Сирию и Иорданию и вызывают здесь невиданной силы бураны. Теплый воздух, в свою очередь, устремляется к северу и среди полярной

зимы вызывает в тундре оттепели.

В 1957 году наступил максимум солнечной активности. Поверхность нашего светила покрылась пятнами, пересекающими поперечник Земли. Взрывы колоссальной силы выбрасывали в космическое пространство огромное количество солнечной материи. Этот максимум продолжался почти три года. И все это время на Солнце одна за другой следовали чудовищные вспышки. По измерениям ученых, взрыв 10 мая 1959 года был равен по силе взрыву миллиона водородных бомб! Еще более мощные взрывы произошли 10 и 14 июля того же года. В результате этого по всему земному шару прошли небывалые по силе магнитные бури, сопровождавшиеся полярными сияниями.

Этот максимум был чрезвычайно высоким. Считают, что произошел он вследствие совпадения двух циклов: одиннадцатилетнего и векового. После максимума, в одиннадцатилетнем цикле наступает, через 3—4 года, минимум солнечной деятельности. Но на этот раз минимум в 1964 году оказался намного выше обычного максимума. Наше светило вело себя весьма беспокойно в этот «год спокойного Солнца».

В результате усиленной солнечной деятельности в течение последнего цикла в циркуляции атмосферы были большие нарушения. По всему земному шару прокатились волны катастрофических явлений. Телеграф приносил сообщения о необычной жаре и засухе, снежных бурях в субтропических странах, страшных лесных пожарах, наводнениях и грозах. На Тихом океане свирепствовали тайфуны, в Атлантике бушевали ураганы.

«Разбушевались» и недра земли. Ожили дремавшие до этого вулканы. Землетрясения, одно сильнее другого, происходили в Японии и Малой Азии, Югославии, Италии и Албании. Содрогалась земля в Средней Азии, Забайкалье и на Дальнем Востоке.

У многих укоренилось мнение, что наш старый Урал тих и спокоен. Однако это далеко не так. Сложный рельеф способствует возникновению здесь грозных явлений. Сильные ливни, когда за несколько ча-

сов выливается на землю до 600—900 тонн воды на гектар, смывают посевы, сносятся деревянные плотины и мосты, разрушаются железнодорожные насыпи. Нередки на Урале и ураганы, правда, не такие опустошительные, как в тропиках. Например, 22 июля 1951 года через Урал с очень большой скоростью промчался ураган. Расстояние от Бугульмы в Башкирии до Кондо-Сосьвинского заповедника он пересек за 9 часов. Кое-где за ним тянулась полоса разрушений шириной до 50 километров. По всей территории края прошли ливни и грозы. На несколько дней прекратилось движение поездов по Горнозаводской линии, где были повалены столбы электропередач. Целую неделю расчищалась от погибшего леса железнодорожная линия Сосьва — Алапаевск.

Иногда ураганный ветер достигает чудовищной силы. Так, например, 21 июня 1963 года между Свердловском и Каменском-Уральским промчавшийся ураган согнул под углом более 90 градусов четыре опоры высоковольтной линии.

Но мысль человека проникает в глубины Вселенной, познает до конца и тайны нашего Солнца. И наступит такое время, когда люди покорят все виды энергии и по своему усмотрению будут руководить процессами в атмосфере. О том, какой энергией должен для этого располагать человек, можно судить хотя бы по такому факту. При образовании на небе нескольких кучевых облаков средних размеров за три-четыре часа расходуются десятки миллионов киловатт-часов энергии, то есть столько, сколько могут выработать за это же время несколько гидроэлектростанций, равных по мощности Волжской ГЭС имени Ленина.

Для изменения погоды требуется огромная энергия. Для сравнения скажем, что в самом рядовом шторме, бушующем на площади в сто квадратных километров, участвует энергия, соответствующая взрыву нескольких атомных бомб. Сколько же потребуется ее, чтоб оказать влияние на погоду даже такой территории, как Урал?

Но уже сейчас мы научились вступать в активную борьбу со стихией. В настоящее время успешно вызываются

дожди из облаков при помощи распыливания твердой углекислоты, йодистого серебра и других веществ. Масштабы искусственных дождей пока ограничены, но в период губительных засух они оправдывают затраченные средства. Мы научились разгонять грозовые тучи, несущие град, предвидеть наступление стихии и, вовремя приняв меры, свести к минимуму последствия бушующей природы.

В последнее время человечество стало задумываться над капитальной перестройкой климата Земли. Существует несколько проектов, как растопить льды Арктики и тем самым повысить температуру широт. Однако, взгляды ряда ученых тут разошлись. Одни считают, что, исчезнув, льды уже не смогут образоваться, так как поверхность воды, нагреваемая Солнцем, не будет достигать охлаждения, достаточного для ее замерзания. Другие же полагают, что исчезновение льдов в Полярном бассейне должно привести к усилению испарения, вследствие чего в северных широтах будет выпадать такое количество снега, которое уже не сможет растопить летнее солнце. Накапливаясь из года в год, снег превратится в лед, и тогда может начаться новый ледниковый период.

Предлагался проект создания в Беринговом проливе плотины, чтоб прекратить доступ холодного течения. Другие считали, что можно изменить направление теплого течения Гольфстрим, и тогда улучшится климат северной Европы.

Подобных проектов много. Но здесь, как нигде, применимо мудрое правило: «Семь раз отмерь, один — отрежь»! Любое изменение природных условий повлечет за собой глубокие биологические изменения. Кроме того, подсчитано, что исчезновение льдов только в одной Гренландии повысит уровень мирового океана на шесть метров, а полное исчезновение всех льдов на Земле — на 60—70 метров. А это значит, что все низменности и равнины, то есть наиболее населенные и плодородные земли, окажутся под водой, и человечество вынуждено будет ютиться на разрозненных клочках земли.

Поэтому, раньше, чем в корне перестраивать природу, надо тщательно изучить возможные последствия перестройки. Но человек найдет путь к солнечным тайнам и будет управлять погодой и климатом Земли.

ПЕРВЫЙ ПОХОД

Шлет за сыном следом мама
На турбазу телеграмму:
«Забронируйте к походу
Идеальную погоду!»

ПРОГНОЗ

Дождь хлынул. На улице стало
Синоптик задумчиво глянул в
И вывел прогноз осторожный в
«Сегодня в районе возможных
осадки».

И. ТАРАБУКИН
Рисунки В. Наконечного

ВИСИМУ БЫТЬ

«Милые зеленые горы, сохраним вас!» Так назвал писатель Борис Рябинин свой очерк, который был напечатан в журнале «Уральский следопыт» № 2 за 1968 год. В очерке ставился вопрос об открытии Висимского заповедника на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. «Милые зеленые горы» — это слова Мамина-Сибиряка, в них отразилась любовь писателя-уральца к родному краю, к вечно зеленым уральским горам.

Очерк вызвал большой отклик. Пришло много писем в адрес автора и редакции. Все они безоговорочно поддерживают выдвинутые предложения, все ратуют за немедленное открытие заповедника.

Мы публикуем некоторые из этих писем.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР!

Пишу Вам по просьбе группы членов Московского Дома ученых Академии наук СССР. Нас чрезвычайно обрадовало появление в Вашем журнале очерка Б. Рябинина «Милые зеленые горы, сохраним вас!» Построенный на обширном фактическом материале, проникнутый истинным патриотизмом, очерк приобретает сейчас исключительно важное значение. Мы надеемся, что мысли и призывы автора не останутся «глазом вопиющего в пустыне» и что заповедник культуры и природы в районе Висима будет создан.

*Секретарь комиссии по изучению жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка при Московском Доме ученых АН СССР
Борис УДИНЦЕВ*

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР!

Ознакомившись с очерком «Милые зеленые горы, мы сохраним вас!», я не могу удержаться от желания откликнуться на него. Проработав на Урале более семнадцати лет и, естественно, став поклонником его, я — старый педагог — не в силах равнодушно пройти мимо судеб его культурных и природных ценностей.

Идея создания природного и историко-культурного заповедника имени Мамина-Сибиряка мне кажется очень ценной и своевременной. Мы, педагоги-географы, особенно ясно понимаем

важность воспитания у молодого поколения любви и уважения к родным местам — с этого начинается сознательный патриотизм, преданность своей великой Родине.

Хочется также пожелать, чтобы местное издательство выпустило интересную историко-географическую книгу о заповеднике.

*В. РАУШ,
Москва*

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

С большим интересом прочитала я очерк Б. Рябинина в № 2 «Уральского следопыта». Горячо поддерживаю идею создания на Среднем Урале «Заповедника маминской старины». Как землячку (и к тому же немного занимающуюся творчеством Мамина-Сибиряка) меня глубоко взволновал очерк. От всего сердца желаю успеха товарищам, которые хлопочут о создании заповедника. Не знаю, чем лично я могла бы помочь в этих делах, но душой я с автором очерка, с редакцией «Уральского следопыта», со всеми моими земляками.

С приветом

Л. НАЗАРОВА

*Старший научный сотрудник института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
г. Ленинград*

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Прочитав в Вашем журнале очерк Б. Рябинина о необходимости создания Висимского заповедника имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, горячо поддерживаем мнение автора и считаем безотлагательной необходимостью взять под госохрану эти памятные места, связанные с творчеством большого писателя и дорогие сердцу каждого советского человека.

З. МАСЛЕННИКОВА,
скульптор
Надежда ПАВЛОВИЧ,
писательница
Москва

ДЕТЯМ И ВНУКАМ УРАЛЬЦЕВ — ЗАПОВЕДНИК ИМЕНИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Борис Рябинин на страницах «Уральского следопыта» поднял вопрос об организации Висимского заповедника. Это — родные места писателя-уральца, без произведений которого мы не только многого бы не узнали о людях Урала, его прошлом, но и о его природе. Едва ли найдется в нашей литературе другой писатель, который с большим правом мог бы претендовать на сохранение в его память не только строений, связанных с его жизнью, но и на сохранение той округи, с ее лесами и озерами, речками и болотами, которая была и школой, и вдохновительницей замечательного писателя-уральца.

Да, Дмитрий Наркисович Мамин не только летописец, мастерством которого живут в нашей памяти люди Урала былых поколений. Он был и землеписателем (т. е. географом) родной ему Уральской земли.

Вот почему Висимский заповедник имени Д. Н. Мамина должен по идее включить в себя и собственно Маминский мемориальный музей (и не только литературный, но и этнографический, бытовой музей Висимской округи), и природный заповедник. Все вместе взятое должно стать достоянием всех, кто знает и любит Урал и творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Совесть должна побудить нас беречь нашу землю для детей и внуков в память о дорогих нам людях.

Справедливо говорится, что на Урале надо организовать 8—12 заповедников, а не 3, как имеется сейчас. И один из них — комплексный, Маминский, в Висиме.

Целесообразна и мысль о том, что в Висим-

ском заповеднике может быть устроена учебная база пединститута. Мне, как человеку, большую часть своей долгой жизни посвятившему подготовке учителей, такая мысль особенно близка: мысленно я уже вижу, как в подобном комплексном заповеднике можно будет с успехом вести не только образовательную, но и воспитательную работу с будущими педагогами. То, что усвоят будущие учителя здесь, в заповеднике, они понесут по всему Уралу, да и не только по Уралу.

Создание Маминского заповедника — долг уральцев перед грядущими поколениями!

Профессор Н. И. ЛЕОНОВ,
действительный член Географического общества СССР
г. Фергана

НУЖНО СПЕШИТЬ

Прочитав в вашем журнале статью о необходимости создания в Висиме природного и историко-литературного заповедника имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, мы горячо поддерживаем выступление редакции. Кроме восстановления природного заповедника, по нашему глубокому убеждению, крайне желательно организовать в Висиме заповедник уральской старины эпохи Д. Н. Мамина-Сибиряка. Такие заповедники имеются в Пушкинских Горах, в Ясной Поляне, в Спасском-Лутовинове и в чеховском Мелихове. Совершенно справедливы слова очерка, что в Висимском заповеднике «должен будет побывать всякий, кому дорога отечественная культура», кому дорога история рабочего класса, воспетого Маминым-Сибиряком.

Выдающегося писателя-уральца высоко ценили В. И. Ленин, А. М. Горький. Еще недавно, на одном из маминских вечеров в Московском Доме ученых АН СССР с большим подъемом говорил о творчестве Мамина-Сибиряка старейший член КПСС профессор Ф. Н. Петров, выразивший мнение советских литературоведов о писателе.

Мы убеждены, что с созданием Маминского заповедника нужно действительно спешить, как с делом большого культурного значения республиканского характера.

В. ЖЕЛИГОВСКИЙ,
академик ВАСХНИЛ; КОВАЛЕВ,
кандидат филологических наук, доцент МГУ;
А. ЛЕБЕДЕВ,
преподаватель Института народного хозяйства имени Плеханова, кандидат экономических наук, и др.

ВЫПИСКА

из протокола объединенного совещания депутатских комиссий охраны природы.

г. Н. Тагил

7 мая 1968 г.

Постоянные депутатские комиссии охраны природы: Нижнетагильского городского, Ленинского, Тагилстроевского и Дзержинского районных Советов депутатов трудящихся, на совместном расширенном заседании с участием представителей исполкома Пригородного райсовета, горкома ВЛКСМ, управления главного архитектора горисполкома, треста «Тагиллес», Тагильского лесхоза, Висимского лесхоза, государственной санитарной инспекции, Северо-Уральской бассейновой инспекции, инспекции рыбнадзора, педагогического института, городского Всероссийского общества охраны природы, городского совета краеведения, городского общества рыболовов и охотников, редакции газеты «Тагильский рабочий», — обсудив вопрос о состоянии природных условий в пригородной зоне Н. Тагила и о вос-

становлении бывшего Висимского заповедника, ПОСТАНОВИЛИ:

Материалы, освещенные в № 2 журнала «Уральский следопыт» в очерке Б. Рябина «Милые зеленые горы, сохраним вас!» и в газете «Уральский рабочий» 5. IV. 68 года в статье «Быть Висиму заповедником», являются также и выражением мнения общественности г. Н. Тагила и его пригородной зоны. Мы присоединяемся к обращению в Свердловский облисполком о быстрейшем утверждении в Совете Министров РСФСР границ Висимских заповедных территорий и создании для них органов научного и хозяйственного руководства.

По поручению участников совещания — председатель депутатской комиссии охраны природы Нижнетагильского городского Совета депутатов трудящихся.
В. ШАЙДЮК

ВИСИМСКИЕ ДАЛИ.

Фото В. Бассеги

С М Е Ж А Й - Ж А !

Группа молодых людей устроила пикник. И как это часто бывает, каждый из них, кроме одного, решил увековечить себя инициалами на дереве.

Давайте пристыдим их за варварское отношение к природе. А чтобы они не ссыпались на старые надписи, укажем каждому оставленный им след.

Рисунок В. СЕМЕНОВА

ОТВЕТЫ НА РИСУНКИ-ЗАГАДКИ В № 8

1. Садовод работает следующими инструментами. Верхний ряд, слева направо: кистью, тачкой, лопатой, садовыми ножницами. Нижний ряд: граблями, опрыскивателем, лейкой.

2. На рисунках явно повторяются четыре лица: усатого мужчины в пенсне, женщины с сережками, паренька с бородавкой на правой щеке и постриженного под бобрик мужчины с бородкой.

3. Такие гнезда строит ремез.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ
Ю. Трифонов, А. Воловик 18
ВЕЧЕРОМ
А. Гурулев, Рассказ 53

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- 317 НЕИЗВЕСТНЫХ
П. Стефановский. Записки летчика-испытателя 1
ФРОНТОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ
Г. Тимофеев 20
ЗАЛП
В. Магэр 26
ПАМЯТЬ МОЯ — СОЛДАТЫ
В. Стариков 28
ПИК ВЕРЫ ФЛЕРОВОЙ
Г. Устинов 44

КРАЕВЕДЕНИЕ

- МЕДАЛИ ПУГАЧЕВА
Я. Харасов 25
ПЕРВЫЕ ТЕКСТИЛЬЩИКИ УРАЛА
С. Рохмистров 43
ПОГОДА И СОЛНЦЕ
Л. Федоров 72
ВИСИМУ БЫТЬ 76

ДОРОГАМИ ПОИСКА

- СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА 17
БУДЕТ У СКАЗКИ СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ
Т. Каленова 48
БОГ ОГДА И КСЭ
Ю. Яровой 50

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

- ОБИТАЕМАЯ ЛУНА 59
ЛЮДОВИК С ПЛАНЕТЫ ПРОНИЯ
О. Чепурной. Рассказ 65
СМЕКАЙ-КА 79

ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. КИПРИНА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова Корректор В. Бурангулова
НС 13196. Подписано к печати 13/VIII 1968 г.
Бумага 84×108/16=2,62 бум. л. 8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 10,27. Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 395.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

В 1969 ГОДУ

«...Неожиданно предутреннюю тишину разорвали гулкие хлопки гранат, затрещали автоматные очереди. Взлетели ракеты. Марина увидела сбегающие вниз по откосу три фигуры в масках. Вот они залегли и стали отстреливаться. И другие разведчики, что оставались внизу, тоже стали бить по немецкой траншее.

Марина услышала, как Половинкин спросил: «Все тут!» И в это время на гребне откоса показались немцы. Они бежали, пригнувшись, наперерез разведчикам. Их темные фигуры хорошо были видны на фоне светлеющего неба.

Марина старалась не отставать от бежавшего впереди нее Абрамова. Немцы спускались все ниже по откосу. Они теснили разведчиков на дно ложины, на минное поле...

Это — отрывок из документальной повести Владимира Турунтаева «Не верь тишине» об отважной фронтовой разведчице Марине Парфеновой и ее боевых друзьях по 92-й отдельной разведроты 134-й стрелковой дивизии.

Редакция и автор повести просят откликнуться однополчан Марины Парфеновой. Где вы, разведчики Леонид Власов, Георгий Павлов, Анатолий Пазюк, Николай Нечипуренко, Андрей Верстин, медсестры Ольга Березовская и Елена Рудзеева, бывший командир саперной роты Лосев, бывший командир эвакозвода Пономарев!

ПРИЕДУ В ГОСТИ ЗПТ
ЖДУ ПРИГЛАШЕНИЙ ТЧК
ВЕЗУ С СОБОЙ
ЧЕМОДАН ПРИКЛЮЧЕНИЙ ТЧК

Уральский Следопыт

И. КОЛОС.
ПОВЕСТЬ О РАЗВЕДЧИКАХ
В. ДЕМИДОВ.
„СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!“
В. ТУБОЛЕВ.
БУНТ
В. ТУРУНТАЕВ.
НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ
С. РУЖЕНЦЕВ.
ЦАРЕВА ЛЮСТРА
Н. ХАУНЕН.
ПОЛЖИЗНИ ПОД ЗЕМЛЕЙ
А. ШУЛЕШОВА.
ПАРОЛЬ НА СУТКИ—
ACHTUNG

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ НА 1969 ГОД ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ „СОЮЗПЕЧАТИ“ — 73413.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 руб. 60 коп.

Н. ЧЕРКАСОВ (Челябинск)

ОСЕНЬ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНСВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ